

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ФАКУЛЬТЕТ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ

ВЕСТНИК

**научной сессии факультета
философии и психологии**

Выпуск 18

Воронеж
Издательский дом ВГУ
2018

УДК 001(082)
ББК 6/8
В38

Редакционная коллегия:

Ю. А. Бубнов (ответственный редактор), И. Ф. Бережная,
К. М. Гайдар, С. Н. Жаров (зам. ответственного редактора),
А. С. Кравец, Д. Г. Кукарников

Вестник научной сессии факультета философии и психологии / [отв. ред. Ю. А. Бубнов] ; Воронежский государственный университет. – Вып. 18. – Воронеж : Издательский дом ВГУ, 2018. – 196 с.
ISBN 978-5-9273-2604-4

В сборнике опубликованы материалы научной сессии факультета философии и психологии (апрель 2017 г.).

Сборник адресован научным работникам, аспирантам, студентам, а также всем интересующимся актуальными проблемами философии, культурологии, психологии, педагогики.

УДК 001(082)
ББК 6/8

ISBN 978-5-9273-2604-4

© Воронежский государственный университет, 2018
© Оформление. Издательский дом ВГУ, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Кравец А. С. КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕЧЕВЫХ АКТОВ6

Кукарников Д. Г. ФИЛОСОФИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК И СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ В ОНТОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ12

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Авакян-Форер А. Г. ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ 19

Арапов А. В. ИСЛАМ И ПОЛИТИКА В XX ВЕКЕ: ТРИ ЭПОХИ25

Баркалов В. А. ФЕНОМЕН ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА В КУЛЬТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ (на примере вольного пожарного общества Воронежской губернии конца XIX – начала XX вв.)28

Беляев М. А. О ПРЕДСТАВИМОСТИ, ЛОГИЧЕСКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ И ИХ СВЯЗИ34

Вахренева П. Е. КАК РОЖДАЕТСЯ РЕАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ИСТОРИИ, ИЛИ КАК ВОЗНИКАЕТ ВЕРТИКАЛЬ САМОСТОЯНИЯ ЛИЧНОСТИ?40

Дьякова Т. А. ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ МИФОВ46

Журавлева И. А. ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ РИМСКОГО СТОИЦИЗМА50

Зубашенко Я. В. К ВОПРОСУ ОБ ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЯХ ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ53

Ищенко Е. Н. СОВРЕМЕННОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ ПРОШЛОГО: К ВОПРОСУ О «НОВОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ»58

Костюк А. А. К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ64

Литвинов М. Ф. ПРУСТОВСКИЙ ПЛАТОНИЗМ И МЕТОНИМИЯ	69
Малышева Н. Л. НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ГРАНИЦ: ИСКУССТВО КИНО И ИСКУССТВО ПЕРФОРМАНСА	75
Погорельчик А. В. РОЛЬ УРБАНИЗАЦИИ В РАЗВИТИИ МАССОВОГО ОБЩЕСТВА	80
Саенко М. М. САХАЛИНСКИЙ МЕЛАНЖ: К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КУЛЬТУР	85
Симонова С. А., Белоусов А. Ю. К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КИНОИНДУСТРИИ	90
Сулимов С. И. АНТИСИСТЕМЫ НОВОГО СВЕТА	95
Тихонова И. Ю. КОНЦЕПЦИЯ «НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ТРУДА» В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ	101
Филипцев К. Н. СОВРЕМЕННЫЙ МАРКСИЗМ О ПРОБЛЕМЕ ДУХОВНОГО И ПРАКТИЧЕСКОГО В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ	107
<i>ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА</i>	
Бабич О. М. КОМПЛЕКС РАНЕНОГО ЦЕЛИТЕЛЯ: СИНДРОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГЛУБИННОЙ ПСИХОЛОГИИ	114
Гайдар К. М. АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ, УГРОЗ И РИСКОВ, ПОРОЖДАЕМЫХ КОМПЬЮТЕРИЗАЦИЕЙ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ	120
Гончарова Ю. А. ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ УЧАЩИХСЯ КАК СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС	127
Есманская Н. Е. ОСВОЕНИЕ СТУДЕНТАМИ-ПСИХОЛОГАМИ СРЕДСТВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В ИЗОБРАЖЕНИИ ПИСАТЕЛЯМИ ХАРАКТЕРОВ И ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ ПЕРСОНАЖЕЙ	132

Завгородняя И. В. ПРЕНАТАЛЬНЫЙ СТРЕСС КАК ФАКТОР ПСИХИЧЕСКОГО И ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ	136
Иванова О. А. ВЗАИМОСВЯЗЬ СКЛОННОСТИ К ПОСТНАТАЛЬНОЙ ДЕПРЕССИИ И ТИПА ОТНОШЕНИЯ К БЕРЕМЕННОСТИ И РОДАМ У МАТЕРЕЙ ПРЕЖДЕВРЕМЕННО РОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ	143
Лисова Е. Н., Аль Лами Али Абдулкадер. ОБРАЗ ОБЩЕСТВА И ГРУППЫ У ТЕРРОРИСТОВ ИЗ ИРАКА	147
Макушина О. П. СЕЛФИ – УВЛЕЧЕНИЕ, РАССТРОЙСТВО ИЛИ ЗАВИСИМОСТЬ?	152
Малютина О. П., Меркулова И. Д. ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ У СОТРУДНИКОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ СЛУЖБЫ МЧС С РАЗНЫМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ	156
Пинегина Н. М. ЖИТЬ «БЛАГОДАРЯ» ИЛИ «ВОПРЕКИ» – С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ	163
Симонова Л. В. ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЕМЬЕ У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ	169
Смирнова Э. В. КАТЕГОРИЯ ДЕТЕРМИНАЦИИ В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ЛИЧНОСТИ	175
Тимофеева О. В. К ВОПРОСУ О РОЛИ ГЕНОТИПА И СРЕДЫ В ВОЗРАСТНЫХ КРИЗИСАХ	182
Третьякова В. Э. ОПЫТ РАЗРАБОТКИ ОПРОСНИКА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СУБЪЕКТНОСТИ ГРУППЫ В ПРИНЯТИИ И ИСПОЛНЕНИИ РЕШЕНИЙ	186
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	193

ДОКЛАДЫ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

А. С. Кравец КОНВЕНЦИОНАЛЬНЫЕ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ РЕЧЕВЫХ АКТОВ*

В развитии концептуальных представлений о смысле исторически сложились три последовательно сменяющих друг друга парадигмы смысла. Первая парадигма – словоцентристская, ее истоки уходят в античность.

Словоцентристская парадигма трактовала смысл как отношение, возникающее между знаком (словом) и объектом. Смысл слова понимался как мыслимый объект, как его образ в сознании, соответствующий слову. В развитии словоцентристской парадигмы возникли два подхода: двухуровневый и трехуровневый. Двухуровневая концепция, получившая название «теории крещения», признавала эмпирическое соотнесение слова с объектом через указание на последнего. В настоящее время эта концепция отвергнута.

Пропозициональная парадигма опиралась на идею семантического треугольника, выдвинутого Г. Фреге. Согласно немецкому философу связь слова (имени) с объектом (денотатом) всегда опосредована мыслью, характеризующей объект. Элементарный смысл в логике выражается формулой $S - P$, соответствующей в языке минимальной структуре предложения. Эта минимальная структура предложения была названа пропозицией. По Л. Витгенштейну, смысл есть мыслимое «положение дел» в мире. Обе парадигмы актуализировали объективный аспект смысла, его связь с реальностью, с внешним миром.

В деятельностной парадигме за основу смысла берется речевой акт, который трактуется как действие говорящего с помощью слов. Это действие направлено на сознание слушающего, и всегда

* © Кравец А. С., 2018.

что-то меняет в его поведении или в социальном мире. Речевой акт имеет более сложную структуру. Помимо пропозиции он включает также перформативы, в которых действующий с помощью слов выражает свои просьбы, приказы, советы, объявления, утверждения, отрицания, предупреждения, приветствия, пожелания. Соответственно, в речевом акте появляются уже три смысла: локуция, иллокуция и перлокуция. Локуция означает общезначимый смысл употребляемых говорящим слов, или языковую конвенцию. Иллокуция выражает направленные говорящим на слушающего свои смысловые намерения. Перлокуция характеризует воздействие на говорящего, произведенное речевым актом.

«Если логика, а также структурная лингвистика, первой половины нашего века (т. е. XX в. – *А. К.*) – как отмечают Н. Д. Арутюнова и Е. П. Падучева, – стремились освободиться от говорящего субъекта и свести все свои содержательные категории к отношениям предложений в действительности и к отношениям между предложениями, то начиная с середины века организующим центром «смыслового пространства» стал человек со всеми его психологическими комплексами»¹. Основы теории речевых актов были разработаны британским ученым Дж. Остином и американским философом Дж. Серлем. Прежде всего хотелось бы подчеркнуть, что деятельностная парадигма погружает смысл в мир человеческой субъективности в качестве важнейшей интенции деятельной сущности человека.

В речевом акте говорящий планомерно осуществляет свои цели и намерения для достижения определенного результата. Слово побуждает слушающего либо к речевому действию (в диалогах), либо к материальному (открыть огонь, подать соль, уволиться с работы и т. д.). Успех действия (т. е. достижение планируемого результата) зависит не только от намерений говорящего, но и от ожиданий слушающего. Таким образом, деятельностная парадигма явно вводит новую субъект–субъектную (S–S) модель речевого акта. Высказывание в данной модели трактуется уже не как абстрактная сентенция, за пределами которой остается субъект, но как субъект–субъектное взаимодействие с помощью языка.

Деятельностная парадигма актуализирует глубокую укорененность смысла в человеческом сознании. Для понимания смысла оказывается недостаточно установить его отношение к реальности

(пропозициональное содержание). Не менее важное значение для принятия решения действующим субъектом является установление мотивов, намерений, целей говорящего. Действие с помощью слова детерминировано субъективной устремленностью говорящего на результаты, также как и ответная реакция слушающего.

Это субъективная устремленность, получившая выражение в иллокутивных актах, неотделима от смысла сказанного. Когда вам говорят «Во дворе злая собака», это не просто описание того, что находится во дворе, вас предупреждают, воздействуя на ваше сознание, чтобы вы приняли разумное решение. И вы принимаете сказанное как руководство к действию, лишь раскрывая, восстанавливая смысловые интенции сказанного, т. е. намерения, мотивы, цели говорящего.

Иллокуция обнаруживает себя прежде всего благодаря конвенциональным правилам своего выражения. Говоря об иллокуциях, следует различать два типа этой конвенциональности: языковую и социокультурную. Первая проявляется в общепринятых языковых формах выражения иллокутивных актов, которые служат лингвистическими индикаторами намерений говорящего, своеобразными маркерами просьбы, приказа, совета, вердикта, утверждения и т. д. Второй тип конвенций коренится в социокультурных условиях и традициях. Приказ может отдать лишь начальник подчиненному, равного по рангу можно лишь попросить, совет дают знакомому или другу, вердикт выносит судья и т. д. Действие с помощью слова подчиняется установленным в обществе нормам (моральным, правовым, профессиональным, религиозным)². Вместе с тем следует различать выражение иллокуции в иллокутивном акте и психологические состояния субъекта, лежащие в ее основе. Если первое подчиняется конвенциональным правилам, то второе, как нам представляется, является имманентной сущностью человека волящего (т. е. человека, обладающего волей), желающего, верующего, намеревающегося. Когда человек выражает в слове убеждение (т. е. определенную иллокуцию), то он действует в соответствии с определенными социокультурными конвенциями, но вера, лежащая в основе манифестируемого убеждения, не является конвенцией. Когда человек выражает просьбу, то его намерение манифестируется в языке в соответствии с принятыми конвенциями, но само состоя-

ние нужды субъекта, мотив его просьбы отнюдь не является конвенциональным.

То же самое замечание касается перлокутивного эффекта. Воздействие, оказываемое на слушающего с помощью слова, починяется конвенциям первого и второго рода, особенно это проявляется в таких актах как просьба и приказ. Однако слушающий обладает самостоятельной волей, он может не выполнить приказ, противоречащий его моральным убеждениям, не удовлетворить сомнительную просьбу. Следовательно, намерения слушающего имеют суверенные, глубоко личные мотивы. Особенно ярко проявляется имманентная укорененность ожиданий, намерений, мотивов, действий слушающего в его реакция на угрозу (возникает состояние тревоги), извещение о смерти близких повергает его в отнюдь не конвенциональную печаль.

Из сказанного следует, что в смыслах существует трудноразличимая граница между неявным и явным. Явное в смысле манифестируется с помощью слов, оно понимается слушающим на основе принятия им системы социокультурных и языковых конвенций, а также фоновых знаний. Неявное в смысле – это прежде всего неманифестируемое. Относительно скрытых, глубоко имманентных интенций и намерений говорящего слушающий может делать лишь некоторые предположения, т. е. может строить импликации. Однако эти импликации обычно исходят из некоторых стереотипных установок о том, что чувствуют или как ведут себя люди в определенных обстоятельствах. По существу, это означает, что неявное становится понятным, эксплицированным лишь постольку, поскольку мы можем подвести природу неявного под стереотипные схемы поведения человека. Именно стереотипными установками объясняется принятие известного условия искренности в иллокутивных актах: если я нечто обещаю, я намерен это выполнить, если я нечто прошу, то я в этом нуждаюсь.

Теперь мы хотели бы наметить здесь проблему обсуждения самого понятия «психологическое состояние» субъекта. Этот термин является общераспространенным в западной литературе при анализе речевых актов.

Речь идет о том, что говоря о смыслах, следует различать психологическое состояние и сознание субъекта. Возможно для многих – это одно и то же. Почему все-таки важно провести здесь

различение? Дело в том, что, по нашему глубокому убеждению, смысл лежит в плоскости интеллигибельной, т. е. осознанной, продуманной, рациональной деятельности человека, в отличие от чувственных настроений, эмоций, аффектаций.

Человек может испытывать необъяснимые для него чувства тревоги, печали, радости, тоски, фрустрации и т. д. Именно для такого комплекса феноменов лучше всего подходит термин «психологическое состояние». Такого рода чувства и аффектации не упорядочены смыслом, и поэтому необъяснимы как самим обладателем этого состояния, так и тем более внешним наблюдателем.

Упорядочение, или надделение смыслом, намерений, убеждений, целей начинается с их о-сознания, т. е. предполагают определенную рефлексию разумного человека по отношению к своим интенциям. Рефлексия как работа ума – отнюдь не только привилегия философа, рефлексия как о-смысление своего внутреннего «я», своих внутренних психологических состояний присуща любому разумному человеку. Другими словами, рефлексия, осознание наделяют мотивы и намерения определенным смыслом, т. е. переводят их с уровня психики на уровень сознания. Осмысленная деятельность – это совершение акта поступания, делания со смыслом, с осознанием того, что я хочу, желаю, на что надеюсь, в чем нуждаюсь, во что верю и т. п. Именно потому, что в деянии намерения, убеждения, мотивы имеют смысл, они понимаются, «прочитываются» в речевом акте точно так же, как они «прочитываются» в предметной деятельности человека.

Важнейшая черта смысла, проявляемого в деятельности человека (и, конечно же, это относится и к речевому акту) – его планомерность и целесообразность. Действие устремлено на получение определенного результата, оно развивается по плану, где каждый шаг в его реализации приближает нас к цели. Поэтому о смысле говорят, что он рационален, продуман, спланирован, а об абсурде – что он иррационален, лишен смысла. Не случайно символом абсурда становится Сизифов труд, вечное стремление к недостижимой цели.

Как в предметной деятельности цепочка «цель – средство – результат» образуют гармонию, согласованность всех ее элементов, так и в речевом акте *мотив – намерение – цель – способ выражения* образуют единую смысловую цепочку.

Таким образом, в речевом акте наделены своим специфическим смыслом все его отдельные компоненты: мотив – как осознание нужды и деятельности, намерение – как определившееся стремление действовать в определенном направлении, цель – как образ желаемого будущего (т. е. результата), план – как продуманная схема всей деятельности, направленная на получение конечного результата. И вместе с тем речевой акт объединяет все эти смыслы в едином деятельностном контексте от мотива до конечного результата. В этом отношении речевой акт обладает целостным холистским смыслом. Именно потому, что существует эта наделенность смыслом речевого акта, его способны понимать слушающие.

В силу своей рациональности речевой акт подчиняется определенной коммуникативной логике, которая аналогична формальной логике, но все же существенно от нее отличается. Дж. Лакофф назвал ее «естественной логикой», т. е. логикой естественного применения языка. Эта логика позволяет вывести *презюмции*, лежащие в основе речевого акта, и вывести из нее определенные *импликации*. Следовательно смысл всегда логичен в отличие от абсурда. Именно это мы и имели в виду, когда говорили об интеллигибельности смысла, его умопостигаемой сущности.

Свести понятие смысла к жесткой дефиниции – довольно трудная задача, поскольку смыслы наполняют собой потенциально бесконечное многообразие видов человеческой активности, будь то научное познание или обыденное общение, техническое творчество или нравственные искания, размышление о религиозных догматах или восприятие художественной литературы. Однако можно наметить то ассоциативное семантическое поле, которое окружает это загадочное понятие. Смысл – это всегда интенциональное, полагаемое, мыслимое, продуманное, имеющееся в виду, подразумеваемое.

¹ Арутюнова Н. Д., Падучева Е. Б. Истоки, проблемы и категории прагматики. (Вступительная статья) // Новое в зарубежной лингвистике. – Москва : Прогресс, 1985. – Вып. 16. – С. 8.

² Об этом писал Ю. Хабермас.

Д. Г. Кукарников
ФИЛОСОФИЯ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК И СОЦИАЛЬНАЯ
ФИЛОСОФИЯ В ОНТОЛОГИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ*

Философия социальных наук (ФСН) в самом общем виде проблематизирует и исследует взаимоотношения между философией и социальными науками. Такое определение предполагает осуществление концептуальных разработок как в области различных философских дисциплин, так и в области создания методологических теорий в социальных науках. Вместе с тем отметим существование нескольких различных концепций в области ФСН, формулирующих ее основные цели и задачи, и, соответственно, сформировавшихся теоретических моделей ФСН¹.

Можно согласиться с Ю. А. Кимелевым и Н. Л. Поляковой, выделяющих три базовые задачи философии социальных наук, к которым они относят онтологический блок задач, методологический блок и собственно метатеоретическое исследование социально-научных теорий, в процессе которого ФСН фактически осуществляет функцию философии науки применительно к сфере социально-научного познания. Центральным звеном здесь, безусловно, выступает блок онтологических задач, направленных на прояснение общего характера социальной реальности как объектно-предметной сферы социальной теории, поиск общего «онтологического» определения предметной сферы социальных наук².

При этом заметим, что в социальной философии и социологии само понятие «социальная реальность» еще не получило четкой экспликации и употребляется в основном как синоним понятий «общественная жизнь», «общество», «социально-историческое бытие». Дать дефиницию понятию социальной реальности столь же проблематично, как и зафиксировать соответствующий феномен или, тем более, постулировать его как теоретическую конструкцию.

Еще в конце XIX в., в рамках разделения «наук о природе» и «наук о духе», начались активные поиски термина, обозначающего весь «человеческий мир». Именно в качестве такого термина В. Дильтей первым использовал словосочетание «социальная ре-

* © Кукарников Д. Г., 2018.

альность», получившее широкое распространение в XX в. благодаря работам А. Шюца, П. Бергера, Т. Лукмана и других представителей феноменологического направления в социологии. В настоящее время термин «социальная реальность» используют в двух основных смыслах: онтологическом, отражающим все объективно существующие социальные процессы и явления, и эпистемологическом, являющимся предметом конкретных социально-гуманитарных наук и теорий.

В истории социологии понятие «социальная реальность» в онтологическом смысле рассматривалось в контексте двух доминирующих теоретических линий, особым образом объясняющими ее природу и сущность: индивидуалистской (феноменологическая, экзистенциалистская, веберовская, конвенционалистская) и позитивистской (дюркгеймовская, марксистская, структуралистская, функционалистская, бихевиористская).

Согласно индивидуалистской позиции, социальная реальность есть результат целенаправленного или осмысленного человеческого поведения. Феноменологическая социология определяет социальную реальность как «тотальную сумму объектов и событий в социокультурном мире в том виде, как они воспринимаются в опыте обыденного мышления людей, живущих повседневной жизнью среди других людей, связанных с ними множеством отношений и взаимодействий»³. Таким образом, под социальной реальностью понимается нечто, выходящее за пределы теоретизирования и служащее средством соединения теоретического и обыденного. «Поле наблюдения социального ученого – социальная реальность – имеет специфическое значение и структуру релевантности для человеческих существ, в нем живущих, действующих и думающих. С помощью набора конструкторов обыденного знания они расчленили и по-своему интерпретировали этот мир, данный им в опыте как реальность их повседневной жизни»⁴.

В процессе обоснования социальной реальности как объектно-предметной сферы социальной теории, определения онтологического содержания предметной сферы социальных наук ФСН обнаруживает тесную связь и переплетение с определенными разделами философского знания (прежде всего с философской онтологией) и соответствующими философскими дисциплинами (социальная философия)⁵. Центральной функцией онтологических тео-

рий социальной реальности, складывающихся в рамках ФСН, выступает функция общего определения исследовательского поля для социальных наук. Философия социальных наук как бы берет на себя «посреднические» функции в отношениях между философией и социальными науками, артикулируя различные разделы и дисциплины философии в направлении последних. Разнообразные философские разработки рассматриваются в перспективе возможностей их использования в целях социально-научного познания, наделяются инструментальной функцией в отношении социальных наук.

Безусловно, особого внимания требует рассмотрение вопроса о линиях взаимосвязи между ФСН и социальной философией, поскольку и та, и другая осуществляют различными способами концептуализацию социальной реальности. Широко распространено мнение о том, что социальная философия предполагает философскую рефлексию над обществом и его компонентами в их историческом развитии, раскрытие закономерностей существования и динамики всех основных сфер общественной жизни и социального бытия человека. Это определение предполагает обращение к анализу, хотя и взаимосвязанных, но принадлежащих к различным формам бытия феноменов – бытию социальных структур, учреждений и институтов, с одной стороны, и бытию человека в обществе, с другой. Дело в том, что социальная философия самым тесным образом связана и с социальным, и с гуманитарным познанием, предмет которых различается. Предмет социальных (обществоведческих) дисциплин – социологии, экономики, политологии – раскрытие законов и механизмов функционирования социума. В качестве основного предмета гуманитарных наук (идеалом которых Г. Риккерт считал исторические науки) выступает раскрытие мотивационных факторов и ценностно-смысловых параметров человека как личности в обществе⁶.

Хотелось бы обратить внимание на одну значимую проблемную ситуацию в интерпретации социальной философии, связанную с существованием двух фундаментальных особенностей, атрибутивно присущих философии в целом, и определяющими социокультурный статус социально-философского знания, в частности. Ее анализ должен помочь нам в выяснении характера связи между социальной философией и социально-гуманитарными науками, а

также в определении принципиальных задач социальной философии в познании общества.

В философии достаточно давно сформировались и существуют сегодня две принципиально взаимосвязанные, но автономные интенции – эпистемная, выражающаяся в стремлении к достижению репрезентирующего познаваемый мир истинного знания о нем, и софийная, воплощающаяся в ценностно-императивных рассуждениях о сущности происходящего в мире. Итогом реализации первой интенции философии (по преимуществу профессиональной) является претендующее на объективный характер отражения действительности знание, второй (часто понимаемой как «философствование» о мире, человеке и месте человека в этом мире) – мнение.

В изучении общества первый путь, представляющий собой путь познания общественных событий («события» людей), явлений, их индивидуализации или генерализации, доходящей до открытия эмпирических закономерностей, выступает прерогативой социальных наук и создаваемых ими концептуальных моделей отдельных сфер и феноменов общественной жизни (политологические, культурологические, экономические и иные дисциплинарные концепции).

Применительно к социальной философии эта ситуация означает, что для нее, в отличие от корпуса социально-гуманитарных наук, естественно и позитивно сосуществование различных, зачастую несовместимых, парадигм, исследовательских программ и теоретических моделей общества. В этой парадоксальной для конкретно-научного знания ситуации проявляется богатство и продуктивность имеющей плюралистический характер социальной философии, позволяющей с разных сторон и концептуальных позиций рассмотреть единый предмет своего познания – общество и его феномены, но не претендующей на единственный и окончательный его диагноз. В этой связи, сопоставляя философское и научное знание, известный немецкий философ К. Ясперс отмечал, что «для человека, который верит в науку, наихудшим является то, что у философии нет общепринятых результатов, нет того, что можно было бы знать со всей определенностью, и чем можно было бы владеть. В то время как науки, бесспорно, достигли в своих областях достоверного и общепризнанного знания, философия не добилась этого,

несмотря на тысячелетия усилия. Нельзя отрицать: в философии не бывает того единодушия, которое устанавливается по поводу всего окончательно познанного. То, что признает каждый, опираясь на не терпящие возражений основания, и что становится научным знанием, не является более философией, но относится к отдельной области познаваемого»⁷.

Во-вторых, существование двух взаимосвязанных и взаимообусловленных подходов к познанию мира, классификация и определение которых восходит еще к Аристотелю и комментатору его сочинений Андронику Родосскому – «физического», основанного на регистрации, описании, обобщении и, на этой основе, познании непосредственно воспринимаемых явлений и процессов, и метафизического, предполагающего выход за пределы эмпирической конкретики и обращение к сущности происходящего в мире – к предельным основаниям бытия.

В изучении общества первый путь, представляющий собой путь познания общественных событий («события» людей), явлений, их индивидуализации или генерализации, доходящей до открытия эмпирических закономерностей, выступает прерогативой социально-гуманитарных наук и создаваемых ими концептуальных моделей отдельных сфер и феноменов общественной жизни. Речь идет о политологических, культурологических, экономических и других дисциплинарных концепциях.

Второй путь заключается в познании общественного бытия как такового и составляет предмет социальной метафизики, ориентированной на раскрытие глубинных закономерностей и ценностных параметров общественной жизни – того, что скрыто под напластованиями социально-исторических событий, что стоит за видимой хаотичностью или размеренностью, ставшей привычной и будничной чередой, социальных явлений. Поэтому «в то время как научные исследования ведутся по отдельным предметам, знать о которых каждому совершенно не обязательно, философия имеет дело с бытием в целом, которое имеет отношение к человеку как человеку, а также с истиной, которая там, где вспыхивает, захватывает глубже, чем любое научное познание»⁸.

Эти знания метафизического или метатеоретического уровня составляют первую принципиальную особенность социальной философии как учения об обществе. Может показаться, что в наше

непростое, полное будничных забот и тревог время – время торжества массового, одномерного и «практического человека», обращение к метафизическому опыту социальной философии не актуально и выглядит спекулятивным анахронизмом. Но прислушаемся к весьма убедительной, на наш взгляд, контраргументации русского философа С. Л. Франка, данной в другую эпоху – по его словам, «эпоху глубочайшего безверия, скепсиса, духовной разочарованности и охлажденности», наступившую после Октябрьской революции, которая, однако, близка и во многом созвучна духовному климату современного общества. По словам философа, «проблема социальной философии – вопрос, что такое, собственно, есть общество, какое значение оно имеет в жизни человека, в чем его истинное существо и к чему оно нас обязывает, – этот вопрос, помимо своего постоянного теоретического философского значения, имеет именно в наше время огромное, можно сказать, основополагающее практическое значение... Когда человек уже не знает, что ему начать и куда идти, он должен, забыв на время о сегодняшнем дне и его требованиях, задуматься над тем, к чему он, собственно, стремиться и, значит, в чем его истинное существо и назначение. Но именно этот вопрос в применении к совместной, общественно-исторической жизни людей и есть проблема социальной философии, философского осмысления общего существа общественного бытия»⁹.

Обращение к метафизическому измерению общества имеет важное мировоззренческое, методологическое и аксиологическое значение. Оно не уводит познание общественной жизни в область спекулятивно-схоластических рассуждений, а наоборот, дает возможность приблизиться к реальной конкретике социального бытия. Таким образом, социальная философия обращается к метафизическому осмыслению общества не как к самоцели, а как к средству более глубокого понимания общественной жизни. Последнее предполагает принципиальное единство и коммуникацию философии и обществоведения как на теоретико-содержательном, так и методологическом уровнях.

Поэтому вторая фундаментальная особенность социальной философии заключается в гармонизации отношений между метафизическим и «физическим» знанием об обществе, представленном в фактическом материале, эмпирических обобщениях и дисциплинарных (историографических, политико-экономических и др.) со-

циально-гуманитарных концепциях – так называемых «теориях среднего уровня» (термин Р. Мертон), посредством которых социально-метафизические проекты обретают конкретное содержание, коррелируя с реалиями общественно-исторической практики. От характера этих отношений зависят предметность и эвристичность социально-философских конструкций, а также метатеоретическая осмысленность концептуальных построений в конкретных социально-гуманитарных науках.

¹ Подробнее см. : Кукарников Д. Г. Основные концепты современной философии социальных наук // Социосфера. – 2010. – № 4. – С. 19–21.

² Кимелев Ю. А., Полякова Н. Л. Философия социальных наук // Вестник МГУ. – Сер. 18. Социология и политология. – 2014. – № 1. – С. 21.

³ Шюц А. Формирование понятия и теории в социальных науках // Шюц А. Мир, светящийся смыслом. – Москва : РОССПЭН, 2004. – С. 55.

⁴ Там же. – С. 61.

⁵ Кимелев Ю. А., Полякова Н. Л. Указ. соч. – С. 21–22.

⁶ Подробнее см. : Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. – Москва : Республика, 1998. – 413 с.

⁷ Ясперс К. Введение в философию. – Минск : ПроPILEI, 2000. – С. 3.

⁸ Франк С. Л. Духовные основы общества. – Москва : Республика, 1992. – С. 19.

⁹ Там же. – С. 16–17.

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

А. Г. Авакян-Форер ПРОБЛЕМА ЭКОНОМИЧЕСКОГО СУБЪЕКТА В ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ*

Экономические трансформации, происходящие в настоящее время, породили ряд новых иллюзий в отношении социальных сил и субъектов, которые должны обеспечивать содержание этих процессов, т. е. выбирать варианты преобразований, осуществлять поиск и реализацию методов трансформации и нести ответственность за их результаты. Господствующее прежде представление о ведущей роли государства в хозяйственном развитии сменилось другим – о «невидимой руке» рынка. В таком случае из поля зрения вновь исчезают субъект, как главное действующее лицо любого исторического процесса, и социальные группы. Категория «субъект», возникшая в античности, происходит от латинского слова «sub-jectus» – «лежащий внизу», «находящийся в основе», элементами которого являются приставка «sub» – «под» и корень «jacio» – «бросаю», «кладу в основание». Субъект в современном смысле означает носителя целенаправленной деятельности, в более широком смысле – источник активности, направленной на объект.

Понимание человека как экономического субъекта вызревает только в эпоху промышленного переворота. Человек становится субъектом практической, направленной на преобразование окружающего мира деятельности и экономического развития. Для полного и адекватного понимания приоритетов в жизни современного экономического субъекта в отечественной философской мысли, по нашему мнению, анализ нужно начинать от тех изменений, которые происходили ранее. Трудно не согласиться с Е. Н. Ищенко, которая призывает, прежде чем анализировать суть проблемы, сначала обращаться к ее истории, к истокам, к классикам: «Происходящие на

* © Авакян-Форер А. Г., 2018.

наших глазах... трансформации, которые никак иначе, чем революционными и не назовешь, вновь и вновь обращают нас к истории»¹.

Исторически проблема экономического субъекта восходит к проблеме экономического человека и к проблеме человека в экономике. Здесь в качестве одного из господствующих методологических принципов или подходов, на основе которых она исследовалась в экономической теории, можно обозначить индивидуально-психологический подход, в рамках которого основным экономическим субъектом в отечественной философской мысли выступает отдельный индивид, наделенный мотивами рационального хозяйственного поведения. Одной из главных особенностей формирования российской школы экономической мысли было изучение эволюции крестьянского хозяйства и земельной собственности в связи с определением будущего развития страны. Отличительной чертой российской экономической науки является особый интерес к крестьянству. В то время как в Европе экономисты все больше обращались к проблемам капиталистического промышленного развития, разрабатывая проблематику рыночной экономики, в России центральным объектом исследований оставался «крестьянский вопрос» – аграрные отношения, крепостное право и его последствия. Интенсивная разработка проблем экономики началась в России после отмены крепостного права: на первый план вышли такие проблемы как создание кредитных товариществ, развитие промыслов, становление кооперации, развитие земской статистики. Значительную роль в исследовании указанных проблем сыграл М. И. Туган-Барановский. Он является самой выдающейся фигурой в российской экономической школе, потому что внес большой вклад в теоретическое обоснование проблем кооперации и в разработку предмета и метода политической экономии.

Неклассическая и постнеклассическая рациональность в экономической науке потребовала не только уточнений, но и смены категориального аппарата, появились понятия с философским содержанием: «глобальная экономика», «этноэкономика», «экономическое пространство» и т. п. Для концептуализации экономической науки стали актуальны философские идеи русской школы конца XIX – начала XX вв., прежде всего, философии хозяйства С. Н. Булгакова², а также ее наследие в школе философско-экономической мысли Ю. М. Осипова³.

В конце 20-х гг. XX в. сложилась советская школа экономистов-международников. Основные позиции данной школы базировались на господствующей идеологии марксизма-ленинизма. В то время, когда в России зарождается философия хозяйства, в Европе господствует классическая политэкономия А. Смита и Д. Рикардо, критикуя которую К. Маркс создает теорию прибавочной стоимости⁴. Марксизм и его экономическая версия в конце XIX – начале XX в. были самыми актуальными и популярными учениями в России, что отразилось на взглядах Г. В. Плеханова, В. И. Ленина и «легальных марксистов», таких как П. Б. Струве, Н. А. Бердяев и др. В работах Н. А. Бердяева хозяйственная деятельность понималась как богочеловеческий процесс, а сама философия хозяйства переходила от этико-гносеологического содержания к космологическому⁵.

В 60–70-е гг. XX в. ознакомление советских ученых с западными течениями экономической теории происходило под вывеской «экономико-математических методов»⁶. Одним из тех, кто стоял у истоков экономико-математического направления в науке, был выдающийся ученый-экономист В. В. Новожилов. Особого внимания заслуживает Л. Канторович, которому в 1975 г. за «Теорию оптимального использования ресурсов» была присуждена Нобелевская премия⁷.

В начале 1990-х гг. намечаются новые исследовательские направления. В основе современной российской экономической научной теории лежит материальное потребление и получение сугубо прагматических экономических результатов (прибыль, расширение производства, успех в рекламной компании и т. д.), тогда как смысловой доминантой философской интерпретации хозяйственно-экономической деятельности является ценность труда, нацеленного на улучшение окружающего мира. «В России... не решены многие коренные проблемы в силу того, что были неудачные попытки консолидации политического класса и посткоммунистической модернизации... Россия отличается от многих стран тем, что часто переживала драматические изменения, и, если не выходила победительницей, то, по крайней мере, приспособилась к новым ситуациям в силу противоречий собственной идентичности»⁸.

В 2000-е годы наиболее фундаментальные версии российской философии экономики, выстроенные на разных научных традициях,

принадлежат Л. С. Гребневу, А. Г. Дугину и С. Г. Кара-Мурзе. Опасность растворения национальной культуры в безбрежном пространстве глобализации отражается на уровне философской рефлексии русского цивилизационного самоопределения, испытывающего потребность в духовной антропологии как национальной доктрине поиска идеала. Один из ведущих исследователей в этой области А. А. Корольков точно определяет приоритетную проблему современной России, которая заключается в сбережении культурных традиций нации, стоящей на грани забвения своей истории, духовных корней, нравственности, исчезающих под напором «цивилизационных соблазнов»⁹. По мнению С. Н. Жарова, «цивилизующие смыслы русской культуры всегда были сравнительно равнодушны к индивидуальному экономическому успеху и гражданской самостоятельности индивидов. Душевная проникновенность веры и обостренность нравственного чувства здесь не обретали действенной связи с индивидуальной практической заботой, которая представляла мелкой и даже ничтожной по сравнению с красотой Божьего храма и отрешенной духовностью иконописных ликов»¹⁰.

Настоящее время, трансформационные процессы, происходящие в современной социально-экономической жизни нашей страны, заставляют вновь и вновь возвращаться к рассмотрению проблемы экономического субъекта – главной производительной силы любой экономики.

Так, в последние годы в России опубликованы интересные исследования экономистов, социологов, философов. В. С. Автономов анализирует основания модели человека в экономической науке¹¹. С его точки зрения, в экономической модели представлены детерминанты и способы поведения человека. Он показывает, что «главными компонентами такой модели являются... гипотеза о мотивации или целевой функции экономической деятельности человека, гипотеза о доступной ему информации и определенное представление о физических и, главное, интеллектуальных возможностях человека, позволяющих ему в той или иной мере добиваться своих целей»¹².

Сегодня приходится учитывать то обстоятельство, что тема «экономического субъекта» до недавнего времени была одной из наиболее подверженных идеологическим деформациям в советской науке (вспомним известный лозунг: «Все – во имя человека, все – для блага человека!»). Данное выражение сейчас применяют иронически, по-

скольку этот объявленный коммунистами тезис так и не был выполнен. Поэтому говорить об удовлетворительном уровне ее разработанности в отечественной науке не представляется возможным. Внимание к философским проблемам экономического субъекта связано с коренными социально-экономическими преобразованиями в нашей стране, затрагивающими интересы всех слоев населения. Кроме того, в современном мире происходят глобальные перемены в области мировой экономики, геополитики и социально-духовной жизни общества, что также должно найти свое отражение в трудах философов. Указывая на сегодняшнюю кризисную ситуацию, В. А. Колпаков отмечает недостаточное внимание к новейшим технологиям. «Кризис вызван внешними факторами, но он обнажил и внутренние факторы, часть из которых "рукотворные" – преувеличение роли сырьевой экономики и, прежде всего, нефтегазового сектора, недостаточное внимание к индустриальной модернизации и новейшим технологиям»¹³. Эпоха новейших, информационных технологий установила новые правила и открыла новые проблемы перед экономическим человеком.

В современной России идут трансформационные процессы, имеющие мировоззренческую значимость. За последние десятилетия российское общество проходит ряд фундаментальных трансформаций, переходов от одного экономико-политического состояния к другому. Например, почти завершился переход от социализма к демократической государственности; от командной экономики к рыночной; от тотального идеологического контроля к свободе слова и информационным олигополиям. Эти трансформации носят глобальный характер и касаются не только России. Испанский исследователь М. Кастельс справедливо указывает, что сложившаяся в последние два десятилетия экономика нового типа именуется информационной и глобальной. «Информационная и глобальная – потому, что в новых исторических условиях достижение определенного уровня производительности и существование конкуренции возможно лишь внутри глобальной взаимосвязанной сети... В отличие от мировой экономики, глобальная экономика представляет нечто другое. Это экономика, способная работать как единая система в режиме реального времени в масштабе всей планеты»¹⁴. Множество точек зрения, разногласий и противоречий создают трудности социально-философского осмысления. Проблема состоит в том, что ни одно государство не может выбирать свой темп и

свою последовательность этих процессов перехода. Россия не может сначала закончить свой политический и экономический переход, а затем приступить к переходу в информационный век. Она должна осуществлять их в одно и то же время. Такие коренные трансформации открывают новые социальные, аксиологические, историко-культурные проблемы перед экономическим субъектом. Ведь «экономический человек» далеко не всегда расчетлив и рационален, он часто действует под влиянием иррациональных, подсознательных импульсов и влечений. К числу первоочередных задач современной философии и экономической науки, как нам представляется, относится поиск новых подходов к объяснению экономической жизни общества с учетом самоценности человека как личности, стремящейся к самореализации.

¹ Ищенко Е. Н. Философия в контексте культуры : проблема демаркации границ // Вестник Воронежского гос. университета. Серия : Философия. – 2017. – № 1. – С. 39.

² Булгаков С. Н. Философия хозяйства. – Москва : ТЕРРА–Книжный клуб, 2008. – С. 39.

³ Осипов Ю.М. Время философии хозяйства : в 3 кн. с приложением. – Москва : Экономика, 2003. – 654 с.

⁴ См. : Маркс К. Капитал. Критика политической экономии : в 4 т. – Москва : Политиздат, 1986.

⁵ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. – Москва : Наука, 1990. – 220 с.

⁶ Фальцман В. К. Российские научные школы в 60–80-е годы : записки экономиста. – Москва : Дело, 1995. – 150 с.

⁷ Новожилов В. В. У истоков подлинной экономической науки. – Москва : Наука, 1995. – С. 87.

⁸ Авакян-Форер А. Г. Взаимосвязь этики и экономики в эпоху постмодернизма // Вестник Воронежского гос. университета, Серия : Философия. – 2017. – № 1 (23). – С. 88.

⁹ Корольков А. А. Духовный смысл русской культуры. – Санкт-Петербург : Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2006. – 739 с.

¹⁰ Жаров С. Н. Модернизация России как проблема цивилизации и культуры // Вестник Воронежского гос. университета. Серия : Философия. – 2016. – № 3. – С. 47.

¹¹ Автономов В. С. Модель человека в экономической науке. – Санкт-Петербург : Экономич. школа. – 1998. – 229 с.

¹² Автономов В.С. Человек в зеркале экономической теории. (Очерк истории западной экономической жизни). Москва Наука, 1993. – 174 с.

¹³ Колпаков В. А. Экономика и этические проблемы капиталистических стран // Вестник Воронежского гос. университета. Серия: Философия. – 2015. – № 4 (18). – С. 12.

¹⁴ Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – Москва : ГУ ВШЭ, 2000. – С. 105.

А. В. Арапов **ИСЛАМ И ПОЛИТИКА В XX ВЕКЕ: ТРИ ЭПОХИ***

В XX в. ислам стал важным фактором мировой политики и продолжает таковым оставаться уже в новом столетии. Этим обусловлено пристальное внимание к организациям и деятелям исламской политики. Чтобы понять текущий момент надо обратиться к истории. При внимательном рассмотрении оказывается, что на протяжении прошлого века идеология и методы исламской политики существенно менялись. Можно выделить три эпохи со своими устремлениями, ключевыми фигурами и важнейшими событиями. Эти поколения пресекались, взаимодействовали, смешивались между собой, но все же можно выделить их характерные черты.

Первое поколение исламских политиков – это поколение первой половины XX в. Основное направление их деятельности – борьба за национальные государства. Их цели можно сформулировать следующим образом. Освобождение от колониальной зависимости и борьба с империализмом. Построение национального государства западного типа при духовном единстве мусульман. Государство должно быть исламским по моральным принципам, а по политическому режиму – светским демократическим государством. Мухаммед Икбал выдвинул идею создания исламского государства на полуострове Индостан. Мухаммад Али Джинна реализовал эту идею. Джинна критиковал Махатму Ганди за недостаточное внимание к духовным основам государства. Он предложил для ислам-

* © Арапов А. В., 2018.

ского государства на севере Индостана наименование «Пакистан» – «Страна чистоты», но при этом подчеркивал, что в нем должна быть свобода вероисповедания.

Второе поколение исламских политиков зарождается тоже в начале XX столетия, но наибольшее влияние приобретает уже в послевоенный период. Отличие идеологии второго поколения от первого можно охарактеризовать так: «От национальных государств к халифату». Ключевые организации и фигуры этого поколения: Хасан аль Банна и созданная им организация «Братья-мусульмане» (основана в 1928 г. в Египте); Исламское движение сопротивления (ХАМАС) в Палестине; Хизб ут-тахрир аль-Ислами (основана в 1953 году в Восточном Иерусалиме Такиуддином ан-Набхани). Цель политиков этого поколения: построение халифата (в перспективе – всемирного). Халифат в их представлении должен быть исламским, но не тоталитарным государством. В нем сохраняются свобода, слова печати т. д. Вопросы вероучения для них не играют принципиальной роли, они стремятся к объединению различных исламских течений. Показательным является то, как Хасан Аль-Банна охарактеризовал «Братьев-мусульман»: «Салафийское движение, ортодоксальный путь, суфийская реальность, политическая организация, спортивная группа, научное и культурное общество, хозяйственная компания и социальная идея». Западная культура не отрицается полностью. Ее элементы интегрируются в исламский образ жизни. Хасан Аль-Банна носил европейский костюм с галстуком и феску.

Третье поколение исламских политиков набирает силу к концу XX в. Это такие политики, как Усама бен Ладен, Мухаммад Умар, известный также как Мулла Омар, духовный лидер Талибана. Они хотят строить тоталитарный халифат. В нем вся общественная и частная жизнь должна быть подчинена нормам шариата. Инакомыслие – преступление. Из шиитских политиков к этому поколению с некоторыми оговорками можно отнести Аятоллу Хомейни. Экономическая основа их деятельности – нефть. Зависимость западных стран от поставок нефти из Персидского залива привела к росту финансовых и политических возможностей исламского мира. Хотя эти политики претендуют на всемирность, единства между ними нет. Отметим две ключевые коллизии. Во-первых, соперничество между шиизмом и суннизмом. Иран претендует на

роль лидера в исламском мире. Саудовская Аравия выдвигает салафизм в противовес шиизму. Во-вторых, соперничество между суфизмом и салафизмом. Суфийский талибан отказался подчиняться салафитскому ИГИЛу. Суфийские лидеры в Чечне поддержали федеральные войска против салафитов.

В настоящее время наибольшее число терактов в мире совершаются под религиозными лозунгами. Еще сто лет назад ситуация была иной, и терроризм выступал под политическими лозунгами, наибольшее число терактов совершалось анархистами. Сегодня боевики-исламисты готовы умирать и убивать за свои идеалы. Особую опасность представляет распространение в России салафизма (иначе называемого ваххабизмом). Ваххабиты выступают против национальных культур и государств. Идеология ваххабизма предполагает отказ от национальной идентичности в пользу всемирного халифата. Очень печально видеть, когда на футбольных матчах некоторые болельщики дагестанских команд поднимают флаг не Дагестана, а Саудовской Аравии. Особую опасность салафитским группам придает их стремление к инфильтрации, постепенному проникновению в существующие традиционные религиозные сообщества и приобретению в них определяющего влияния. За приобретением влияния следует фактическая или юридическая замена духовных лидеров и превращение некогда вполне традиционного религиозного сообщества в очаг ваххабитской пропаганды. В настоящее время существует большая подвижность населения и в пределах Российской Федерации и в пределах СНГ. В российских городах оказывается большое число людей отождествляющих себя с исламом, но при этом не имеющих сформированных религиозных взглядов. Эти люди становятся объектом воздействия и, зачастую, легкой добычей ваххабитских пропагандистов. Традиционные для России исламские религиозные организации должны выработать формы и методы эффективного противостояния ваххабитской пропаганде. На все заявления и утверждения ваххабитов должны быть сформулированы достойные опровержения. Традиционному исламскому духовенству необходимо суметь донести свои аргументы до каждого верующего, выразить их в доступной и убедительной форме.

В. А. Баркалов
ФЕНОМЕН ДОБРОВОЛЬЧЕСТВА
В КУЛЬТУРЕ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
(на примере вольного пожарного общества
Воронежской губернии конца XIX – начала XX вв.)*

Вторая половина XIX – начало XX вв. – очень интересный период для отечественной культуры в самом широком смысле этого слова. И не только Москва и Санкт-Петербург могут представлять интерес для историков культуры. Многие важные социокультурные события происходили в российских губерниях, в частности, в Воронежской. Нас интересует феномен добровольчества, имеющий в дореволюционной России свою специфику. «Либо добро, либо зло, третьего не дано. Русские «омораливают» все свои коллизии»¹.

Добровольческая деятельность как неотъемлемая часть повседневности существовала на уровне проявления потребности в социализации, самореализации и установлении прочных связей с другими людьми. Долгое время добровольчество ассоциировалось с представлениями о социальной помощи, проявлением патриотизма или религиозного служения. С середины XIX в. культура пожарной охраны создавалась и долго держалась на основе добровольчества, причем часто инициативу проявляли купеческие слои населения. Для русской культуры это вообще достаточно типично, вспомним, что многие добровольческие организации и меценатские «приношения» в Одессе и Москве были инициированы купеческими династиями. «Большое участие в благотворительной деятельности принимали купцы... Купцы занимались благотворительностью от души, вникая во все подробности дела. Такая благотворительность и связанное с ней меценатство способствовали расцвету культуры во всех ее сферах, облагораживая самих благотворителей и меценатов и общество в целом»².

Одним из важнейших типов отечественных пожарных организаций представляли так называемые добровольные (вольные) пожарные общества, которые представляли собой частные союзы, работающие на началах взаимопомощи. Они восполняли слабые силы го-

* © Баркалов В. А., 2018.

родских пожарных команд, привлекая к пожарному делу купцов, ремесленников, и даже местную интеллигенцию. Такой тип пожарных обществ был позаимствован из европейских стран, где им первоначально приписывался характер спортивных учреждений.

Провинциальная печать, ставшая в пореформенный период важнейшим коммуникационным каналом, повсеместно распространяла эту общественно значимую информацию, касающуюся пожарной безопасности. Так, сразу в нескольких номерах «Воронежских губернских ведомостей» за 1862 г., были опубликованы заметки Н. Милагаевича, которые спровоцировали дискуссию о формировании из среды городского общества пожарных команд³. Автор статьи отмечал, что, несмотря на поднятый министерством вопрос об устройстве в интересах города нового типа пожарных частей, образование добровольческих команд подвигалось медленно, неохотно и ошибочно.

Однако позиция правительства, взявшего курс на сотрудничество с обществом в решении социально значимых задач, существенно повлияла на развитие частной инициативы городских жителей.

В некоторых городах Воронежской губернии органами местного самоуправления была предпринята попытка реформировать сложившуюся систему пожарной охраны. Впрочем, размах движения пожарного добровольчества только набирал силу, и все реформаторские меры в результате заканчивались исключительно простой передачей полицейских пожарных команд в ведение обществности.

С начала 1880-х гг. в сфере противопожарной охраны частная и общественная инициатива получила, наконец, свое достойное развитие, одним из проявлений которой и стало движение пожарного добровольчества. Как отмечали видные пожарные деятели той эпохи, вольные пожарные команды в отличие от полицейских имели в готовности только инструменты, личный же состав их собирался по тревоге в минуту необходимости. Поэтому относительно дисциплины, внутреннего порядка и постоянной готовности к выезду на пожар вольная команда заметно проигрывала городской пожарной команде, служители которой постоянно ожидали тревоги, вызывающей их на пожар, не имея при этом права отлучаться из помещения команды и оставлять свой пост.

В вольных командах обыкновенно имелся самый разнородный состав, в который входили люди, принадлежащие к различным классам общества, для которых служение в команде, в большинстве случаев, являлось не работой, а как бы занятием «между прочим». Если вдруг среди членов вольной команды находились лица, служащие «по призванию», то и для них пожарная служба всегда оставалась делом второстепенным, ибо на первом плане стояло занятие, которое обеспечивало их существование. Нередко такой порядок приводил к тому, что команда являлась на пожар далеко не в надлежащем составе, даже с заменой одних начальников другими; например, купец находился в отлучке по своим торговым делам, ремесленник заканчивал срочную работу, а студент готовился к экзамену.

Однако все скептические замечания были быстро опровергнуты самоотверженными действиями дружинников, которые рисковали своей жизнью ради общего блага. Несовершенство пожарной техники и недостаточное оснащение городских пожарных обозов делало незаменимой каждую лишнюю пару рук при тушении пожара – при подвозке воды, спасения имущества, разборке горящих зданий⁴.

С целью содействия городской пожарной команде при тушении пожаров в конце 1878 г. в Воронеже по разрешению Министерства внутренних дел было создано вольное пожарное общество охотников. Как видно из архивных документов, инициаторами создания этого общества выступили некоторые гласные городской думы, ставшие в лице исполнительного органа общественного самоуправления надежными союзниками добровольцев. Настоящую страсть к тушению городских пожаров испытывал Иван Константинович Веретенников, который еще в 1860-е гг. содержал в Воронеже частный пожарный обоз. С момента учреждения и до конца 1890-х гг. он начальствовал над охотниками в команде ВПО, лично проявляя большую ловкость в борьбе с огнем, за что получил орден Св. Анны 3-й степени и прозвище среди обывателей – «огненный чародей»⁵.

Также на протяжении долгого времени председателем правления добровольного пожарного общества избирался (с его предварительного согласия) Д. Г. Самофалов, влиятельный человек в городе по своему богатству и свободным капиталам. В 1879–1913 гг. Д. Г. Самофалов был активным гласным городской думы, а в 1887–1891 гг. занимал должность городского головы. Несмотря на то, что на посту городского головы Самофалов был сторонником ста-

бильности городской финансовой системы, проявлявшейся в изыскании минимума средств для разрешения самых наболевших вопросов, законы капитала для него стояли превыше всего. Как владелец в Воронеже колокольного завода, паровой мельницы «Второго товарищества русских мукомолов», гостиницы «Центральная» и другого недвижимого имущества, промышленник был заинтересован в сокращении числа разорительных пожаров в городе.

Такое тесное взаимодействие с могущественным торговцем и заводчиком лишь укрепляло позиции Вольного пожарного общества и обеспечивало поддержку ему в решении организационных и финансовых вопросов. До 1896 г. на каждом годичном собрании городской думы Д. Г. Самофалов поднимал вопрос о вольных дружинах и добивался ежегодных ассигнований от государства в качестве пособий пожарным добровольцам⁶.

Принцип добровольности, строго соблюдавшийся при вступлении в общество, подчеркивал осознанность решения каждого его члена, повышая его авторитет в глазах общественности. Особенностью организации добровольных пожарных обществ было деление его членов на почетных, действительных и, собственно, охотников⁷.

Звание почетных членов получали лица, которые, не желая вступать в ряды дружинников, вносили единовременно в кассу общества не менее 100 рублей. При этом членские взносы поступали в запасной капитал общества, а почетные члены получали квитанцию, которая и служила доказательством вступления в эту общественную организацию. Гендерная принадлежность здесь не учитывалась, и получить такое звание могли и женщины, что весьма показательно в контексте набиравшего тогда силу движения за «равноправие полов».

Вторая категория – действительные члены, которые обязывались вносить на нужды пожарной дружины ежегодно по 10 рублей в течение января каждого года. Эти взносы направлялись на удовлетворение всех текущих расходов. Изъявившие желание участвовать в тушении огня действительные члены входили в состав пожарной дружины и подчинялись тому же начальнику, в распоряжении которого находились присылаемые почетными членами на пожар огнегасительные снаряды и соответствующая прислуга. Поскольку работа с пожарными инструментами требовала физической силы, то стать действительными членами общества могли только мужчины, причем не-

совершеннолетние обязаны были представить командиру дружины письменное разрешение от родителей или опекунов.

Наконец, так называемые охотники, непосредственно тушившие пожары. Никто из охотников не мог быть принуждаем к действиям, связанным с явной опасностью для жизни; в таких случаях участие добровольца определялось только его личным мужеством. Однако при этом все добровольцы во время пожара обязаны были исполнять свой долг и вести себя благородно. В случае получения охотниками на пожарах увечий или от служебных занятий – неизлечимых болезней, общество принимало на себя материальное попечение охотников, выдавая из запасного капитала каждому нуждающемуся денежное пособие (как равно и семейству по его смерти).

Отвага и бескорыстие дружинников на пожарах вызывали уважение у сограждан, что повышало авторитет общества и привлекало в его ряды новых добровольцев. Приведем лишь несколько примеров участия ВПО в тушении пожаров за 1899 г., которые грозили серьезной бедой из-за скученности построек в местах, где они происходили. Так, «10 мая в 2 ч. дня близ церкви Спаса сгорели два дома с надворными постройками Горшкова и Ромашкова, обоз выезжал в полном составе, работали две трубы до 5 ч. вечера. 21 июня в 4 ч. утра загорелся горн в Кирпичных сараях Соколова И. М. близ Новостроящейся церкви, обоз выезжал в полном составе, работала труба № 2»⁸.

К сожалению, вольные пожарные отряды в Воронежской губернии не просуществовали долго. Постепенно, с 1906 года ВПО начало распадаться, в виду денежных затруднений прекратилась печать ежегодных отчетов ВПО, которые до этого регулярно посылались в городскую думу и страховое общество.

С 1912 года ВПО уже не имело ни одного действительного члена в своих рядах, Совета и председателя, а также начальника над охотниками. Как таковое Вольное пожарное общество фактически перестало существовать, поскольку главная его сила была в пожарных охотниках. Последний по времени председатель – барон Сталь фон-Гольштейн заявлением на имя городской управы сложил с себя это звание и сдал все документы члену совета С. А. Тер-Паносову. Тот, в свою очередь, на заседании городской думы от 27 ноября 1912 г. сообщил о безнадежном положении дел общества и невозможности созыва общего собрания, так как уже не представлялось возможным узнать, сколько членов состоит в ВПО, и кто они. На заседании город-

ской думы от 19 февраля 1916 года большинством голосов было принято решение о немедленной ликвидации ВПО и передаче всего имущества в полную собственность города.

Только к началу XX в. в России произошло качественное изменение менталитета провинциального общества, что явилось одним из проявлений модернизационного процесса. В результате «великих реформ» система ценностей городского населения пережила трансформацию, и в действиях местных органов самоуправления стал наблюдаться рост прагматизма, рационализма и расчетливости. История устройства противопожарного водопровода в г. Острогжске – наглядное тому подтверждение: именно инициатива «снизу» позволила решить вопрос, затрагивавший интересы всех горожан, независимо от их имущественного положения.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что феномен добровольчества в пожарной сфере достаточно ярко проявился в Воронежской губернии в конце XIX – начале XX гг. Инициатива часто исходила от купцов, от ремесленников, от простых людей, которые проявляли свои лучшие нравственные качества, туша пожары, отстраивая потом дома, помогая морально и материально погорельцам. И это не единичные случаи, а проявление высокой духовной культуры, ставшее в определенное время системой.

¹ Симонова С. А. Особенности абсолютизации добра в русской культуре // Социально-гуманитарные знания. – Москва : ГУП МО Орехово-Зуевская тип., 2008. – № 3. – С. 333.

² Симонова С. А. Одесса и Санкт-Петербург как два культурных пространства // Современные проблемы гуманитарных и общественных наук. – Воронеж : ВГУИТ, 2014. – Вып. 3. – С. 114.

³ Ф. И-21 Оп. 1 Д. 1028.

⁴ Населенные места Воронежской губернии, 1900. – С. 384.

⁵ ГАВО. И-21, оп. 1, д. 382. Л. 4.

⁶ ГАВО И-21, оп. 1, д. 522. – Л. 3об. ; 5об.

⁷ ГАВО И-21, оп. 1, д. 522. – Л. 3.

⁸ Сергиенко Е. И. История Омской пожарной охраны. – Омск : Омский дом печати, 1998. – Ч. 1 – С. 15.

М. А. Беляев
О ПРЕДСТАВИМОСТИ, ЛОГИЧЕСКОЙ ВОЗМОЖНОСТИ
И ИХ СВЯЗИ*

Сердцевиной мысленного эксперимента как довода, используемого в аналитической философии, является переход (*entailment*) от воображаемой (помысленной) ситуации к ее логической возможности. Последняя, как принято считать, уже обладает некой доказательной силой, так что если нечто логически возможно, это влечет за собой следствия как познавательного, так и онтологического толка¹. Например, приводя доводы против материалистического объяснения сознания, Д. Чалмерс формулирует свой знаменитый «зомби-аргумент». Под зомби философ предлагает понимать существо, физически и поведенчески тождественное человеку, но полностью лишённое ментального мира (как если бы психика у него работала по-человечески, но «внутри» сознания ничего не происходило). Этот аргумент выглядит следующим образом:

- (1) если зомби возможны, то физикализм ложен;
- (2) если зомби мыслимы, то они возможны;
- (3) зомби мыслимы, следовательно –
- (4) зомби возможны, а следовательно –
- (5) физикализм ложен².

Другими словами, если ментальные состояния всецело определяются телесностью и физиологией, то было бы невозможно представить себе обратное – то есть наличие определяющих условий с одновременным отсутствием определяемого ментального свойства. А поскольку зомби являет собой пример представимой ситуации, невозможной с точки зрения физикализма, последний либо ложен, либо слабо аргументирован. Такова позиция сторонников дуалистической концепции сознания³.

Приведенное рассуждение отнюдь не кажется безупречным, его можно критиковать с разных сторон. Нас будет интересовать только одно направление критики, и здесь мы за основу возьмем недавно вышедшую статью Д. Сепетого в авторитетном журнале «The Philosophical Forum»⁴. Среди прочего, Д. Сепетый обращает внимание на то, что связь между представимостью и логической возможностью сама

* © Беляев М. А., 2018.

по себе страдает неопределенностью, вследствие чего умозаключать по образцу суждения (2), строго говоря, недопустимо⁵. Действительно, констатирует автор, не ясно, имеем ли мы здесь дело с фактической корреляцией или следованием в логическом смысле. Если верной оказывается первая альтернатива, как эту корреляцию можно проверить? Если вторая – как возможно такое следование? По нашему убеждению, среди не менее чем десятка возражений Чалмерсу, обозначенных в цитированной статье, эти – наиболее важные. В частности, потому, что они выходят далеко за рамки тематики философии сознания (на что намекает классический вопрос «как возможно...?»). Выйдем за них и мы в данной работе.

Сказать, что некое положение дел S логически возможно – это признать, что S принадлежит логическому пространству, под которым мы будем понимать множество всех положений дел, чье описание не содержит противоречия. Каждый элемент этого множества может быть реализован в некоем возможном мире, некоторые элементы – могут быть реализованы в нашем обычном мире (тогда они еще и физически возможны). Границы логического пространства скольконибудь содержательно описать нельзя, для этого, как заметил еще Витгенштейн, надо выйти за пределы самой логической (т. е. и языковой тоже) формы⁶. Можно, однако, указать такое свойство описания, которое однозначно исключает соответствующую ситуацию из данного пространства. Это свойство – противоречивость.

Тогда следует заявить, что с суждениями, выражающими описание допустимых ситуаций, можно проделывать все те логические действия, которые позволены законами соответствующей логики. Мы говорим «соответствующей», поскольку не существует общего требования, чтобы логическое пространство было образовано только по канонам аристотелевой логики.

Одно суждение о той или иной воображаемой ситуации может влечь другое суждение о ней же. Здесь можно образовать как дедуктивную, так и индуктивную связь. Однако, не ясно, как быть с представимостью или мыслимостью того или иного положения дел. В принципе, если подходить строго, то всякое суждение (например, «зомби мыслимы») надо «препарировать», выделяя в нем форму и содержание. Содержанием суждения о мыслимости зомби будет некое психическое состояние субъекта, который попробовал вообразить существо с теми свойствами, о которых было сказано

выше, и убедился, что способен к такому воображению – не имеет при этом значения, что именно обуславливает эту его способность: хорошо развитая фантазия или непредвиденный момент инсайта.

Но у суждения «зомби мыслимы» есть и формальная сторона, которая касается сочетаемости субъекта и предиката. Эта сочетаемость вполне присутствует, ибо в содержание понятия «зомби» входит множество простых предикатов, но среди них нет предиката «быть непредставимым». В таком случае, отнесение указанного суждения к логическому пространству, т. е. ко множеству логически возможных суждений, не представляет собой никаких трудностей. Таковые обнаружились бы только в том случае, если мы имели бы дело с противоречивым описанием вроде «круглого квадрата». Да и то, они и в этом примере не абсолютны: например, в логическое пространство вполне вписываются суждения «круглый квадрат кругл» и «круглый квадрат квадратен», что позволило некоторым философам не отказать и этой причудливой сущности в бытии (правда, способ такого бытия тоже весьма оригинален, но нас сейчас не это интересует)⁷.

Тогда суждение вида (2) теряет ореол загадочности. Мыслимость действительно приводит к возможности, но приводит неким не эксклюзивным, а тривиальным образом. Здесь нет никакого следования в смысле логики, нет дедукции, индукции и прочего. Все, что обнаруживается, – это констатация формальной стороны высказывания: положение дел, описываемое посредством (3) возможно, поскольку описание непротиворечиво. Это, конечно, не тавтология, как полагает Д. Сепетый, но и плодотворным такой вывод не назовешь. Констатировать, что суждение о представимости зомби как-то связано с логической возможностью – это все равно что, поймав нечто живое, обладающее продолговатым гладким телом, покрытым чешуей и снабженное плавниками, установить, что скорее всего, то место, где мы его поймали – водоем. Ну, да, безусловно, как рыбы не водятся вне водоемов, так и суждения не «обитают» вне логического пространства. Это бесспорный факт.

Проблема начинается там, где мы пытаемся сделать хотя бы один шаг из логического пространства в наш мир, иными словами – связать между собой различные виды возможности, можно даже при этом продолжать иметь в виду зомби. Ясно, что среди всех логически возможных миров найдется мир, населенный этими стран-

ными существами. Но чтобы рассуждения, актуальные и истинные относительно того мира, могли бы применяться в этом мире (а Чалмерс все же спорит с физикалистами в нашем мире, и именно относительно человеческого сознания), нужны более строгие требования: надо, чтобы тот логически возможный мир мог существовать со всеми ограничениями, накладываемыми физическими законами нашего мира. Тут важны не подробности, а общий момент: доказательность суждений, полученных в результате мысленного эксперимента, зависит от того, выходит ли это суждение за границы логического пространства или нет.

Но мы заметили выше, что в суждении (3) стоит отделять форму от содержания. Что же такое представимость некоего положения дел или предмета? Это, безусловно, психологическое состояние, а Кант бы добавил, что мы имеем дело с результатом расщудочного синтеза чувственных впечатлений и априорных форм созерцания. Но психологические состояния можно сравнивать только друг с другом, перекинуть от них мостик к логическому пространству не так-то просто. Законно было бы ограничиться общей формулой: каждому результату синтеза можно сопоставить один или несколько элементов из логического пространства. Тогда функция мысленного эксперимента, как нам представляется, состоит в демонстрации того, что такое сопоставление осуществляется регулярно, т. е. закономерно. Но если логическое пространство универсально, а названное сопоставление ко всему применимо, то непонятно, в чем же смысл и ценность подобной демонстрации?

Все, что нам твердо известно: если нечто логически невозможно, оно и непредставимо. Обратное в общем случае не верно, ибо непредставимость может проистекать из причин не логического, а иного характера. Но что такое само логическое пространство? Это, как мы понимаем, тоже элемент, вовлеченный в дело синтеза, как его представляет себе Кант, только не чувственного, а категориального. Это – сетка категорий, сколько бы их там ни было (мы ведь не обязаны и здесь следовать основателю немецкой классической философии буквально), это предпосылка всякой категоризации, которая в норме не выявляется и не рефлегируется. При нарушении же процесса категориального синтеза логическое пространство дает к себе некий частичный (фрагментарный) доступ, позволяющий устранять локальные ошибки мышления. Теперь

становится понятно, почему нельзя точно и полностью определить границы этого пространства: для этого каждый акт синтеза должен быть исключительно аномальным – и сам по себе, и по отношению ко всякому предыдущему акту. Подобное соотношение трудно себе представить, а уж о том, чтобы извлечь из него некую полезную (в эпистемическом смысле) информацию, нет речи вообще.

И более ясной становится указанная выше зависимость: логически невозможное непредставимо в силу того, что, если не случился категориальный синтез (или имела место ошибка, аномалия, что тождественно), продукт чувственного синтеза также оказывается «под вопросом», нуждаясь в новом (нормальном) категориальном синтезе. Это отчасти объясняет ту регулярность, с которой наш ум дробит на части абсурдные описания предмета, добываясь иной (приемлемой) картины. Скажем, мозг математика работает таким образом, что не будет долго и с удивлением останавливаться перед предметом под названием «круглый квадрат», но вспомнит топологию и представит себе, как квадрат превращается в круг (для топологии важно то, есть ли в этом превращении нечто инвариантное, и как его описать, если оно все-таки есть). Можно вообразить себе и обратное положение дел, это не трудно, пока сохраняется приемлемое сочетание свойств (тут оно просто разносится во времени по разным моментам – если корректно с топологическим преобразованием применять понятие временной длительности). Но чтобы выходить из затруднительных положений аналогичного свойства, человеку не обязательно быть математиком, просто представления о топологии быстрее приводят категориальный синтез в норму. Можно опираться и на иные мыслительные навыки.

Таким образом, мыслимость (представимость) некоего положения дел, безусловно, влечет логическую возможность, однако:

1) это следование всецело аналитическое, оно сходно с тем, как суждение «Сократ – человек» влечет за собой суждение «Сократ – живое существо»;

2) это следование абсолютно бездоказательно и неинформативно для тех целей, для которых его пытаются использовать в некоторых философских дискуссиях;

3) оно доказательно и информативно только в том случае, когда нарушен категориальный синтез при образовании понятия или суждения. Образно говоря, оно работает, когда его нет. «Зарегист-

рировать» момент нарушения можно только *post factum* и только добившись исправления ситуации, подведения ее под норму. Все сказанное относится к рефлексивной способности познающего субъекта и не может быть использовано как решающий довод за или против определенной метафизической концепции.

Думается, что ценность мысленных экспериментов в философии зависит главным образом не от того, укрепляют ли они нас в уверенности в некоем позитивном тезисе, а от того, расширяют ли они наши представления о собственных ресурсах мысли. В этом отношении каждый удачный мысленный эксперимент есть ничего не значащая тривиальность, каждый неудачный – философское открытие (или изобретение?). Вот почему любая идея, обоснованная таким методом, встречает мощное сопротивление и критику. Дело не в том, что философское сообщество ревниво относится к каждому новому деятелю, а в том, что, только пробуя свои силы в опровержении воображаемой ситуации, философ демонстрирует возможности своей личной мысли. И поскольку переход от негации и критики к новым позитивным утверждениям вовсе не дискретен, граница здесь весьма размыта, что оставляет нам некоторую надежду обнаружить и иные функции мыслительного эксперимента – помимо названной. Но это уже тема новых исследований.

¹ Sorensen R. Thought experiments. Oxford : Oxford University Press, 1992. – P. 82.

² Чалмерс Д. Сознательный ум : В поисках фундаментальной теории. – Москва : УРСС : ЛИБРОКОМ, 2013. – С. 160 и сл.

³ Kirk R. Zombies v. Materialists // Proceedings of the Aristotelian Society. – 1974. – Supp. Vol. 48. – P. 135–163.

⁴ Sepetyi D. The Conceivability-to-Possibility Entailment: how it does (not) work // The Philosophical Forum. – 2017. – Vol. 48. – Issue 3. – P. 273–286.

⁵ Об этом же (но на основе иных аргументов) см. : Bailey, A. The Unsoundness of Arguments from Conceivability // University of Guelph, Andrew Bailey, Research, Draft Papers 14 June 2007. URL : <http://www.uoguelph.ca/~abailey/Research/draftpapers.html> (дата обращения 01.08.2017).

⁶ См. : *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат // Витгенштейн Л. Философские работы. – Москва : Гнозис, 1994. – Ч. 1. – Пп. 2.174, 2.19, 2.2, 3, 3.02 и др.

⁷ Об этом см.: Zalta E., Referring to Fictional Characters // *Dialectica*. – 2003. – Vol. 57/2. – P. 243–254, а также развернутые комментарии к данной позиции в работе: Мигла А. В. Референция «пустых» терминов как философская проблема: дисс. ... канд. филос. наук. – Москва, 2013. – С. 69 и сл.

П. Е. Вахренева
КАК РОЖДАЕТСЯ РЕАЛЬНОЕ СОЗНАНИЕ
ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ИСТОРИИ, ИЛИ КАК ВОЗНИКАЕТ
ВЕРТИКАЛЬ САМОСТОЯНИЯ ЛИЧНОСТИ?*

Вобрав разницу предшествующих исторических методов: материалистического и идеалистического, современная философия бытия, сохранив достоинства обоих методов, стала реалистической. В результате, и человек, и его сознание в философии, стали тоже реальными¹. Поскольку готового механизма извлечения смыслов в философии пока нет, реальное сознание человека остается индивидуальным. Это означает, что все виды общественного сознания – лишь абстракции, полнота и содержание которых определяется наличием сформированного сознания отдельного индивида как носителя этого сознания². По замечанию Мамардашвили, «...кто совершает акт мысли, тот и способен увидеть реальность. <...> ...если человек обладает таким сознанием, он как бы полностью исполняется, не оставляя позади себя и в себе ничего темного... То, чего ты не остановил и не доделал в себе, неминуемо остается в виде темного и участвует в независимом от тебя общем круговороте вещей в мире»³. Мамардашвили, ссылаясь на Канта, акцентирует внимание на коммуникабельности человечества, которое представляет собой единый организм, охваченный всеобщением⁴. Заметим, что общение здесь, как и сознание, мыслится у автора как *полевое пространство*, со своими специфическими закономерностями. И, поскольку ничего генетически преданного в человеческой истории нет, человек только посредством истории, и на ее материале, через личное участие становится человеком. Вместе с тем и без человека

* © Вахренева П. Е., 2018.

никакой реальной истории не было бы. Сама история – *человеческое учреждение, изобретенный метод продолжения социальности*, технология раскручивания того, что уже есть и сплелось в полевое пространство фиксации индивидуального социального опыта, приобретенного на пределе человеческого самостояния, – *копилка на память*, чтоб ничего не забыть из штучности изобретенных культурных форм выживания. – Отсюда значимость истории, которая и сегодня выступает как *живая действующая матрица текущего бытия, опыта, приобретенного человеком, перед бездной небытия*. – Высшая историческая форма рационализма, без которой мы вечно возвращались бы, либо к языческой теории реинкарнации, либо к циклической истории повторов, в которой бег по кругу давно превратил бы человеческую жизнь в ад. – Ад ведь и определяется уже в мифологической истории, как кошмар вечного возврата в не случившуюся жизнь. Где человек – случайность, может случиться, если получится осуществить свои «чаяния» – мечты, а может и не случиться, потому что чаяний просто не было.

Согласно Мамардашвили, «...история и есть такой орган, где человеческие существа событийствуют»⁵, причем это событийствование относится к индивидуальному человеческому существованию. «Я должен событийствовать с самим собой, потому что нечто неясное в предшествующую секунду должно сообщиться и длиться в следующую, которая проясняет, доводит до исполнения то, что было перед этим»⁶. Историческое самостояние включает, прежде всего, *саму жизнь, как метод, суть которого – способность стоять в социуме, объединяя сразу все составляющие, и того, кто стоит, и его способности стоять, и сам социум, как соединение стояний*. Причем, сами способности, или, способы бытия человека, особенно структуры личностного ядра, такие как, сознание, отношения, деятельность, могут включать в этом стоянии весь потенциал исторического опыта. И этот опыт, зафиксированный историей, сегодня может включать четыре эволюции сразу: биологическую, социальную, культурную, духовную. И ради сохранения этого опыта, который никаким автоматизмом и имманентизмом не обладает, и существует история.

Генератор сложности здесь – это личность. – *Личность, несущая конструкция потока жизни на социальном уровне*. Это личность соединяет живые формы жизни: биологические, социальные,

культурные, духовные, ибо ни одна из них не появляется нечаянно, а только через великий труд. И чтобы жизнь продолжалась, каждая форма должна быть живой – способной *рождать новую рождающую форму*. – Так рождается *блистательный универсальный принцип личности*, который требует связать «*действительность*» и «*кажимость*», законченный план бытия и незавершенные его состояния. И имя этому принципу: «*сознание ответственности*», которое выступает одновременно, и как критерий включенного сознания – личностного, конечно.

Как пишет Мамардашвили, высшее благо для человека – это «сознание ответственности за упражнение своей собственной свободы, когда понимаешь, что если мне плохо, то это потому, что я что-то плохо сделал...»⁷. И тут же потрясающий *пример* этого «сознания ответственности»: существует «поколение, которое должно *не пройти*»⁸. Речь идет «о поколении, совершившем акты, благодаря которым возникло христианство, и они необратимым образом изменили историю. И оно действительно не прошло, поскольку люди, составлявшие его, жили сознанием своего призвания или обращенного к ним требования – *не пройти*»⁹. А вот и задача для нашего века. «...по отношению к происходящему вокруг нас вы должны быть поколением, которое не пройдет, чтобы история не повторялась, получив необратимый отпечаток»¹⁰. Требуется «*стояние сознания*» – *сознания ответственности*. Такое сознание зафиксировано в философии как «*героическое сознание*» – «*сознание перед волной событий истории*», не имеющее гарантий, на которые можно было бы положиться. Такое сознание резко отличается от «повседневного», и даже «динамического», действующего внутри культурного механизма, но оно и есть «*самое реальное*», потому что сама реальность жизни там оказывается ужасом¹¹. Это *реальное сознание* фактически возникает всегда перед надвигающейся волной ужаса, и ничем не гарантировано. Поэтому героями считаются те, кто прекратил бег несуществований, фантазий, привидений, иллюзий, остановив круговорот ложных представлений. История еще не забыла популяцию «мертвых душ» и «лишних людей» двадцатого столетия, а средства массовой информации фиксируют сегодня *новые аномалии социального бытия*: «потерянное поколение», «поколение потребителей», «поколение суррогатов», лишенных эмоций, а потому не способных творить. Дело в том, что

в продолжении жизни, принципиально важна ситуация присутствия, значимости действия в бытии. Потому что, если ты за бытие, ты должен *делать нечто бытийное*, все остальное – небытие, или, видимость – симулякр бытия, который не принесет счастье. Потому что счастье – это *бытийное творчество, осознанное соединение частей мною, на пределе возможностей*, где мы «с высоты предела смотрим на мир», где нельзя соединять не соединяемые вещи, если ты мыслишь. Именно поэтому у В. Шекспира – мы материя, из которой ткуются силы. Поэтому, – и по Шекспиру, если мы ищем источник зла, причины беды, несчастий в других, – мы бежим за несуществованиями, а внутри несуществований спор бесконечен, потому что там нет мысли. Оттого там манипулятивные «технологии» торжествуют, фиксируя дефицит личностных – бытийных начал и, прежде всего, неспособность логического последовательного мышления, с которого начинается наше сознание ответственности за свою жизнь.

Там, в пространстве несуществований, не работает память, ибо *память* это тоже, прежде всего, *способность соединять исторический опыт, способность, которая требует формирования такой структуры мышления, которая становится точкой отсчета наших поступков*. И от того, что там нет точек отсчета, там все – наоборот, там – нет нравственного стержня, нет героев, нет стояния сознания, нет ответственности, там все – неразлично, хотя все что-то делают на уровне выживания. – Это и не добро, и не зло, а то, чему нет названия. И мысли о пространстве несуществований там нет, она там не применима и не нужна, потому что в ситуации отсутствия личности, где она – только симулякр – видимость личности, нет и рождающей бытийной мысли. Некому мыслить и просто нечем. Поэтому «*лишь тот, кто остановил в себе бесовскую возможность души*», – у Достоевского, – порождение несуществований из материи собственной души, и совершил акт мысли, увидев реальность, – и есть – герой.

Это и есть «*стояние реального сознания*» в «*точке самого себя*», по Мамардашвили. Оно и будет *не проходящим*. Оно и останется. То есть опять: либо герой, либо антигерой (нигилист – разрушитель).

Законы – соединение фактов бытия человека в предсказуемый результат, – это не только общезначимый опыт, но и ответы на

самые необходимые отношения, определяющие пространство нашего рождения, где относительных истин – не бывает, ибо относительны только структуры. А истина – абсолютна и тотальна. И это она *становится законом человеческой жизни*. Поэтому все законы должны быть прозрачны и доступны, поскольку включают индивидуальную активность человека. «Без этой представленности индивидуального опыта в законе – нет культуры, которая через эти законы, определяющие порядок существования, сама себя наращивает, а не рассеивается»¹². Без нас культура, как и история, не могли бы существовать. Потому что мы – генератор культуры. И мы в ответе за нее. А, если вспомнить, что возникает и существует она оазисами, вокруг каждого из нас, становится ясно, насколько значимо в ее сохранении реальное сознание ответственности каждого лица, оживляющего мгновения живого осмысленного существования. Угроза фашизма вновь маячит на горизонте, как апокалипсис. Его ретроспективная обращенность к биологическим началам, и есть свертывание всех социальных и культурных начал, – обнуление бытия.

Культура ведь тоже – поля, только созданные человеком, подчиняющиеся закономерностям. – В частности, право, как продолжение морали, должно рождать справедливость. Оно и родилось, чтобы обслуживать мораль, а не вместо нее, или для того, чтобы давить на нее. Именно поэтому в условиях отсутствия морали, право не работает. Не случайно, суды всегда имеют дело с рассеянием человеческих состояний, которые не порождают ничего продуктивного, не порождают справедливости. Потому что на пустом месте справедливость не водится. Некому ее там рождать. Поэтому сила закона – в сохранении прав личности. Если же в законе работает сила представленности говорящего множества, целью закона становится не справедливость, а сам закон, который в этих условиях может оказать искусственное давление на справедливость, являясь условностью – симулякром. – Ибо, сам закон может действовать только в среде закона, когда он устанавливается путем закона, то есть, когда средства сами держат закон. Потому что количественная представленность индивидуальности в законе – не отменяет мораль. Более того, закон работает только за счет морали, которая и держит исполнение закона через соединение усилий времен.

Для современной философии здесь невероятно важна мысль Мамардашвили, *обобщающая методологический подход к исторической вертикали социальных законов*: «...дверью в пространство законов, где мы помещаемся в какую-то точку роста, является абсолютная законченность смыслов, то есть наличие или случание с нами определенного опыта»¹³. Поэтому прислушаемся к определению автора: «Абсолютными являются смыслы, которые... включают и наши акты, нас самих; мы сами становимся повязаны или ангажированы отношением, вытекающим из природы вещей, не замечая или не предполагая, что космическая ткань ткется из того, как мы распорядились выпавшим нам уникальным опытом и распутали его. То есть встали ли мы на отведенное нам пустое место бытия и заполнили его своей активностью и способностью вертикального стояния, которое держит время и мысль»¹⁴. – Отсюда *значимость стержневых личностных начал*, из которых и соткано покрывало смыслов. Где смыслы и есть соединение мыслей личностью.

Сложность в том, что эти смыслы, работающие как энергетические генераторы культуры, автоматически не работают без такого хрупкого и такого могущественного *индивидуального сознания ответственности*, то есть без нас реально мыслящих. Именно поэтому, и время, и мысль, перестают нам служить, если мы не используем личностные возможности. И тогда для нас, в этом случае, наступает безвремя и безмыслие. Торжествует произвол и инволюция – обратный ход жизни, приближается апокалипсис – как свертывание всех социальных начал и возможностей. Поэтому человек должен стоять и оберегать осмысленные законы человеческого существования, обеспечивающие исторический порядок. Политика тоже – не обязательства, а сознательное соединение индивидуальных волей. Любая подмена и здесь рождает симулякры политики и произвол внизу. И всякая симуляция порядка вверху всегда сопровождается отсутствием порядка внизу, потому что если поля не соединяются, то рассеиваются, как и поля на физическом уровне, по законам энтропии. Поэтому предстоит сохранить силовые точки социальных полей – смыслы, на которых держится связь времен и культура России.

¹ Вахренева П. Е. Культура индивидуального существования в Русской философии Серебряного века. – Москва : Изд-во МГУ, 2005. – С. 62.

² См. : Вахренева П. Е. Проблема развития человека в русской философии XIX–XX веков. – Москва : Изд-во МГУ, 2004. – С. 186.

³ *Мамардашвили М. К.* Эстетика мышления. – Москва : Моск. школа по-лит. исследований. – 2000. – С. 191.

⁴ См. : Там же.

⁵ Там же. – С. 192.

⁶ Там же.

⁷ Там же. – С. 193.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. – С. 194.

¹¹ См. : Там же. – С. 188–189 и др.

¹² Там же. – С. 329.

¹³ Там же. – С. 199.

¹⁴ Там же. – С. 200.

Т. А. Дьякова **ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНЫХ МИФОВ***

Эпоха информативной культуры актуализировала процесс ремифилогизации. Социальное мифотворчество в условиях активного воздействия медиа на общество приобретает широкую распространенность. Мифы, благодаря своей чрезвычайной насыщенности, эмоциональности, эффективности обладают повышенной социокультурной живучестью. Жизненность мифа объясняется и тем, что, опираясь на реальные факты бытия, он часто воспринимается как абсолют: непререкаемо и догматически.

В отличие от древних сказаний мифы современные зачастую имеют пропагандистский характер и являются не способом приспособления сознания человека к действительности, а способом маскировки реальной действительности для обеспечения стабильности той или иной социально-культурной структуры. В текучей мозаике массовой культуры они могут занимать большое место, а

* © Дьякова Т. А., 2018.

главное, решать конкретные задачи по манипуляции сознанием населения.

Немецкий философ Э. Кассирер говорит о целенаправленном создании мифов как средстве манипуляции массовым сознанием в политических целях: «Миф всегда трактовался как результат бессознательной деятельности и как продукт свободной игры воображения. Но здесь миф создается в соответствии с планом. Новые политические мифы не возникают спонтанно, они не являются диким плодом необузданного воображения. Напротив, они представляют собой искусственные творения, созданные умелыми и ловкими «мастерами»¹.

Таким образом, основой социального манипулирования является создаваемая средствами массовой информации – и в первую очередь телевидением – «зримая» бессознательно-художественная реальность, которая может в корне изменить пропорции подлинной модели мира. Важной предпосылкой для манипуляции можно считать также и тот факт, что, обладая монополией на информацию, телевидение задает приоритеты событий. В мире происходят миллионы событий, но обсуждается только та их часть, которую ТВ и другие СМИ вводят в сферу внимания своей публики.

Современная культура более не видит себя как пространство, организованное универсальными природными закономерностями. Природа представлена в ней в своей физической конкретности – как часть предметного мира человека, как благоприятная или вредная для жизни человека среда обитания, а не как совершенный образец закономерной организации мироздания, то есть воплощенная идея Природы.

Процесс социального мифотворчества закономерен и обусловлен особенностями массового сознания и мифа, им творимого, зачастую этот процесс является целенаправленным, если сознательно культивируется для успокоения страстей масс или использования их насущных потребностей, для создания желаемой ситуации в условиях кризиса с целью обострения или стабилизации обстановки. Массовое сознание и мифосознание имеют аналогичные структуры, включающие в себя сферы коллективного бессознательного, эмоционально-чувственную и смыслосозидающую.

Эти структуры функционируют во всех формах общественного сознания и на всех уровнях, упрощенно отражая действитель-

ность, будучи основанными на некритическом ее восприятии. Между мифом и массовым сознанием существуют отношения взаимообусловленности. Миф поддерживается массовым сознанием, массовое сознание опирается на миф.

Общим свойством мифосознания и массового сознания можно назвать их проявление на всех уровнях и во всех формах общественного сознания. Отличие же заключается в том, что мифосознание отражает действительность, выявляя уровень и способ ее освоения, определяя содержательный (качественный) аспект данного процесса, а массовое сознание выявляет степень распространения конкретных мифов в общественном сознании, являясь в то же время способом функционирования мифотворчества.

Мифосознание объективируется в форме мифа. Объективацией массового сознания служит общественное мнение. Массовое сознание мифологично по своей природе, поскольку во многом опирается на слухи, мнения, стереотипы, и тому подобные феномены. Поэтому мифосознание является неотъемлемым компонентом структуры массового сознания, проявляясь на всех его уровнях – коллективном бессознательном, эмоционально-чувственном, смыслообразующем, каждому из которых соответствует определенный тип мифотворчества (архетипы, стереотипы, аксиотипы соответственно)².

Выявленное соответствие и взаимообусловленность на уровне массового сознания и мифосознания указывают на объективно существующую возможность осуществления процесса мифологизации массового сознания, поскольку оно содержит в себе необходимую основу для продуцирования и репродуцирования мифов.

Массовое сознание является благоприятной средой для распространения мифов в силу некритичного отношения к действительности, потребности в чуде, инертности мышления, доверия к источнику информации, упрощенного восприятия действительности. Для существования массовому сознанию необходимы устойчивые представления о мире, основанные на традиции, а также направляющая и объединяющая идея, нацеленность на будущее.

Само функционирование мифа в массовой культуре имеет специфический вид. Отличие производства мифов в массовой культуре от традиционного мифотворчества связано с двумя моментами. Во-первых, в культуре индустриального мира роль жреца,

шамана, старейшины перешла к «культурным производителям» современных культурных текстов и артефактов. Во-вторых, в традиционной культуре миф окружен сакральным ореолом ритуала, в то время как в массовой культуре он становится частью повседневности и не несет на себе особых культурных смыслов.

В свое время Ю. М. Лотман и Е. А. Погосян предложили описать историю быта «как последовательное введение ритуальных неудобств – от костюма, прически, интерьера, обеденного прибора до манеры отпускать длинные ногти: вплоть до начала XX в. быт стремится к неудобству, после чего обращается к подчеркнутому удобству, обретая при этом все менее выраженные ритуальные формы»³.

Современные мифы служат не разрешению противоречий, а их натурализации и оправданию. Массовая культура – новая мифосистема: основой социальной идеологии массовой культуры является создание псевдореалистической картины мира. Представление об общественном законопорядке в массовом сознании не связывается более с поиском естественных закономерностей, оно связывается теперь с волеизъявлением законодателя. Закон в традиционном мифе был порождением Космоса, и даже боги обязаны были ему следовать безоговорочно. Он не всегда открывался смертным сразу и полностью. Но о его существовании все знали и воспринимали проявления судьбы, как результат следования закону природы. Закон теперь понимается как человеческий по происхождению и относительный по истинности и господствующей в данный момент времени точке зрения.

¹ Кассирер Э. Техника современных политических // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. – 1990. – № 2. – С. 59.

² Васильев С. С. Механизмы и уровни внедрения мифов в массовое сознание : масс-медиа как инструмент мифотворчества // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2009. – № 2. – С. 39.

³ Лотман Ю. М., Погосян Е. А. Великосветские обеды. – Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1996. – С. 20.

И. А. Журавлева
ПРЕДПОСЫЛКИ И ОСОБЕННОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ
РИМСКОГО СТОИЦИЗМА*

Стоическая философия, перенесенная в *Populi Romani*, обрела там вторую родину¹. Для того чтобы стоические идеи смогли прочно укорениться в общественном сознании Рима, они должны были быть созвучны его основным ценностям и потребностям. В силу этого классический стоицизм претерпел ряд существенных трансформаций.

Римская система того периода (III–II в. до н. э.) в основных аспектах была полисной. Высшей ценностью римлянина был родной город. Рим – то, что стояло выше любых личных интересов. Благо Рима всегда превыше блага отдельного гражданина, который должен был служить городу всеми своими силами. Для этого необходимо было обладать полным набором добродетелей, присущих гражданину. В совокупности они представляли собой должное и достойное поведение отдельного человека в рамках римской гражданской общины. Такая добродетель не могла быть пассивной, она с необходимостью должна была находить воплощение в конкретной практической деятельности. Стоицизм же, в свою очередь, не мог проигнорировать эти особенности римского сознания.

В деле приспособления этики стоиков к римским нравам большую роль сыграл Панетий (ок. 185–110 гг. до н. э.) – представитель Средней Стои, вошедший в кружок аристократии, группировавшейся вокруг Сципиона Младшего. Панетий, получив образование в Афинах и прослушав лекции Диогена Вавилонского – ученика Хриссипа, переехал в Рим, где в свою очередь стал наставником Цицерона.

Ему пришлось смягчить ряд постулатов греческого стоицизма, очевидно не совпадавших с базовыми установками римского гражданского сознания. Так, он отказался от идеи жесткого детерминизма, лишавшего человека свободы, что было неприемлемо в системе ценностей республики. Древняя Стоя учила, что для достижения счастья необходимы лишь такие добродетели как мудрость, мужество, умеренность, справедливость, а Панетий добавил

* © Журавлева И. А., 2018.

сюда здоровье, благополучие, физическую силу – все то, что греческие стоики называли термином *адиафора* – сферой безразличного. Явно учитывая высокую степень гражданского самосознания римлян, Панетий выделил в качестве главных желаний человека не только сформулированное Древней Стоей стремление к мудрости и самосохранению, но и стремление к сохранению общества. В разумном осуществлении этих желаний и состояла добродетель. Так же был пересмотрен идеал стоического мудреца – он был приближен к нормам житейской морали, более понятной римлянам. Помимо уже названных самодовлеющих добродетелей, Панетий говорил о практических добродетелях, которые должны способствовать надлежащему исполнению обязанностей гражданина. Между совершенным мудрецом, с одной стороны, и глупцом, с другой, возникла фигура человека «стремящегося», а между добродетелью и пороком – надлежащий поступок. Таким образом, понятие «подобающего» было отождествлено с римским понятием «долга», а идеал мудреца был приближен к идеалу римского «доблестного мужа».

В таком обновленном варианте учение стоиков и оказалось воспринято римской аристократией периода поздней республики, находившейся в поиске новых моральных оснований. Средняя Стоя предложила им рационалистически обоснованную этику, соотносенную с пониманием своего предназначения в общественном устройстве Рима.

Дело в том, что римская аристократия прошла долгий и сложный путь развития. Патриции как отдельное сословие занимали главенствующее положение в ранней республике, ожесточенно сопротивляясь попыткам плебса добиться равноправия. Приблизительно в начале III в. до н. э. происходит решительный перелом – народ добивается признания своего права на участие в гражданской жизни и на полтора века в Риме устанавливается социальный мир. Римская знать, пополненная выходцами из выдающихся плебейских фамилий, сохраняет руководящее положение в государстве благодаря сенату. Политика, проводимая сенатом, исходит от патрицианских кругов, однако совпадает с интересами всего народа. Но с первой половины II в. до н. э. положение меняется. Начинается новый этап в истории Рима, который в частности проявляется в том, что определенные социальные слои стали ставить под со-

мнение авторитет сената. Именно в это время стоическая философия и получает широкое распространение в аристократической среде.

Можно выделить ряд особенностей, в силу которых идеи стоицизма нашли отклик в среде римских патрициев. Прежде всего, это своеобразный аристократизм мысли: разделение людей на совершенных мудрецов и необразованную массу. Аристократия жила мыслью, что она отстаивает интересы не отдельного социального слоя, а Рима. Тот же факт, что против ее решений выступают широкие народные круги, является лишь свидетельством того, что последние не обладают знанием, которое присуще нобилитету.

Другая особенность стоической философии – идея деятельности, сообразной правильному знанию, также поспособствовала расширению популярности учения. Ведь для римлянина деятельное участие в гражданской жизни, особенно в переломные эпохи, было единственно приемлемой формой жизни. Для патриция деятельность – это, прежде всего, деятельность политическая, и реформированный Панетием стоицизм как бы давал философское обоснование традиционного образа жизни аристократии.

Наконец, даже стоический детерминизм согласовывался с устоявшимися концепциями об исторической судьбе Рима. Чем больше нарастало отчуждение патрициев от остальных римских граждан, тем более привлекательным становился стоицизм. Интеллектуальное мужество и верность долгу, который мудрец определяет на основе своих знаний и добродетелей, оказались моральной силой, что помогала представителям знатных родов бороться за их видение блага для римского народа, за идеалы республики. Стоическое бесстрашие способствовало тому, что политические неудачи и сопротивление граждан, не воспринимались как трагические события. Можно отметить, что во многом именно стоицизм впоследствии стал духовной основой аристократической оппозиции власти императоров. Здесь стоит вспомнить, что как раз в стоицизме искали опору Марк Порций Катон Младший (95-46 гг.), Марк Юний Брут (85-42 гг.) и Марк Туллий Цицерон, выступившие против усиления власти Цезаря, несмотря на то, что симпатии большей части Рима были на стороне будущего императора.

Подводя итог, можно сказать, что Рим времен поздней республики оказался вполне благоприятной почвой для появившегося

там стоицизма. Смещение акцента на этику объясняется тем, что как раз в это время в патрицианской среде возникла необходимость подтверждения своего особого положения, с одной стороны, а с другой, насущная потребность самих аристократов найти прочную моральную основу для оправдания своей борьбы за сохранение республики.

¹ См. об этом : Степанова А. С. Философия Стои как феномен эллинистическо-римской культуры. – Санкт-Петербург : Петрополис, 2012. – 400 с. ; Цуркан А. А. История Римской философии. – Воронеж : ИПЦ Воронежского гос. университета, 2013. – 48 с. ; Чанышев А. Н. Философия Древнего мира. – Москва : Высш. школа, 2001. – 702 с. и др.

Я. В. Зубашенко
К ВОПРОСУ ОБ ЭТИКО-ФИЛОСОФСКИХ ОСНОВАНИЯХ
ЗДОРОВОГО ОБРАЗА ЖИЗНИ МОЛОДЕЖИ*

Проблемы молодежи давно уже являются приоритетными в социально-философском дискурсе, но сегодня приобретают особую остроту. Это связано с общими непростыми процессами в современном обществе. Ю. М. Хрусталеv утверждает: «Особенно плачевно обстоят сегодня дела в сфере образования и здравоохранения. Речь идет о катастрофическом ухудшении состояния здоровья российского населения и происходящими в стране депопуляционными процессами, представляющими угрозу существования российского общества»¹.

В этом контексте необходимо всерьез задуматься о формировании здорового образа жизни молодежи. На сегодняшний день нет ясной концепции этой проблемы. Прежде всего, отсутствует должное понимание того, что «здоровый образ жизни» является философской категорией, следовательно, набор существующих методов, как правило, сводится к разного рода дидактической пропаганде и оздоровительным мероприятиям. Однако, как отмечает

* © Зубашенко Я. В., 2018.

А. А. Корольков, образование всегда ставит перед собой триединую задачу интеллектуального, духовного и физического развития учащихся. Современная ситуация такова, что если об интеллектуальном развитии учащихся сегодня заботятся немало, «если оживилось внимание также и к физическому развитию учащихся, то менее значимые успехи можно отметить в духовно-нравственной сфере». Само духовное здоровье исследователь определяет весьма лаконично как «движение к высшему образцу»². В принципе, «ни природа, ни социум не делают человека законченным и непротиворечивым»³. Здесь важна именно «духовная» работа, обоснование и внедрение соответствующих идеалов, а в этом случае огромная ответственность ложится на плечи педагогов.

В молодежной субкультуре, к сожалению, нездоровый образ жизни оказывается более привлекательным, поскольку отсутствует «движение к высшему образцу». Необходимо добиваться ценностной мотивации здорового образа жизни. В этой связи особое значение приобретает вопрос о взаимосвязи физического и духовного компонентов здоровья человека, в котором, на наш взгляд, можно выявить такую категорию как «здоровый образ мысли».

И здесь значимую роль, как нам представляется, может сыграть именно философия. Меткое слово М. Монтеня о том, что «Душа, ставшая вместилищем философии, непременно наполнит здоровьем и тело»⁴, является лейтмотивом нашей статьи. В этом контексте необходимо обратить внимание на идеи Э. В. Ильенкова. Так, в статье «Философия и молодость», написанной в 1977 г., Ильенков говорит о духовной пользе философии для молодежи, развеивая миф о том, что философия – это удел «седой древности», занятие скучное, малоинтересное, противоречащее кипучей энергии, задору и оптимизму молодости. Он полагает, что ум – это не роскошь, а гигиена, «гигиена духовного здоровья», которое столь же необходимо, как и здоровье физическое. Поскольку философия связана с мышлением, учит человека искусству правильного мышления, то она, согласно Ильенкову, не вступает в противоречие с молодостью: «...философия, и притом самая серьезная и глубокая, вполне может найти себе место именно в ряде естественных радостей реальной жизни и стать такой же неодолимой потребностью для ума, какой является спорт, физическая культура для молодого,

полного сил тела»⁵. Это своеобразная программа философского оздоровления молодежи.

Раскрытие воспитательного потенциала философии и на его основе культуры философского мышления является, таким образом, важной и актуальной задачей в формировании ценностной мотивации здорового образа жизни современной молодежи. Сегодня не просто нужна философия молодежи, но такая модель философии образования, которая могла бы раскрыть духовно-нравственный, гуманистический потенциал философии и показать его значимость в сегодняшней практической жизни молодежи.

Здоровье молодежи как социально-философская проблема разрабатывается на различных уровнях. Существующую литературу по данной тематике можно типологизировать следующим образом.

Во-первых, это работы, посвященные проблеме здорового образа жизни молодежи, в которых рассматривается широкий круг вопросов, связанных с феноменом здоровья в различных аспектах, анализом физкультуры и спорта как факторов, играющих ключевую роль в формировании здорового образа жизни.

Во-вторых, это социологические исследования ценностных приоритетов современной молодежи, связанные с современным социальным самочувствием молодежи в аспекте выявления, анализа и профилактики девиантных форм поведения.

В-третьих, это работы по философии молодежи и философии образования, в которых философская методология применяется к анализу феномена молодежи.

К первой группе можно отнести классические работы, в которых философски анализируется понятие здоровья и вводится понятие «здоровый образ жизни». Гиппократ употребляет это понятие в трактате «О здоровом образе жизни» (*De diaeta salubri*) исключительно в медицинском смысле. При этом античные философы, прежде всего Платон и Аристотель затрагивают вопрос о здоровье в антропологическом аспекте соотношения души и тела. Важно отметить, что в русской философии вопрос о здоровье нации в государственной перспективе ставился В.В. Розановым. Он одним из первых обратил внимание на проблему нездорового потомства, которая возникла в русском обществе⁶.

В XX в. философская рефлексия над здоровьем приобретает высокую степень интереса, который проявляется в таких аспектах, как аксиология телесности (В. А. Подорога, И. М. Быховская, С. С. Хоружий), биоэтический и экологический дискурс (Б. Г. Юдин, П. Д. Тищенко, А. Я. Иванюшкин, Ю. М. Хрусталеv), социально-психологический и антропологический (В. М. Розин, И. Н. Гурвич, В. Д. Жирнов, Г. С. Никифоров). Особое место принадлежит социально-философскому осмыслению феномена спорта в структуре человеческой культуры (К. Лоренц, Ж. Ле Гофф). В контексте данных исследований актуализируется тема физкультуры и спорта как существенных компонентов здорового образа жизни (И. С. Ларионова, Г. А. Ивахненко, Д. А. Изуткин, В. И. Сысоев, И. Г. Карпова и др.).

Вторая группа исследований представлена работами, посвященными различным социально-философским аспектам исследования молодежи, как общефилософского характера, так и различным проявлениям девиантного поведения (В. Т. Лисовский, С. Н. Иконникова, М. Н. Руткевич, В. С. Рахманин, В. П. Бабинцев и др.). Особое место занимают работы, в которых девиантное поведение молодежи рассматривается как результат социальной анемии. Впервые такая методология была применена Э. Дюркгеймом и Р. Мертоном. Большинство современных исследований, рассматривающих различные формы социальной патологии, таких как самоубийство, молодежный экстремизм, наркомания, проституция, депрессия следуют этой методологии (В. И. Чупров, Ю. А. Зубок, С. Н. Дубинин, Б. В. Заливанский, Е. В. Самохвалова, А. Ю. Мягков, Е. Ю. Смирнова и др.).

Третья группа работ касается различных философских аспектов исследования молодежи. Это, прежде всего ювентология, представленная работами В. В. Павловского, а также широкий диапазон вопросов философии образования (А. С. Запесоцкий, А. А. Корольков, А. П. Валицкая и др.).

Здесь необходимо выделить работы Э. В. Ильенкова, в которых ставится вопрос о воспитательном значении философии для молодежи. Также в современной гуманитаристике появилось еще одно важное направление – философия для детей, которая представлена в работах Н. С. Юлиной, где речь идет о серьезном отношении к воспитательному и образовательному потенциалу фило-

софии. Однако следует отметить, что данный аспект недостаточно исследован, чем и обусловлено наше внимание к вопросу об аксиологическом значении философии в формировании мотивации здорового образа жизни.

Многие современные исследователи в целом характеризуют сложившуюся ситуацию как «антропологический кризис». Понятие «антропологической катастрофы» применяется и к современному состоянию молодежи. Известный исследователь М. Н. Руткевич пишет: «Смена политической системы и развал экономики обуславливают, по нашему мнению, среди молодого поколения подлинную "антропологическую катастрофу". Она находит зримое выражение в массовом распространении разрушения личности (в том числе вследствие пьянства, потребления наркотиков, сексуальной распущенности и т. д.), в уменьшении возможностей создания устойчивой обеспеченной семьи и обзаведения детьми»⁷.

И еще один важный момент в данном исследовании молодежного экстремизма, на котором нам хотелось бы остановиться. Это отсутствие возможностей для честного труда в условиях современной социальной действительности. Авторы пишут: «Честный, добросовестный и квалифицированный труд так и не стал в своей массе детерминантом повышения социального статуса молодежи, уровня и качества жизни, основанием социального престижа. По-прежнему сохраняются подрывающие трудовую этику противоречие между высокой трудовой мотивацией молодежи и ее материальным достатком, а также противоречие между уровнем квалификации и вознаграждением за труд как в государственном, так и в негосударственном секторах экономики»⁸.

Это, пожалуй, один из наиболее сильных деморализующих факторов, оказывающих крайне негативное влияние на духовно-нравственное состояние молодежи. Дискредитация возможностей честного труда и основанного на нем достойного образа жизни является причиной множества социальных негативных явлений. По сути дела, это важнейшая проблема социальной политики, которая должна обеспечивать одно из фундаментальных прав человека – право на честный труд.

¹ Хрусталеv Ю. М. От этики до биоэтики : учебник для вузов. – Ростов-на-Дону, 2010. – С. 5.

² Корольков А. А. Органика культуры. – Бийск : Бия, 2011. – С. 93.

³ Симонова С. А. Особенности абсолютизации добра в русской культуре // Социально-гуманитарные знания. – Москва : ГУП МО Орехово-Зуевская тип., 2008. – № 3. – С. 333.

⁴ Монтень М. Опыты // Избр. произведения : в 3 т. – Москва : Голос, 1992. – Т. 1. – С. 178.

⁵ Ильенков Э. В. Философия и молодость // Ильенков Э. В. Философия и культура. – Москва : Политиздат, 1991. – С. 21.

⁶ Розанов В. В. Здоровье потомства как народно-государственная задача // Розанов В. В. Русская государственность и общество. (Статьи 1906-1907 гг.). – Москва : Республика, 2003. – С. 360–362.

⁷ Руткевич М. Н. Социология образования и молодежи. – Москва : Гардарики, 2002. – С. 456.

⁸ Чупров В. И., Зубок Ю. А. Молодежный экстремизм // Социологические исследования. – 2008. – № 5. – С. 90.

Е. Н. Ищенко
СОВРЕМЕННОСТЬ В ЗЕРКАЛЕ ПРОШЛОГО:
К ВОПРОСУ О «НОВОМ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ»*

Осмысление современности, ее хронологических границ и концептуальных оснований является одним из центров проблемного поля философии и гуманитарных наук. Разумеется, можно сказать, что наличное состояние общества и культуры во все времена вызывало повышенный интерес современников. Однако способы и формы рефлексии по поводу настоящего в его связи с прошлым и будущим существенно отличались на разных этапах человеческой истории. Мы оставляем в стороне хорошо известный, даже несколько заезженный сюжет противопоставления представлений о «золотом веке», скрывающемся в миражах прошлого, и прогрессистского убеждения о неизбежности «лучшего будущего». Нам хотелось бы остановиться на проблеме выбора образа определенной историче-

* © Ищенко Е. Н., 2018.

ской эпохи, который позволяет выстроить контуры настоящего и будущего, становясь своеобразным «зеркалом» современности.

Если обратиться к анализу дискурса о современности, то повышенный интерес к Средневековью буквально бросается в глаза. Исследования различных аспектов Средневековья помимо решения сугубо частнонаучных или междисциплинарных задач отражают, на наш взгляд, специфический запрос, вызревающий в культуре, связанный с поиском новых стратегий интерпретации происходящего «здесь и сейчас». Выход за границы сложившейся дисциплинарной матрицы, связанный, в том числе, и с визуальным поворотом в культуре, расширяет рамки исторических исследований, способствует трансформации проблемного поля, возникновению новых методологических программ. Образ Средневековья, складывающийся в рамках отдельных научных дискурсов, постепенно начинает концептуализироваться в качестве одного из возможных оснований для понимания современности.

Современная медиэвистика, все чаще подчеркивающая актуальность собственных исследований, фокусируется не только на акцентировании значения средневекового наследия для культуры, но и на выявлении «остатков», «следов» Средневековья в политических, социальных, повседневных практиках. Между тем, можно выделить некоторые генерализующие тематизации в частнонаучных и междисциплинарных исследованиях Средневековья. Одной из них является работа с теми стереотипами, которые до такой степени прочно вошли в культурный контекст, что имеют свойство воспроизводиться, несмотря на изменение внутринаучной и социокультурной ситуации. К примеру, с точки зрения О. Г. Эксле, «потребность современной эпохи – разобщенной, фрагментарной, разъединенной, бедной на смыслы, даже ущербной – противопоставить себя «единой средневековой культуре» – а именно это обычно и происходит, явно свойственна самой Современности»¹. Истоки такого истолкования коренятся в предубеждениях модерна, против которых, как он справедливо отмечает, в свое время резко выступал М. Вебер. Эксле хочет подчеркнуть, что современные исследователи зачастую слишком вольно обращаются с конструированием картины прошлого, исходя, в том числе из потребности заполнения тех смысловых лакун, которые явно или неявно присутствуют в самосознании нашей эпохи. Как нам представляется, в подобных случаях ученые стремятся найти ответы на

вызовы своего времени, полагая, что таковые уже были сформулированы в рамках иного исторического хронотопа. Мыслители прошлого в таком случае предстают в образе пророков, которые предвидели не только будущее, ставшее для нас актуальным настоящим, но и прочертили абрис концептуального пространства, содержащего в себе возможные выходы из тупиков развития современной цивилизации. Внешняя парадоксальность такой установки, тем не менее, ни в коей мере не отменяет ее наличия в глубинных пластах предубеждений гуманитарного научного сообщества. Важно подчеркнуть, что такое видение взаимодействия с прошлым имеет двойственный характер. С одной стороны, оно может привести к существенным искажениям картины прошлого, проявляющим себя в результатах исторических исследований различных феноменов культуры (искусства, науки, философии, религии). О. Воскобойников довольно точно формулирует вопросы, ответы на которые отнюдь не представляются очевидными: «Что видели средневековые люди под сорокаметровыми сводами соборов, там, где средневековый дух, в прямом и переносном смысле, достигал своих высот? Не вчитываем ли мы, современные зрители и читатели, новые смыслы и значения в те символы, которые наши давние предки не могли различить из-за слабости зрения или образования, а то и просто из-за отсутствия интереса?»². Заметим, что постановка вопросов в подобной редакции подразумевает той парадигмой исследования средневековой культуры, которая возникает в связи с изменениями исследовательской оптики. Среди наиболее значимых авторов, работы которых впрямую способствовали этому процессу стоит назвать, прежде всего, Э. Панофски, Э. Гомбриха, Р. Рехта. Неизбежная трансформация основополагающих представлений, а также способов получения знания о тех или иных историко-культурных феноменах, начало которой можно отнести к концу прошлого столетия, привела и к возникновению новых направлений саморефлексии научного сообщества. Исследование пласта «невяного знания», которое формирует «видимое», «очевидное», не подвергаемое сомнению и лежащее в основании научного дискурса, оказывается в этом случае необходимым условием получения адекватного исторического описания. С другой стороны, анализ современных исследовательских программ дает чрезвычайно важный материал для философского осмысления проблем, связанных с «вписыванием» современности в исторический контекст, масштабированием происходящих сегодня транс-

формаций, изменением соотношения актуального исследования и футурологии.

Между тем, возникновение феномена «нового Средневековья» было предсказано Н. А. Бердяевым в работе с одноименным названием, вышедшей в свет в 1924 году. Стоит отметить, что и Бердяев не был первооткрывателем переосмысления средневековой культуры в ее проекции к современному состоянию общества, достаточно вспомнить немецкий романтизм или викторианство. Однако именно у Бердяева Средневековье становится метафорой будущего, которую он всеми силами стремится избавить от негативных коннотаций. В начале своей работы он прямо заявляет: «Эпоху нашу я условно обозначаю как конец новой истории и начало *нового средневековья*. Я не предсказываю, каким путем необходимо пойдет история, в хочу лишь проблематически начертать *идеальные черты и тенденции нового типа общества и культуры (курсив наш. – Е. И.)*»³. С точки зрения провиденциализма Бердяева ощущение кризиса, которым было проникнуто начало XX в., подталкивает к таким аналогиям с прошлым, которые оказываются совершенно неправомерными. Широко распространенное во множестве философских и публицистических сочинений сравнение современности с наступлением варварства на античный мир представляется ему заблуждением. «Тогда, – пишет Бердяев, – был закат культуры несоизмеримо более высокой, чем культура нового времени, чем цивилизация XIX века»⁴. На смену хаосу, врывающемуся в античный космос, постепенно приходит Средневековье, принося с собой личность в таком понимании, которое не противопоставляет ее всеобщему, универсальному, но, напротив, задает основания ее возникновения. «Личность была сильнее и ярче в средние века»⁵, – замечает он. Обращаясь к истокам индивидуализма, Бердяев не жалеет красок для переписывания образа ренессансного гуманизма: «Мы живем в эпоху обнажений и разоблачений. Обнажается и разоблачается и природа гуманизма, который в другие времена представлялся столь невинным и возвышенным»⁶. Если подходить к рассуждениям Бердяева с формальной стороны, то кажется, что его целью является поменять полярность стереотипных представлений об Средневековье и Ренессансе, сложившихся и прочно укорененных в европейской культуре. В самом деле, у него происходит поражающая воображение инверсия «темного» Средневековья и «светлого» Ренессанса. Однако намного более важным оказывается выявление тех спе-

цифических черт обеих эпох, которые совершенно иначе, нежели прежде представляются философу из нового исторического контекста. С одной стороны, Бердяев констатирует, что индивидуализм, ставший идеалом, благодаря ренессансной установке, нашел свое воплощение в капиталистическом обществе. В этой идее нет ничего новаторского, она хорошо известна и почти бесспорна. Но Бердяев полагает, что индивидуализм проявляет себя в современности, независимо от политических режимов и экономических укладов. Внешне представляющийся качественно иным социалистический проект, реализующийся в советской России, по мнению Бердяева, нисколько не противостоит капитализму в понимании личности. Социализм отрицает универсалистскую идею, приводя к «атомистическому распаду» общества. Такой универсализм в понимании истории оказывается у Бердяева отправной точкой в формулировке ключевой проблемы современного ему общества. Нарушение истинной иерархии, предполагающей подчинение материального духовному началу, становится для Бердяева тем вызовом, ответ на который предполагает возможность обретения состояния «нового Средневековья». «Разоблачение» и «обнажение» природы и последствий ренессансного гуманизма, лежащего в основании наличного состояния общества, необходимы Бердяеву для восстановления средневековых представлений, которые, разумеется, становятся авторской интерпретацией нового общественного идеала. Очищенное, практически порвавшее связь с историческим источником, «новое Средневековье» становится тем образом, который наиболее полно отражает бердяевские представления о возможном (но, как он подчеркивает, вовсе не обязательном, неизбежном) будущем. Иначе говоря, Бердяев, переосмысливая сложившийся культурный образ исторической эпохи, отталкиваясь от него, формулирует ... новый образ Средневековья.

Между тем, идея истинного «иерархизма», которая является несущей конструкцией этого нового образа, оказывается невероятно актуальной сегодня. В размышлениях о специфике эпохи «цифровой революции» деиерархизация оказывается, пожалуй, одной из наиболее бесспорных, признаваемых большинством ученых и философов маркеров современности. Стремительный распад тех концептуальных каркасов, которые более или менее надежно стягивали социальное и культурное пространство, происходящий буквально у нас на глазах, побуждает к размышлениям о возможных сце-

нариях дальнейшего развития общества столкнувшегося с новыми вызовами. Именно тревожащий призрак «беспрецедентности», а значит принципиального отсутствия возможных исторических аналогий, которые в переломные моменты становились основанием для восстановления преемственности, в конце XX в. привели к возрождению образа «нового Средневековья». В работе с красноречивым названием «Средние века уже начались» У. Эко писал: «С недавнего времени с разных сторон начали говорить о нашей эпохе как о новом Средневековье. Встает вопрос, идет ли речь о пророчестве или о констатации факта»⁷. За этим, как мы видим, не слишком новым «новым Средневековьем» скрывалось несколько любопытных сюжетов. Как известно, Эко был сторонником антипрогрессизма. «Прогрессом навыворот» он называл те процессы, которые были запущены в европейской истории после падения Берлинской стены. «В третьем тысячелетии мы стали вытанцовывать еще больше обратных па»⁸. Эко точно подмечал некоторые архаические черты современной повседневности, которые еще совсем недавно казались безвозвратно канувшими в бездну истории. Для него наступление «нового Средневековья» было возвращением к тем практикам, которые оказываются замаскированными, упакованными в новации, но по сути своей оказываются неизменными. Популярность «Нового Средневековья» как направления философских размышлений конца прошлого – начала нынешнего века при всей разнонаправленности составляющих его позиций отражают одну тенденцию, которая представляется нам исключительно важной и в определенном смысле действительно беспрецедентной. Речь идет о трансформации представлений о времени, являющихся фундаментом понимания исторического процесса. Трудно не согласиться с точным наблюдением А. Бадью, отмечающим, что «...сегодня практически полностью отсутствует мысль о времени. Послезавтра совершенно абстрактно, а позавчера непостижимо почти для всех. Мы вступили во вне-временной, моментный период; время – это не то, что делит на части индивидуальный опыт, время – это конструкт, причем, по всей вероятности, политический»⁹. В отличие от ушедшего в историю XX в., стремившегося создать образ будущего, управлять им, так или иначе, конструировать его, а значит – обрести власть над временем, современность перестает мыслить свое бытие в подобных категориях. В связи с

этим обращение к образам прошлого, в частности, конституирование образа Средневековья, вне зависимости от приписываемых ему коннотаций, представляет собой один из способов саморефлексии гуманитарной и философской мысли современности.

¹ Экле О. Г. Действительность и знание : очерки социальной истории Средневековья. – Москва : Новое лит. обозрение, 2007. – С. 315.

² Воскобойников О. С. Тысячелетнее царство (300–1300). Очерк христианской культуры Запада. – Москва : Новое лит. обозрение, 2015. – С. 23.

³ Бердяев Н. А. Новое средневековье // Бердяев Н. А. Философия творчества, культуры и искусства : в 2 т. – Москва : ЛИГА : Искусство, 1994. – Т. 1. – С. 408.

⁴ Там же. – С. 411.

⁵ Там же. – С. 417.

⁶ Там же. – С. 414.

⁷ Эко У. Средние века уже начались // Иностранная литература. – 1994. – № 4. – С. 258.

⁸ Эко У. Полный назад! – Москва : Астрель : CORPUS, 2012. – С. 13.

⁹ Бадью А. Век. – Москва : Логос, проект lettera.org, 2016. – С. 132–133.

А. А. Костюк **К ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ОТЧУЖДЕНИЯ***

Во второй половине XIX – начале XX вв. возникают качественно новые подходы к изучению категории отчуждения. Одним из наиболее значимых является социальный подход, реализуемый представителями Франкфуртской школы. В их концепциях отчуждение человека обусловлено социальными факторами и проявляется на уровне социальной сферы. Представители Франкфуртской школы Т. Адорно и М. Хоркхаймер исследуют проблему отчуждения сквозь призму положения человека в мире. Высвободившись из природного мира, человек начинает воспринимать окружающую его реальность как объект для воздействия и господства. Результатом такого отношения становится отчуждение: «Господство оплачивается не просто отчуждением человека от порабощаемых им

* © Костюк А. А., 2018.

объектов: с овеществлением духа заколдованными становятся и отношения самих людей, и даже отношение единичного к себе самому. Последний сморщивается до размеров узлового пункта конвенциональных реакций и способов функционирования, объективно от него ожидаемых»¹.

Таким образом, отчуждение, как и самоотчуждение, рассматривается в системе социальных отношений, выстроенных на основе господства и подчинения. С появлением такого типа отношений, возникает соответствующий тип общества, характеризуемый замещением индивидуального на стереотипное, высокой степенью рационализации и подавления индивидов. В таком обществе рвутся связи между людьми, запускается процесс атомизации, возникают отчужденные и овеществленные отношения, препятствующие подлинному общению. Преодоление отчуждения и возвращение человеком своей собственной сущности в обществе фетишизации товаров практически невозможно: «...сама жизнь искажена, изуродована настолько, что ни один человек уже не способен самостоятельно жить правильно, не в состоянии правильно реализовать свое собственное предназначение. Мир устроен теперь так, что даже простое требование честности, порядочности неизбежно вызывает у человека чувство протеста»².

Возникновение нового типа общества, развивающегося в условиях технического прогресса, приводит к возникновению новой социальной реальности. Еще один представитель Франкфуртской школы, Г. Маркузе, говорит о социальной реальности, основанной на обществе потребителей, отличительной чертой которых является одномерность: «Понятие отчуждения делается сомнительным, когда индивиды отождествляют себя со способом бытия, им навязываемым, и в нем находят пути своего развития и удовлетворения. И это отождествление – не иллюзия, а действительность, которая, однако, ведет к новым ступеням отчуждения. Последнее становится всецело объективным, и отчужденный субъект поглощается формой отчужденного бытия. Теперь существует одно измерение – повсюду и во всех формах»³. Негативность развития индустриального общества, по словам Маркузе, заключается в возрастании иррациональности целого, дегуманизации, постоянной угрозы войн, чрезмерной производительности. Все это способствует формированию стандартных потребностей, которые привязыва-

ют человека к современному обществу. В потребность также превращается неумеренное потребление.

Общество становится тоталитарным, поскольку исключает возможность критического подхода. Господство распространяется на все сферы человеческого существования и под маской изобилия и свободы уничтожает любую оппозицию и альтернативы. Но, помимо этого, основная масса людей не считает себя угнетаемой, поэтому не стремится освободиться: «Хотя рабы развитой индустриальной цивилизации превратились в сублимированных рабов, они по-прежнему остаются рабами. Ибо рабство определяется не мерой их покорности и не тяжестью труда, а статусом бытия как простого инструмента и сведением человека к состоянию вещи»⁴. Таким образом, человек теряет возможность автономного существования, поскольку действует в интересах социальной системы, не осознавая этого.

Развивая идеи К. Маркса, Г. Маркузе пишет и об отчуждении труда, которое происходит вследствие увеличения разделения труда: «И чем более специализируется разделение труда, тем более отчужденным он становится. Люди живут не своей собственной жизнью, но исполняют предустановленные функции. Время их работы, отнятое у реализации их потребностей и способностей, – отчужденное время. Труд, как и ограничения, налагаемые на либидо, стал всеобщим. А время, на него затраченное и занимающее большую часть жизни индивида, наполнено страданиями, ибо отчужденный труд, лишенный удовлетворения, отрицает принцип удовольствия»⁵. Такой механизированный труд становится изнуряющим, отчуждающим рабством для человека. В своих рассуждениях Маркузе делает вывод, что избавиться от отчуждения невозможно, поскольку: «ни технологический прогресс, ни завоевание природы, ни рационализация человека и природы не смогли и не смогут устранить необходимость отчужденного труда, необходимость механической, лишенной удовольствия работы, не обещающей индивиду никакой самореализации»⁶. Однако стоит заметить, что речь идет только об одной из форм отчуждения – отчуждении труда.

Несколько иной подход к проблеме отчуждения мы находим у Э. Фромма. Он характеризует современную ситуацию следующим образом: «Людьми управляют экономические кризисы, безработица, войны. Человек построил свой мир; он построил дома и заводы, производит автомашины и одежду, выращивает хлеб и плоды. Но он

отчужден от продуктов своего труда, он больше не хозяин построенного им мира, наоборот, этот мир, созданный человеком, превратился в хозяина, перед которым человек склоняется, пытаясь его как-то умилостивить или по возможности перехитрить»⁷. Возникшее чувство изоляции и беспомощности, по словам Фромма, усугубляется в связи с изменившимся характером взаимоотношений между людьми. Взаимодействие приобретает манипулятивный характер, отдельный человек используется как средство: «Не только экономические, но и личные отношения между людьми приобрели тот же характер отчуждения; вместо человеческих отношений они стали напоминать отношения вещей»⁸. Подобная трактовка отчуждения может быть рассмотрена в качестве одной из форм социального отчуждения – отчуждения в процессе социальной коммуникации.

Еще одним важным моментом изменения процессов коммуникации, безусловно, является отчуждение от себя: «...ни в чем этот дух отчуждения не проявился так сильно и разрушительно, как в отношении индивида к самому себе»⁹. Отчуждение от себя заключается, согласно Фромму, в отношении человека к своему «Я» как к рыночному товару, который человек стремится продать. Ценность человека, его уверенность в себе становятся отражением того, что о нем думают другие. Помимо отчуждения от себя Фромм выделяет и другие виды отчуждения: отчуждение труда, отчуждение от государства, отчуждение от других людей.

В общем виде Фромм определяет отчуждение как способ восприятия, при котором человек ощущает себя как нечто чуждое, теряя связь как с самим собой, так и с другими людьми. Находясь в некоей изоляции, будучи отчужденным и от себя, и от других людей, человек становится орудием внешних целей. Это состояние Фромм называет негативной свободой и характеризует следующим образом: «такое состояние подрывает человеческую личность, ослабляет и запугивает человека, подготавливает его к подчинению новому рабству»¹⁰. Позитивной же свободой Фромм называет полную реализацию способностей индивида, которая дает ему возможность жить активно и спонтанно. Спонтанная деятельность является ключом к достижению позитивной свободы: «...позитивная свобода состоит в спонтанной активности всей целостной личности человека»¹¹. Под деятельностью Фромм подразумевает деятельность творческую, проявляющуюся в эмоциональной, интеллекту-

альной и чувственной жизни человека. Спонтанная активность проявляется довольно редко, Фромм приводит в пример художников и детей, однако она представляет собой единственный способ преодолеть страх одиночества, и, соответственно, отчужденное существования человека, «...ибо спонтанная реализация его сущности снова объединяет его с миром – с людьми, природой и самим собой. Главная, важнейшая составная часть такой спонтанности – это любовь, но не растворение своего "я" в другом человеке и не обладание другим человеком. Любовь должна быть добровольным союзом с ним, на основе сохранения собственной личности»¹².

Проанализировав концепции основных представителей Франкфуртской школы, мы приходим к заключению, что оперируя категорией отчуждения, разработанной К. Марксом, они изменяют ее содержание, акцентируя внимание на исследовании социальных процессов в индустриальном обществе. Отчуждение человека возникает в рамках социальной сферы, что позволяет сделать объектом исследования как отдельного индивида, так и структуру социальных отношений в целом. При анализе различных форм отчуждения был выявлен субъективный характер данного феномена, поскольку отчуждение является атрибутом бытия человека, лишенного каких – либо сущностных характеристик. Однако, определяя отчуждение как категорию социальной реальности, представители Франкфуртской школы не уделяют достаточно внимания способам преодоления отчуждения, акцентируя внимание на характеристике самой проблемы.

При анализе категории отчуждения в качестве основополагающих были выявлены психологические, личностные и социальные аспекты отчуждения. Основной характеристикой социального отчуждения является наличие в мировосприятии человека определенных доминирующих принципов: чувства бессилия, представления о бессмысленности существования, обостренное восприятие своего одиночества вследствие исключения человека из системы социальных связей, осознание утраты индивидом своего подлинного «Я». Все эти аспекты отчужденного состояния человека в дальнейшем получили развитие в философии экзистенциализма, также внесшей свой вклад в развитие представлений об отчуждении.

-
- ¹ Хоркхаймер М., Адорно Т. Диалектика Просвещения. Философские фрагменты. – Москва ; Санкт-Петербург : Меддум–Ювента, 1997. – С. 44.
- ² Адорно Т. Проблемы философии морали. – Москва : Научный мир, 2003. – С. 191.
- ³ Маркузе Г. Одномерный человек: исследование идеологии развитого индустриального общества. – Москва : REFL–book, 1994. – С. 21.
- ⁴ Там же. – С. 43.
- ⁵ Маркузе Г. Эрос и цивилизация. – Киев : ИСА, 1995. – С. 39.
- ⁶ Там же. – С. 59.
- ⁷ Фромм Э. Бегство от свободы. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 105.
- ⁸ Там же. – С. 107.
- ⁹ Там же. – С. 107.
- ¹⁰ Там же. – С. 224.
- ¹¹ Там же. – С. 215.
- ¹² Там же. – С. 217.

М. А. Литвинов
ПРУСТОВСКИЙ ПЛАТОНИЗМ И МЕТОНИМИЯ*

Непреложность, в какую-то ввергает подчиняющееся ей же всякое «глядение сущности»¹, предстает у Пруста во всей своей полноте при посредстве сопряженной с метафорой метонимии: «...стиль метафорический, охарактеризован здесь с помощью эффекта сцепления и необходимости ("непреложные оковы")»². Метонимия ослабляет питаемую нами иллюзию произвольности человеческих действий, произволения как причины поступков героев, выводя писателя за пределы «авторской позиции Бога», занятого «психологией» типажей, к тому минимуму открывающейся посредством письма истинной жизни, что только и поддерживает любую возможную психологию. Обуреваемый платоническим вожделением к крестьянке из Мезеглиза, или к рыбачке³ из Бальбека, Марсель по-настоящему влеком к «истинно сущему бытию», растворяясь движением эроса в аутентичности данного восприятию пространства, спаянность частей которого определяет необходимость последующего воспоминания, способного одарить той или иной сущностью.

* © Литвинов М. А., 2018.

Естественность, *подлинность простого и необходимого* довлеет над сознанием Пруста также, как и над всей великой идеалистической традицией философствования со времен античности. Идеал естественности обязует его к элиминации всего того, что представляется чуждым прозреваемой аутентичности места/времени. Так прустовская лесная фантазия, пригрезившаяся Марселю девушка неотделима от места явления грезы, от тени папоротника на ее лице и от леса в целом. И «образ, к которому Пруст прибегает охотнее всего, принадлежит к субстанциальному уровню: это мотив "расплавленности", гомогенности»⁴. Реализация же этого мотива подготавливает миг постижения чистой сущности⁵, высвобождая зияние островка времени самого по себе, чистого вневременного прошедшего, эмансипированного от претензий владения как со стороны прошлого настоящего (дарующего блеклое восприятие Комбре), так и со стороны актуального настоящего (пробуждающего во вкусе печенья «Мадлен» отнюдь не тени прошлого настоящего). Это мгновение свободы от заслоняющего чистую сущность «Эго», обросшего условностями пустых и лживых знаков, где простота гения, художника, прельщающего «мысль» своей позиционной открытостью, но и прельщенного претенциозностью мысли. Это испытываемое и последовательно производимое, бережно хранимое и невыплескиваемое впустую безумие отказа от бессмысленной привязанности к «Я», всегда стремящемуся обладать, раздираемому еще большим безумием, общепринятым в качестве обязательной нормы. Но эта свобода (также) фатальна. «Соблазн... в том, чтобы искать смысл не в жизни вообще, а в ее осуществленных мгновениях. Они компенсируют в наличном существовании, в Dasein его нетерпимость ко всему, что вне. От текстов метафизика Пруста веет насилием, не сравнимым ни с чем: Пруст соблазнился безусловным требованием счастья, как никто другой; он хотел освободиться от своего я, хотел не оглядываться, не дергаться за него»⁶.

Последовательное разоблачение, как побочный продукт письма, «дающего из первоисточника», – это в высшей степени философический соблазн, если с философией, взятой здесь в предельно широком смысле, связывать обнаружение действующих на индивида «идеологем», бессознательных структур или же различных эстетических режимов доступной нам мысли⁷, означающих как конкретное философское исследование, опосредующее свою связь с неочевидной ре-

альностью, так и (преображающую саму действительность) практику политической борьбы по освобождению пролетариата, бессознательного «и так далее, и так далее»... практику, немислимую без опоры на заведомо предполагаемое критическим разоблачением «естество», оправдывающее истинную идеологию. И этот соблазн поощряется всей философской традицией, так или иначе нарушающей гармонию между эстетическим/теоретическим и критическим, которые взаимно нуждаясь друг в друге, сливаются в трудно поддающееся различению единство, позволяющее мысли игнорировать «свое иное». Зачастую мысль, пренебрегая эстетическим, а по сути, затушевывая свою обусловленность этой непрозрачной, но тесно связанной с познанием способностью переходить от чувственного к идеальному и обратно (тем самым только и утверждая мысль к необходимой ей очевидности), лишь способствует усилению и фатальной модификации того *необходимого догматического аспекта*⁸, что исходно присущ эстетическому. В данном случае речь идет о соотносимой с произведением естественности, подлежащей гипостазированию и субстанциализации средствами завладевающей ею мысли, заслоняющей ее конституируемый характер. Так воспевается возможность выхода за рамки обманывающей абстрактной индивидуальности ради приобщения к той естественной необходимости «открывающегося» этой философской отмычкой бессознательного, что, например, провоцирует политэкономический дискурс о потребительной стоимости и «естественных» человеческих потребностях, или же – обязывает выйти к чистым структурам трансцендентального сознания (ибо «если и возможно для нас подниматься от познания отдельных вещей к познанию идей, то это происходит лишь потому, что в субъекте совершается изменение, соответствующее и аналогичное великой перемене во всем характере объекта, – изменение, благодаря которому субъект, поскольку он познает идею, более уже не есть индивид»⁹). Этот соблазн [развоплощения] как результат пренебрежения эстетическим в познании¹⁰, или, что тоже самое, тотальное сведения эстетического к познанию идей (звучащий мелодией Вейнтеля шопенгауэровский мотив в творчестве Пруста), чреват догматизмом, всегда готовым ищущему подлинного сразу же таковое и предоставить, замкнув реальность, свободно циркулирующую в круге перехода от обусловленного к безусловному *как его корреляту*, в мире одного только истинно сущего.

Попутно «Поиски» прельщают образом потерянного рая, качество эстетического в котором, тщательно воссоздаваемое метафорой и поддерживающей ее метонимией, отступает на второй план перед натиском стихии слова. Но что позволительно и просто необходимо для литературы, то недопустимо для философии (этой особой разновидности литературы) без уточнений и поправок. Как замечает Юлия Кристева по поводу Пруста-философа, «слова ценны в его глазах, только если они обладают 'властью воскрешения', работающего над нашей 'чувствительностью', если им удастся выразить 'древние и таинственные сходства между нашим родным языком и нашей чувствительностью' и показать их родство со своего рода 'скрытой музыкой'»¹¹. Предполагается, что слова выражают абстрактное знание, чувствительности же доступно то непосредственное переживание истины бытия, о которой она даже не ведает. А амальгама слова с чувством, создаваемая ценой жизни, но возвращающая к той святой естественности родного языка, которым впервые обнаруживают себя наши детские, непосредственно выражаемые чувства, воскрешает мгновение вечности, или, что тоже самое, – открывает дорогу припоминанию никогда «не бывшего» прошлого, потерянного без обладания раем, заявляющего о себе в этом мире разве что только посредством меланхолии, изредка навеваемой прослушиванием того самого, сокровенного музыкального фрагмента. Помимо апологии страдания данным пассажем из книги Кристевой «Пруст и *чувство/смысл/сознание* времени» явлена более существенная характеристика, объединяющая мироощущения Артура Шопенгауэра и Марселя Пруста, которую можно было бы обозначить через их столь явно преподносимый платонизм, если бы источник и конечная цель их устремлений не был таким прозрачным, и, вместе с тем, темным, иррациональным, загадочным, как сама музыка, освобожденная от необходимости представлять лишь определенную силу, соответствующую той или иной ступени объективации мирового начала. И Шопенгауэр и Пруст (философ, обретший утраченное время) бьются в закрытую дверь, не только надеясь найти подтверждение тому, что за ней вообще хоть что-то скрывается, но без тени сомнения предполагая в сокрытом тенью *разделяемого иного* искомое безусловное онтологическое единое начало, *волю саму по себе*, воспроизводимое в вечном настоящем *прошлое само по себе*, звучащее немотой дис-

курса¹² an sich sein. Обращение к «скрытой музыке» – только способ (возможно и правда наиболее адекватный или даже единственный) описать это неопишуемое и ускользающее бытие вещи в себе, натурализуемой все тем же страстным желанием постичь, обучиться. Музыка явлена своей недоступностью, она наличествует в «Поисках» (что само по себе указывает на парадокс «скрытого» звучания того, что может быть лишь прочитано»), не присутствуя, а лишь обозначая возможность совершеннейшего обладания [любимым существом], чем вполне уже удовлетворяет и вознаграждает за страдания, например, Свана, а вместе с ним и Марселя. Но непреложность естественного, даваемого эстетически, подобна твердости и неизбежности радуги над водопадом¹³. И именно этой твердью стремиться завладеть мысль, подчиняющая своим собственным целям (познания и обучения) эстетическое, дискредитируя его своей абсолютной серьезностью. Если в художественном произведении естественность эстетически воссоздаваемой реальности при всей своей действительности сохраняет условный характер, то уже в философском предприятии эстетическое, будучи подчиненным мысли, отождествленным с нею, более ничем не сдерживаемое в действии от чужого лица, неумолимо теряет этот критический потенциал. И сконструированное понятие сливается с естественностью немого чувства в едином порыве музыкального такта.

¹ Выражение Э. Гуссерля.

² Женетт Ж. Метонимия у Пруста и его поэта. URL : <https://www.proza.ru/2012/07/07/533> (дата обращения 04.07.2017).

³ «Землю от живых существ я не отделял. Я возделел к крестьянке из Мезеглиза или из Русенвиля, к рыбачке из Бальбека так же, как возделел к самому Мезеглизу или Бальбеку. Если б я мог произвольно изменить обстановку, наслаждение, какого я ожидал от этих женщин, показалось бы мне менее подлинным, я бы утратил веру в него» (Пруст М. По направлению к Свану. – Москва : Директ-Медиа, 2011. – С. 148).

⁴ Женетт Ж. Указ. соч.

⁵ Так ее описывает Делез: «Сущность – это интериоризированное и ставшее имманентным различие» (Делез Ж. Марсель Пруст и знаки. Статьи. – Санкт-Петербург : Лаборатория метафизич. исслед. филос. фак. СПбГУ : Алетейя, 1999. – С. 87). И вот как она себя метонимически распаковывает

через метафору: «Вкус, общее свойство двух ощущений и двух моментов, существует здесь только для того, чтобы воззвать к чему-то другому – Комбре. И по этому зову Комбре возникает в абсолютно новом виде. Он уже не такой, каким был в прошедшем настоящем. Комбре возникает как прошлое, но это прошлое не соотносится с тем настоящим, что было, однако он не соотносится также и с тем настоящим, по отношению к которому он теперь является прошедшим. Комбре – уже более не Комбре-восприятия, не Комбре-произвольной памяти. Он появляется таковым, каким он не мог бы быть в жизни; не в своей реальности, а в своей истинности; не в своих внешних и случайных связях, но в своем интериоризированном различии, в своей сущности» (Там же. – С. 88).

⁶ Адорно Т. В. Негативная диалектика. – Москва : Научный мир, 2003. – С. 338.

⁷ Согласно Ж. Рансьеру, «... "эстетика" – это не новое имя для обозначения области «искусства», а специфическая конфигурация этой области. Это не новая рубрика, которой должно попадать то, что прежде состояло в ведении *поэтики*. Она отмечает преобразование режима художественной мысли. И этот новый режим оказывается местом, где складывается специфическое представление о мысли» (Рансьер Ж. Эстетическое бессознательное. – Санкт-Петербург ; Москва : Machina, 2004. – С. 14).

⁸ «По крайней мере *при существующей сейчас ситуации* – пока вообще недостает высокоразвитой и достигшей совершенной строгости и ясности критики познания – *правильно держать границы догматического исследования закрытыми перед любой «критицистской» проблематикой*. См. : Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. – Москва : Акад. проект, 2009. – Кн. 1. – С. 85.

⁹ Шопенгауэр А. Мир как воля и представление. – Москва : Директ-Медиа, 2002. – С. 398.

¹⁰ «В эстетическом способе созерцания мы нашли *два нераздельных элемента*: познание объекта не как отдельной вещи, а как платоновской *идеи*, т. е. пребывающей формы всего данного рода вещей, и самосознание познающего не как индивида, а как *чистого, безвольного субъекта познания*» (Там же. – С. 439).

¹¹ «Words are valuable in his eyes only if they possess 'a power of evocation' working on our 'sensibility', if they manage to express 'the ancient and mysterious affinities between our mother language and our sensibility' and show their kinship with a sort of 'latent music'» (Kristeva J. Proust and sense of time. – New York : Columbia University Press, 1993. – P. 78.

¹² «...если бы удалось обстоятельно воспроизвести в понятиях то, что она [музыка] выражает собою, то это оказалось бы одновременно достаточ-

ным воспроизведением и объяснением мира в понятиях, или было бы с ним совершенно согласно, т. е. было бы истинной философией» (Шопенгауэр А. Указ. соч. – С. 586).

¹³ Там же. – С. 610.

Н. Л. Малышева
НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ ГРАНИЦ:
ИСКУССТВО КИНО И ИСКУССТВО ПЕРФОРМАНСА*

В художественном процессе постоянно отмечается взаимовлияние различных видов искусства друг на друга. Конкуренция с фотографией, с ее скоростью отображения реальности заставило живопись учесть фактор времени и темы изображаемого. Что в свою очередь поспособствовало развитию искусства авангардной живописи. Первыми необходимостью перемен почувствовали импрессионисты. Именно они заложили традицию пленэра и начали писать картины в реальном времени, пока, например, зайдет солнце или пока под его лучами трава не приобретет какой-то небывалый оттенок. Революционное, смелое движение художников, стремящихся максимально точно уловить мгновение во всех его оттенках, впоследствии оказало огромное влияние на создание многих художественных течений и на методы высказывания своего принципиального видения мира отдельных художников.

Синематограф, обязанный своим рождением также фотографии, является сам по себе прорывом и в то же время катализатором появления новых видов и жанров искусства. В частности, можно говорить о косвенном влиянии кино как массового вида искусства на появление концептуализма в целом и отдельно – на перформанс как на один из ключевых видов искусства эпохи постмодернизма. Художники данного направления также стали стремиться реализовывать свое творчество в реальном времени. Событие, процесс – вот новые произведения искусства, неуловимые и не поддающиеся системе купли-продажи. В данном контексте мы можем говорить о неком противостоянии кино и перформанса, поскольку кинемато-

* © Малышева Н. Л., 2018.

граф являет собой сегмент индустрии развлечений. Но за этой конфронтацией скрывается и внутренняя связь данных видов искусства. Так, оба они работают с реальностью как таковой, отражая аспекты с разных ракурсов посредством аутентичного набора художественных средств выражения каждого. Остановимся на нескольких точках пересечения искусства кино и перформанса.

Использование кино как некоего мира грез все больше набирает обороты и находит свою аудиторию, желающую потреблять продукты именно развлекательной направленности. Все зависит от глубины погруженности в действительность: скольжение по поверхности программирует на просмотр легкого и не отягощенного особым смыслом кинопродукта, в то время как постоянная рефлексия, жизнь в ритме «вопрос-ответ» заставляет зрителя находить конгениальную историю в кино. Именно реконструкция реальности лежит в основе природы кино как седьмого вида искусства. Эту мысль проводит словенский философ и культуролог С. Жижек в документальном фильме «Киногид извращенца», в котором разбираются фильмы известных режиссеров посредством основ психоанализа: «Нам необходимо кино, в буквальном смысле слова, чтобы понять сегодняшний мир. Лишь в кино мы можем увидеть жизненно важное измерение, с которым мы не готовы столкнуться в реальной жизни». Также и в перформансе мы видим реконструкцию окружающей действительности, только выстроенную несколько иным образом.

Еще одно сближение перформанса и кино заключается в работе с такой категорией деструктивной эстетики как «жестокость». «То, что спровоцировал мировой кинематограф много десятилетий назад, – пишет российский кинорежиссер А. Н. Сокуров, – сегодня выросло в масштабы повсеместной привычки к любым формам жестокости на экране»¹. Действительно, сегодня кинематограф изобилует сценами насилия и ужасов. Современный зритель становится свидетелем чьей-то казни: невозмутимый, не желающий заступиться за приговоренного, но проявляющий еще большую заинтересованность в ходе наблюдения за издевательствами. Перформеры же пытаются пробиться через эту возведенную кинематографом стеклянную перегородку равнодушия посредством собственной жертвы (причиняя боль своему телу, подвергая его пыткам и различным лишениям) и ухода от театрализованности. Таким образом, они пытаются гово-

речь на понятном современной публике языке, учитывая, что «потребность в сильных эмоциональных потрясениях... присуща зрителям изначально»². Это очень созвучно размышлениям Ф. Ницше о природе человеческого: «Видеть страдания – приятно, причинять страдания – еще приятнее: вот суровое правило, но правило старое, могущественно, человеческое-слишком-человеческое...»³. В перформансе работа с телом (опора на жест) отсылает к немому кино, где отсутствие звука требовало нарочитого гротеска телесного языка. Отсутствие вербальной составляющей позволяло в кино и позволяет в перформансе вовлечь зрителя в художественный процесс. Реципиент сам может озвучивать и придумывать звуковой ряд, ведь когда последний «уже заполнен за нас другими, участия в работе образа становится гораздо меньше»⁴.

И кино, и перформанс по сути своей информативны, в основе всегда лежит некое послание зрителю. И если фильм выстраивает новую иную реальность, то перформанс стремится вклиниться в действительность, он работает с вырванным фрагментом, повторяя его в несколько нетипичном для житейских актов пространстве (галерея, музей). Своеобразная рамка позволяет акцентировать внимание на этом эпизоде, заострить проблематику, скрывающуюся в нем. В силу того, что и кино, и перформанс ограничены во времени, то и язык, с которым они работают, должен быть очень концентрированный, сжатый, но в то же время несущий достаточное количество информации. Таков язык символов. «Постигнутый символ становится действенной непосредственностью реальности. Символ – это посредник между человеком и Ин-се [от лат. "in se" – "в себе"] всего существующего»⁵, – пишет итальянский психолог, философ, художник А. Менегетти.

Кино позволяет выстроить ход действия сообразно замыслу художника, с его ремарками и оговорками, что очень важно при интерпретации искусства перформанса, сложного в восприятии и понимании. Монтаж фильма дает возможность «придать любому предмету, персонажу, любой ситуации смысл, употребительный в данной цивилизации»⁶, что облегчает реципиенту улавливание и прочтение символов, заключенных в художественном событии. То есть, кино может служить дополнительным источником рецепции искусства перформанса для исследователей, дополнительным средством высказывания для художников, а также методом визуального фиксирования событий

и людей в целях трансляции опыта следующим поколениям, поскольку «с точки зрения способности хранить информацию в доступной форме фильм находится вне конкуренции»⁷.

Так, биографический фильм «Балканское барокко», снятый в 1999 году французским режиссером П. Кулибеф, являет собой ретроспективу жизни стоящей у истоков искусства перформанса сербской художницы Марины Абрамович. Это кино интровертивное, за внешними событиями, происходящими в жизни Абрамович, мы видим развитие и становление ее внутреннего мира, постепенно зарождающуюся и усиливающуюся саморефлексию, попытки преодолеть жизненные трудности, сублимировать потоки танатической энергии посредством творческой деятельности. Художница рассказывает о своих переживаниях, используя символы, среди которых часто встречаются звезда, крест, огонь и вода, кровь и вино, различные мемориальные вещи, белый флаг, etc...

Одной из ведущих тем фильма является война. Родители Марины были партизанами: художница появляется в пилотке матери, задействует эту вещь в некоторых своих работах. В 90-е годы начинается гражданская война в Югославии. Марина едет в Белград, видит все ужасы той войны. Это отражено в фильме, когда мучимая бессонницей, она произносит: «Югославия, запах кофе, бабушка, снег, улица князя Михаила, разрушенная, Пруст, Кафка, запрещенная музыка, запрещенный язык». Воспоминания детства, воспоминания о той стране, которой больше нет.

После склейки мы видим кадры, как Марина лежит обнаженная на ледяном кресте (один из перформансов), точно распятая событиями. Вообще, крест один из древнейших символов, имеет много значений: страдание, борьба, огонь, соединение. Распятие на кресте, как пишет каталонский писатель и искусствовед Х. Э. Керлот, «есть переживание сущности антагонизма, – идея, которая лежит в основе существования, выражая агонизирующую боль жизни, пересечение в ней возможного и невозможного, созидания и разрушения»⁸. Работа с символами помогает Абрамович не только наполнить каждый перформанс содержанием, выстроить его именно в качестве художественного события, но и самой испытать духовное изменение, разрешить внутренние конфликты совместно со зрителем, развернуть сконцентрированные переживания во времени и определенной смысловой последовательности.

Или фильм «В присутствии художника», созданный в 2012 году режиссерами М. Эйкерс и Дж. Дюпре. Он рассказывает о подготовке и создании одноименного перформанса, который Марина Абрамович создавала в Музее современного искусства в Нью-Йорке в течение 736,5 часов: каждый желающий мог установить визуальный контакт сидящей напротив Абрамович в течение 30 минут, что вызывало разные эмоциональные состояния участников этого художественного акта. Также в фильме вскрываются моменты обыденной жизни художницы, личностные переживания, этапы подготовки к созданию художественного процесса, и становятся понятными многие аспекты и темы ее творчества.

Таким образом, кино как массовое искусство помогает донести до зрителя те вещи, которые недоступны широкой аудитории в силу своей локальности, новизны, эфемерности. Биографические фильмы о Марине Абрамович являются ярким примером того, как фильм может послужить подспорьем интерпретации творчества перформера. Они не только вскрывают моменты биографии художницы, но позволяют усмотреть символическую составляющую искусства, которому художница посвятила всю свою жизнь, – искусства перформанса.

¹ Сокуров А. В центре океана : [эссе, рассказы]. – Санкт-Петербург : Амфора, 2014. – С. 269.

² Кириллова Н. Б. Медиакультура : от модерна к постмодерну. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Академ. Проспект, 2006. – С. 109.

³ Ницше Ф. Соч. : в 2 т. – Москва : Мысль, 1996. – Т. 2. – С. 446–447.

⁴ Маклюэн Г. М. Понимание Медиа : Внешние расширения человека. – Москва : КАНОН-пресс-Ц : Кучково поле, 2003. – С. 328.

⁵ Менегетти А. Кино, театр, бессознательное. – Москва : ННБФ «Онтопсихология», 2001. – Т. 1. – С. 22.

⁶ Кириллова Н. Б. Указ. соч. – С. 117.

⁷ Маклюэн Г. М. Указ. соч. – С. 332.

⁸ Керлот Х. Э. Словарь символов. – Москва : REFL-book, 1994. – С. 271.

А. В. Погорельчик
РОЛЬ УРБАНИЗАЦИИ В РАЗВИТИИ
МАССОВОГО ОБЩЕСТВА*

Урбанизация – это тесно связанный с индустриализацией и сопутствующий ей процесс роста городских поселений. Важной особенностью урбанизации является то, что этот процесс заключается не в разрастании городов старого типа – административных и торгово-ремесленных поселений, подчиненных земледельческой округе, а в росте индустриальных и торговых городов-гигантов нового типа, все более становящихся подлинными центрами человеческой жизнедеятельности вообще. В этом нас убеждают следующие цифры: в 1800 году на планете было 5 % городского населения, а к началу 90-х годов XX в. его численность уже превысила 45 %. Два столетия назад насчитывалось примерно 50 миллионов горожан, а к 2000 году – свыше 3 миллиардов; за весь XIX в. число горожан увеличилось на 170 миллионов, а только за период 1950-1990 гг. – примерно на 1,7 миллиардов человек¹.

Урбанизация была предпосылкой для формирования новой общности – «рассеянной» массы. Данная масса – это сегментированная, фрагментированная, несобранная, зависящая от различных каналов и методов манипулирования, общность. Это большое количество людей, обладающих различным социальным статусом, система ценностей которых носит стереотипный характер, мышление стандартизировано «общими штампами», поведенческие реакции усреднены и однотипны. Именно специфические условия новой городской среды способствовали развитию массового общества.

Попадая в город, человек оказывался в новой для себя ситуации, когда прежние регулятивы его поведения переставали действовать, а новые еще были не вполне ясны. Отсутствие стабильных форм общения, способствующих преодолению анонимности, порождало дезорганизованность и социальную напряженность. Формированию новейшей городской массы способствовало, по мнению А. Роуза, ослабление «первичных» связей: во-первых, в отличие от сельского мира, городская жизнь создает условия для замкнутого,

* © Погорельчик А. В., 2018.

изолированного существования, во-вторых, падает роль некоторых институтов, которые раньше, по выражению американского философа Ч. Кули, были «инкубаторами» по формированию человеческой личности – семьи, *соседства, церкви*².

В городской среде резко меняется характер коммуникации. На смену построенным на началах солидарности, свойственным для сельской общины личным неформальным отношениям в малых группах, приходят более обезличенные связи в составе многочисленных и разнородных общностей. Общение городского человека становится избыточно многосторонним и вынужденно формализованным. Согласно Б. А. Грушину, по подсчетам современных социологов каждый человек является ныне участником минимум 5-6 малых групп и 10-15 больших и средних групп³. При такой плотности общения формализация, поверхностный характер большей части межличностных контактов становится практически неизбежным, происходит сужение личностных, эмотивных элементов связей людей вне семьи.

О. Шпенглер в работе «Закат Европы» уделяет большое внимание развитию индустриально-урбанистического общества, называя данное общество фазой цивилизации, которую он понимает как органически – логическое следствие, как завершение и исход культуры. Цивилизация – это эпоха мирового города. «*Мировой город и провинция* – этими основными понятиями всякой цивилизации открывается совершенно новая форма истории, которую мы сейчас переживаем... Вместо мира – *город*, одна *точка*, в которой сосредотачивается вся жизнь обширных стран, в то время как все остальное увядает; вместо богатого формами, сросшегося с землей народа – новый кочевник, паразит, житель большого города, человек абсолютно лишенный традиций, растворяющийся в бесформенной массе, человек фактов, без религии, интеллигентный, бесплодный, исполненный глубокого отвращения к крестьянству (и к его высшей форме – провинциальному дворянству), следовательно, огромный шаг к неорганическому, к концу...»⁴. Мировой город – это космополитизм вместо отечества, практический ум вместо благоговения к укладу и преданию, естественные права вместо приобретенных. «В мировом городе нет народа, а есть масса. Присущее ей непонимание традиций, борьба с которыми есть борьба против *культуры*, против знати, церкви, привилегий, династий, преданий в искусстве, границ позна-

ваемого в науке, ее превосходящая крестьянский ум острая и холодная рассудочность... – все это признаки новой по отношению к окончательно завершенной культуре и к провинции, поздней и лишенной будущего, однако неизбежной формы человеческого существования»⁵. Не смотря на излишнюю, на наш взгляд, пессимистичность приведенных отрывков, Шпенглер сумел в сжатой форме указать все основные признаки современного общества.

Задолго до ведущих мыслителей Запада, об этом писал русский философ К. Н. Леонтьев: «Машины, пар, электричество и т. д., во-первых, усиливают и ускоряют смешение сословий, а, во-вторых, все эти орудия выгодны только для того класса средних людей, которые суть и главное орудие смешения, и представители его, и продукт...»⁶.

Именно городские жители подверглись наибольшему влиянию средств массовой коммуникации, которые бурно развивались в новейшее время. Средства коммуникации и информации спровоцировали появление самых разных видов «рассеянных» масс, и, чем больше становилось кинофильмов и радиопрограмм, тем более, с одной стороны, унифицировалось, а с другой – рассеивалось общество. Унификация общества проявилась, прежде всего, в стирании границ между традиционными группами, прежде всего, между сословиями и классами. Рассеяние же – это процесс образования новых, межгрупповых, межсословных и межклассовых общностей, не последнюю роль в котором играет предпочтение того или иного средства массовой информации, тех или иных программ, взглядов, интересов, которые транслируются и пропагандируются этими СМИ.

Коммуникация – это в высшей степени социальный процесс. Под влиянием СМИ произошла глубокая трансформация политической и культурной жизни. Это было замечено еще Г. Тардом, который подчеркивал, что каждому типу связи соответствует некоторый тип социального сообщества: традиционной коммуникации из уст в уста – толпа; современной коммуникации, берущей свое начало с газеты, – публика. «Нынешний век, начиная с изобретения книгопечатания, породил совершенно новый тип публики, который не прекращает расти и бесконечное расширение которого является одной из наиболее впечатляющих черт нашей эпохи»⁷. Особенностью членов данной публики является то, что люди все больше превращаются в *потребителей информации*, идущей со стороны

артиста, пропагандиста, телекомментатора. Данный процесс сопровождается постепенным уменьшением многосторонних, непосредственных коммуникаций. Многостороннее общение все более заменяется односторонним информативным потоком со стороны средств массовой коммуникации, которые превращаются в своеобразного «коммуникативного монополиста», универсального собеседника. Подобная ситуация способствует появлению феномена «одиноким толпы», т. е. большого количества одиноких людей в густонаселенных мегаполисах.

Городская среда играет огромную роль в становлении и развитии так называемой «массовой культуры».

Приобщение широких слоев населения к образовательному процессу в городской среде расширяло аудиторию, имеющую доступ к ценностям культуры. На фоне прогресса техники появились новые художественные средства, новые виды искусства, демократические по своей природе. Наиболее характерен здесь феномен кинематографа с его баснословной дешевизной стоимости билетов, ставшего как бы этапом нового, общедоступного «буржуазно-демократического театра», в котором происходило полнейшее смешение слоев и стран⁸. Во всех, наиболее значительных сферах культуры стала развиваться «эстетика популярности»⁹. От подобной эстетики, ориентирующей на успех и признание массовой аудитории, всего один шаг до «эстетики бестселлера», то есть ориентации творца в первую очередь на кассовый успех. Неизбежное в такой ситуации ослабление роли творческих элит ведет к снижению стандартов культуры. Популяризация с неизбежностью ведет к снятию сложной для массового восприятия проблематики. В конечном итоге, продукт культурного творчества переосмысливается в качестве рыночного продукта, ориентированного на удовлетворение массового спроса и извлечение прибыли. В соответствии с массовыми предпочтениями происходит перестройка иерархии видов и жанров искусства. «Высокое» искусство становится уделом духовно развитого меньшинства или, что представляется наиболее опасным, подвергается упрощению и подается широкой публике в формах, предназначенных для более «легких» жанров. Так рождаются романы в комиксах, оперы в популярной обработке и другие подобные им образчики «эрзац-искусства», тиражируемые и про-

пагандируемые средствами массовой коммуникации, как прогрессивное достижение творческой мысли.

«Массовая культура» несет в себе тенденцию формирования у ее потребителей эскапизма, ценностного релятивизма, воспитания так называемого «наблюдателя», принимающего социальные проблемы не всерьез и озабоченного лишь стремлением к личному преуспеванию, причем, преуспеванию в материально-бытовом, а не духовном плане.

Однако считать всю культуру, ориентированную на широкие слои населения, исключительно негативной, обращенной только к низменным его инстинктам, было бы непростительным упрощением. Самые широкие слои населения имеют возможность читать замечательную литературу, наслаждаться прекрасной живописью (лучшие музеи мира не испытывают недостатка в посетителях), а по телевидению смотрят не только триллеры.

Таким образом, процесс урбанизации играет одну из ключевых ролей в становлении и развитии современного массового общества. Данный процесс имеет как положительные, так и отрицательные стороны. К последним можно отнести падение роли традиционных институтов, имеющих большое значение для формирования личности, сокращение объема неформального стабильного общения, возможность анонимности, порождающей безответственность, феномен «одинокой толпы».

Положительными сторонами урбанизации являются: высокий уровень мобильности, возможность получения хорошего образования и приобщения к лучшим образцам культуры. Городская среда стимулирует свободу выбора и приложения творческих сил.

¹ См. Историческая поступь культуры: земледельческая, урбанистическая, ноосферная. Сб. науч. трудов. – Брянск : БГПИ, 1994. – С. 36.

² Овчинников Г. К. Массовое сознание как объект социологического анализа : Автореф. дис. ... канд. наук. – Москва, 1974. – С. 51.

³ Грушин Б. А. Процессы массовизации в современных обществах // Рабочий класс и современный мир. – 1986. – № 5. – С. 36.

⁴ Шпенглер О. Закат Европы. – Ростов на Дону : Феникс, 1998. – С. 75.

⁵ Там же. – С. 76.

⁶ Леонтьев К. Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Восток, Россия и Славянство. – Москва : Республика, 1996. – С. 320.

⁷ Тард Г. Указ. соч. – С. 35.

⁸ Средства массовой коммуникации в современной художественной культуре. – Москва : Искусство, 1983. – Ч. 1. – С. 82.

⁹ Там же. – С. 48.

М. М. Саенко
САХАЛИНСКИЙ МЕЛАНЖ:
К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КУЛЬТУР*

На территории России типична ситуация взаимодействия двух и более культур, мы живем в многонациональном государстве, и проблема этнокультурных взаимоотношений является одной из наиболее острых и актуальных.

На сегодняшний день на острове Сахалин одновременно уживаются десятки культур, они взаимодействуют, взаимообогащаются, в чем-то противостоят друг другу, но в целом стремятся к мирному соседству. История каждого этноса, попавшего на остров, уникальна. Корейская общность составляет на Сахалине серьезную диаспору, и так как проблема этнических диаспор очень важна, мы считаем, что вопрос взаимодействия России и Кореи в отдельном регионе крайне актуален. Россия – многонациональна, многокультурна и одним из кирпичиков этого разнообразия является культура корейского народа, которая во многом была утрачена, но, тем не менее, осталась в памяти старшего поколения и сегодня имеет все предпосылки для возрождения.

Из истории освоения острова мы знаем, что с конца XIX в. русские стали активно занимать островную территорию, строить заставы, укреплять военное положение, заселять свободным населением. В это время русские широко взаимодействуют с местным коренным населением (нивхами, уйльтами, эвенками) в вопросах

* © Саенко М. М., 2018.

торговли, рыболовства и охоты. Точной даты появления корейского населения на острове не существует, но однозначно, что уже к моменту путешествия на Сахалин А. П. Чехова там уже встречался корейский этнос, что засвидетельствовано в книге «Остров Сахалин»: «У Семенова работают манзы, корейцы и русские»¹.

С 1905 года, по итогам русско-японской войны, остров Сахалин был поделен на южный и северный. Территория Южного Сахалина – Карафуто – принадлежала Японии, Северный же остался за Россией. В период японского правления в качестве бесплатной рабочей силы для нужд колонизации Южного Сахалина было насильственно завезено корейское население, преимущественного с Южной Кореи.

После поражения Японии во Второй мировой войне (1945 г.) Южный Сахалин и Курильские острова перешли под ведение Советского Союза. С этого периода началась новая история сахалинских корейцев: все они, после капитуляции Японии, оказались лицами без гражданства и были брошены на произвол судьбы. Смена правящего государства оказало решающее влияние на дальнейшую судьбу корейцев, вот как описывает данное событие Ю. И. Дин в своей монографии «Корейская диаспора Сахалина: проблема репатриации и интеграции в советское и российское общество»: «Сахалинские корейцы – это уникальная этническая группа населения, которая на всем протяжении своей истории ощущала на себе влияние мощного фактора одной из нерешенных проблем Второй мировой войны – репатриации гражданского населения с территорий, которые в результате этой войны поменяли своего владельца»².

В первые послевоенные годы советское правительство стремилось воспрепятствовать репатриации корейского населения с острова. Во-первых, это было связано с острой нехваткой рабочей силы на Сахалине, во-вторых, отсутствовали слаженные действия в отношении репатриации именно корейского населения, тогда как японское этническое население было полностью репатрировано к 1949 г. Многие исследователи истории сахалинских корейцев, указывают на то, что на территории Южного Сахалина после 1945 г. оставались проживать около 40 тыс. корейцев. Таким образом, СССР с завоеванием Сахалина, получила часть населения Карафуто, и верно указано в работе А. Т. Кузина «Исторические судьбы сахалин-

ских корейцев», что СССР взял на себя «...историческую ответственность за судьбы многотысячной корейской массы...».³

Советской властью в попытке сохранения и поддержания национальной культуры корейского народа, были организованы школы для корейцев оставшихся на Сахалине, выходила газета на корейском языке, работал корейский театр и библиотеки. Несмотря на создание оптимальных условий для сохранения корейской культуры, эти меры на практике привели к обособлению корейской общности, ее замкнутости и медленной интеграции в советское общество. Тем самым был существенно снижен темп освоения русского языка и культуры, что привело к неблагоприятным последствиям для корейского населения. Во-первых, это заключалось в отсутствии возможности получения высшего образования, так как без знания русского языка в высшие учебные заведения не принимали. Во-вторых, корейцы не могли устроиться на престижную и высокооплачиваемую работу, вследствие отсутствия высшего образования и гражданства. Таким образом, корейская диаспора, понимая важность и необходимость этнокультурного взаимодействия с русским населением, начала процесс активной интеграции в советское общество. Были реорганизованы корейские школы, ликвидированы многие учреждения корейской культуры (театр, корейский концертно-эстрадный ансамбль и др.) с целью освоения русской культуры и языка. И только корейская газета, выпущенная в 1949 г., пережив несколько переименований, дошла до наших дней. Сегодня «Новая корейская газета» является практически главным средством не только передачи информации, но и сохранения культурной идентичности корейского народа на Сахалине. На страницах печатного издания освещаются вопросы общественно-политической, социальной и культурной жизни Сахалинской области, помимо этого читатель знакомится с культурой, обычаями и историей Кореи. Большое внимание редакторы газеты уделяют вопросам возрождения, сохранения и развития национального корейского языка и культуры.

Следующим важным шагом на пути к интеграции в российское общество стало высшее образование, с 1960-х гг. корейская молодежь получила возможность обучаться в ВУЗах Союза, а тем самым открыла для себя возможности карьерного и профессионального роста.

В настоящее время можно с уверенностью сказать, что сахалинские корейцы почти полностью обрусели. Прежде всего это выражается в потере языковой связи, т. е. современное поколение корейцев либо совсем не владеет корейским языком, либо имеет очень скудные знания о разговорной и письменной речи своего народа. Об этом свидетельствуют результаты переписи 2010 года, где из 24865 владеющих языками корейцев, русским языком владеют 24752 человека, корейским – 6169 человек⁴.

Сегодня очевиден тот факт, что сахалинские корейцы отлично владеют как устной, так и письменной русской речью, хорошо знакомы с традициями и обычаями нашей страны, принимают активное участие в культурной жизни островного региона. Тем не менее, у них остались элементы своей национальной культуры, которые необходимо сохранить. При этом важно чтобы сахалинские корейцы, сохраняя и развивая свою национальную культуру, а вместе с ней и этническую идентичность, оставались россиянами. Это не означает, что они должны стать русскими, важно понимать, что даже ассимилировавшись в русское общество корейский этнос обладает сформировавшимся веками менталитетом, который не поддается трансформации.

Не только корейцы обрусели, но и русские переняли черты корейской культуры. Следует отметить глубокое проникновение в быт русского населения элементов корейской жизни. Сахалинцы с большим интересом принимают участие в корейских культурных мероприятиях (праздник Мира и Дружбы, фестиваль корейской культуры и искусства). Особенно это касается сферы искусства: большой популярностью у русского населения пользуются выставки изобразительного искусства, где демонстрируются работы корейских художников. Такие выставки практически всегда сопровождаются мастер-классами по различным видам национального корейского искусства. И это очень важный аспект взаимодействия культур. «Роль искусства трудно переоценить и в конструировании органической целостности культуры, особенно если речь идет об этико-эстетических составляющих»⁵. Выставки изобразительного искусства, где демонстрируются работы корейских художников пользуются большой популярностью среди островного населения в целом. Такие выставки практически всегда сопровождаются мастер-классами по различным видам национального корейского ис-

кусства. Сахалинцы с большим интересом знакомятся с техникой каллиграфии, участвуют в корейских чайных церемониях, посещают занятия по корейскому языку.

Несмотря на то, что современные сахалинские корейцы полностью оторваны от национальной культуры, от языка, от традиций своих предков, большинство из них никогда и не были в Корее, сегодня набирает обороты тенденция возрождения интереса к их национальной культуре. Доказательством тому служит «Центр просвещения и культуры Республики Корея» на Сахалине, открытый в 1993 г. Главной целью функционирования данного центра стало приобщение сахалинских корейцев к национальной культуре, через организацию и проведение занятий по корейскому языку, мастер-классов по блюдам национальной кухни, культурно-просветительских вечеров, экспозиций национального изобразительного и декоративно-прикладного искусства.

Исходя из всего выше сказанного можно сделать несколько выводов. Во-первых, сахалинские корейцы гораздо больше чем другие народы утратили свою национальную идентичность. Русское население прибыло на остров когда там уже проживали коренные народности (нивхи, ороки и др.), а корейское население, в своем большинстве, попало на Сахалин когда там уже жили русские. Поэтому русские смогли повлиять на быструю адаптацию корейского общества.

Во-вторых, корейцы прожив на Сахалине более ста лет, смогли не только гармонично влиться в русскую культуру, но и не потерять при этом национальную культуру и традиции; наиболее ярко это выражается в проведении национальных праздников и в национальной кухне. В таком неоднозначном положении и кроется загадка этнокультурных связей русских и корейцев на Сахалине: несмотря на то, что сахалинские корейцы там сравнительно недавно, они смогли полностью интегрироваться в русскоязычное сахалинское общество, стать его частью, а другие народности не смогли, хотя они там давно.

Сегодня набирает обороты тенденция возрождения корейской культуры, Правительство Сахалинской области с целью поддержания корейской национальной культуры наладило тесные культурные связи с Республикой Корея, поскольку понимает важность сохранения мультикультурного пространства этого острова.

¹ Чехов А. П. Из Сибири. Остров Сахалин. – Москва : Правда, 1985. – 453 с.

² Дин Ю. И. Корейская диаспора Сахалина : проблема репатриации и интеграции в советское и российское общество. – Южно-Сахалинск : Сахалинская обл. типография, 2015. – 332 с.

³ Кузин А. Т. Исторические судьбы сахалинских корейцев. – Южно-Сахалинск : Сахалинское книжное изд-во, 2010. – Кн. 2 : Интеграция и ассимиляция (1945–1990 гг.). – 336 с.

⁴ Бок Зи Коу. Корейцы на Сахалине. – Южно-Сахалинск : Южно-Сахалинский гос. пед. ин-т : Сахалинский центр документации новейшей истории, 1993. – 222 с.

⁵ Симонова С. А. Эстетический ригоризм или социальное алиби искусства // Вестник Томского университета. Серия Гуманитарные науки. – 2008. – № 310. – С. 56.

С. А. Симонова, А. Ю. Белоусов
К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ СОВРЕМЕННОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ КИНОИНДУСТРИИ*

Кино считается одним из самых молодых видов искусства. Однако, за сто с небольшим лет своего существования кинематограф успел пройти несколько этапов развития: от линейного киноповествования 90-х годов XIX в. к ассоциативному кино 20-х годов XX в. (так называемому, «золотому веку немого кино»), затем до полифонического кинотворчества всего прошлого столетия, породившего большое количество кинематографических жанров и режиссерских стилей. Современное кино еще более многопланово и неоднозначно, и изучение этого феномена предполагает серьезные междисциплинарные исследования в гуманитарной сфере.

Кино сегодня снимается «для всех»: на любой вкус, кошелек и уровень образования. Но, говоря о кино как о жанре искусства, необходимо подчеркнуть, что современное искусство по своей сути часто провокационно, коммерциализировано, порой политизировано-

* © Симонова С. А., Белоусов А. Ю., 2018.

но, и кинематограф не является исключением. Очевидно, что вне сколько-нибудь серьезного понимания кинематографической специфики, без элементарного знания языка кино (шире – языка экранных искусств) духовный потенциал киноискусства не может быть раскрыт и востребован. Массовая аудитория часто не способна к критическому восприятию экранной культуры, ей трудно ориентироваться и в гигантском потоке современной медиаинформации.

Современный фильм является продуктом киноиндустрии, от ее развития во многом зависит его создание и успех. Отечественной же киноиндустрии сегодня явно не хватает профессионалов. Существующая система подготовки кадров не справляется с вызовами времени. Ассоциация кинопродюсеров бьет тревогу и предлагает многочисленные проекты альтернативных образовательных площадок. На них сценарному, режиссерскому и продюсерскому делу планируется обучать по различным передовым методикам. Кинопродюсерам так нужны кадры – не просто талантливые, а профессиональные, эффективные¹. В противном случае, коммерческое или популярное кино, порой агрессивное и деструктивное, в какой-то момент грозит просто «похоронить» подлинное киноискусство.

Конечно, необходима модернизация образования в сфере творческих индустрий. Как следствие – инвестиции в образование, прежде всего – в модернизацию образовательного процесса. Наиболее существенным видится развитие образования в сфере менеджмента творческих предприятий, экономики культуры, а также специализированного образования в области дизайна, рекламы, моды, кино и т. д., позволяющее решить проблемы дефицита не только управленческих, но и технических кадров в этих отраслях. Основными принципами модернизации могли бы стать современные стандарты обучения, высокий уровень преподавания, связь образования с практикой творческих индустрий.

К сожалению, наша киноиндустрия сейчас находится в достаточно сложном положении, потому что практически приостановлено большинство проектов из-за нехватки финансирования со стороны государства. Количество зрителей уменьшается, и только сборы отдельных картин позволяют отечественной киноиндустрии удерживаться на плаву. Ведь на самом деле кинопроизводство име-

ет достаточно простые способы измерения успеха – количество зрителей и сумму сборов.

Впрочем, достаточно серьезную роль в продвижении фильма играют фестивали – и российские, и международные, но проблема заключается в том, что многие отечественные фильмы категорически по-разному оцениваются в разных странах: например, картины Андрея Звягинцева во Франции и в Германии получают больше наград, собирают больше зрителей и, соответственно, денежных сборов, чем в России². В России фестивальные призы не играют никакой роли и никак не влияют на зрительский интерес. Если люди увидят на афише «призер «Кинотавра»» или «призер фестиваля «Окно в Европу», это ни в коей мере не увеличит количество зрителей.

В качестве одной из основных проблем признается тот факт, что за последние двадцать лет россияне стали гораздо меньше ходить в кинотеатр, несмотря на улучшение технологий и качества аппаратуры. И это во многом финансовый вопрос: при нынешнем соотношении средних заработков и средних цен на билеты, поход в кино – событие (хотя бы для семейного бюджета). Того зрителя, для которого это не является затратным, «массовым» никак не назовешь. А раз поход в кино – событие, то и фильм должен быть праздником: ярким, цветистым, изобилующим трюками и нехитрым по содержанию. Прагматик по необходимости, зритель идет смотреть на большом экране то (и только то), что нет смысла смотреть на малом – спецэффекты или тысячные батальные массовки. Такой особый вид фильма: для кинотеатров.

Важнейшая проблема – финансирование фильма. У нас в стране Министерство культуры выделяет около 60–70 млн. долларов и примерно такую же сумму дает Фонд Кино, но там большую часть составляют так называемые, «возвратные» деньги. При этом один значительный американский блокбастер может достигать бюджета в 300 млн. Вот с кем наша киноиндустрия меряется силами³. И здесь, несомненно, необходима государственная поддержка отечественного кинематографа, важно также развивать систему фандрайзинга и меценатства в сфере российской киноиндустрии.

На сегодняшний день существуют четыре составляющих успеха фильма – четыре измерения, четыре лика.

Первое измерение – художественно-эстетическая ценность фильма, т. е. его профессиональный уровень, его место в пространстве искусства кино. Второе – фильм как идеологическая ценность, что проявляется в том вкладе, который делает картина в развитие массового сознания. Третье измерение – фильм как социальная ценность, т. е. способность кинопроизведения выполнять по отношению к зрителю одну или несколько социальных функций. Наконец, четвертое – это коммерческая ценность фильма, которая напрямую зависит от его «смотрибельности». Это измерение уместно было бы назвать коммуникативностью фильма.

Все четыре вышеупомянутых составляющих взаимодействуют друг с другом, потому что киноиндустрия является сплавом искусства, пропаганды, духовной жизни масс, массовой коммуникации и экономики. На протяжении нескольких десятилетий работа авторов фильмов оценивалась в нашей стране по двум критериям – художественно-эстетическому и идеологическому. Два других компонента – социальный и коммуникативный во внимание практически не принимались, потому что зритель и без того постоянно ходил в кинотеатры и был счастлив любой встрече с кинематографом⁴. Но пришло время, когда публика утратила прежний интерес к кино. В результате, ранее не обращавшие на себя внимание составляющие успеха – социальный и коммуникативный – как бы ожили.

Возможно, пора, наконец, выработать общественные механизмы, стимулирующие производство достаточно большого числа фильмов, значимых одновременно в художественно-эстетическом, идеологическом, социальном и коммуникативном плане.

Перед государством, в свою очередь, стоит сложнейшая задача по финансированию таких проектов, которые могли бы сочетать высокое идейно-художественное содержание и высокие потребительские характеристики – быть динамичными, интересными, зрелищными, захватывать зрителя так, чтобы он воспринимал транслируемые ценности не как нечто, навязываемое сверху, а как естественное наполнение и мотивацию происходящих на экране событий.

Таким образом, обзор современного состояния отечественной киноиндустрии позволяет выделить ряд проблем, которые требуют стратегического решения: необходим протекционизм в про-

кате со стороны государства (в том числе, финансовая поддержка); требуется модернизация образования в сфере творческих индустрий; следует повысить художественное качество снимаемых картин; свести к минимуму уровень пиратства (в результате будут снижены и потери продюсеров).

Далее, содержание фильмов должно определяться относительно целям образования молодого поколения, а также социализации, стимулирования развития личности; возможно, следует создать Федеральную социологическую службу по изучению существующих социальных проблем кино в России; увеличить количество кинотеатров на территории России; необходимо ввести также финансовую отчетность (в противном случае, формируется недобросовестный инструментарий). Наконец, постараться переломить существующую тенденцию вестернизации отечественной киноиндустрии, создавая собственное киноискусство нового поколения.

Все эти вопросы не только сложны сами по себе, но и глубоко связаны с общим состоянием отечественной культуры, и решить их силами только представителей киноиндустрии очень сложно. Будет ли кино признано настолько стратегической отраслью, что в решении его творческих, кадровых и финансовых проблем примут решение не только министерства культуры и образования, но и государство в целом, покажет будущее.

¹ Нечай О. Ф., Ратников Г. В. Основы киноискусства. – Москва : Прогресс, 1985. – С. 282.

² Артюх А. Голливуд : новое начало. Поколения, режиссеры, фильмы – смена ценностей и приоритетов // Искусство кино. – 2009. – № 8. – С. 270.

³ Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. – Москва : Прогресс, 1974. – 387 с.

⁴ Зоркая Н. М. Искусство и массовый зритель // Зоркая Н. М. Уникальное и тиражированное. – Москва : Искусство, 1981. – С. 146.

С. И. Сулимов
АНТИСИСТЕМЫ НОВОГО СВЕТА*

В современном глобальном мире играют немалую роль контакты между различными народами и культурами. Ведь, во-первых, глобальное мироустройство не позволяет никому из своих участников оставаться в изоляции, а, во-вторых, культурные особенности, в отличие от экономических моделей и политических режимов, изменить и унифицировать совсем не просто. И такие контакты далеко не всегда бывают благотворными для всех своих участников, тем более что в глобальном мире уклониться от них или прервать их невозможно. В данной работе мы рассмотрим один из побочных продуктов таких хаотичных и недобровольных межкультурных контактов как антисистема.

Данное явление глубоко исследовалось такими отечественными философами и историками как Л. Н. Гумилев, В. Л. Махнач, П. М. Корявцев, Д. М. Володихин и И. В. Черниговских. В западной науке исследованию антисистем уделил внимание американский философ и социолог Э. Валлерстайн. В общем виде под антисистемой понимают социально-духовную общность, членов которой объединяет негативное мировоззрение синкретического характера. Под мировоззренческим негативизмом мы понимаем готовность отрицать какие-либо фрагменты реальности при неготовности заменить их чем-либо. Проще говоря, субъект или носитель негативного мировоззрения точно знает, против чего он выступает, но далеко не всегда может внятно сформулировать «за что» он выступает. Такая особенность антисистемного мировоззрения коренится в его синкретическом характере: идеалы адептов таких общностей заимствованы из различных культур, не всегда совместимых друг с другом, и поэтому положительная программа оказывается противоречивой, иногда даже фантастической. Возникают антисистемы обычно в зонах контакта нескольких развитых культур, особенно, когда хотя бы одна из них находится в кризисном состоянии. Как показывает историческая практика, создателями антисистем всегда являются интеллектуалы, имеющие космополитическое образование, но основная масса адептов может вообще ни-

* © Сулимов С. И., 2018.

какой теоретической подготовки не иметь. Первооткрыватель антисистем Л. Н. Гумилев приводил в качестве примера манихейство, возникшее на стыке восточной, христианской и эллинистической культур в момент разложения первой и последней из них. Но манихейство и его средневековая редакция (богомилство) – только частные случаи антисистемных общностей, которые хоть и дают нашим современникам немало уроков, но не исчерпывают всей сложности феномена антисистемы. Мы же в данной работе обратимся к антисистемам, возникшим в Новом Свете относительно недавно (XVIII–XX вв.) и действующим в наши дни. Проблема даже не в том, что они представляют опасность для обществ, на лоне которых зародились. В глобальном мире синкретизм представляет собой повсеместное явление, и причины, приведшие к возникновению антисистем в Америке в Новое время, могут привести к их возникновению в наши дни в любой точке мира.

Говоря об антисистемах Нового Света, мы имеем в виду организации религиозной и политической направленности, представленные афро-бразильским и афро-карибским культурами умбанда и вуду и североамериканским общественным движением «Нация ислама» (в просторечье – «черный ислам»). Все они зародились в сходных условиях, но их исторические судьбы оказались различны. Умбанда и вуду были производны от трансатлантической работорговли, насильственно вырвавшей западных африканцев (ангольцев, дагомейцев и нигерийцев) с родных земель и забросившей их на плантации Антильских островов и Бразилии в качестве невольников. Поскольку рабы оказались отделены от привычных политических и социальных форм, то в основу их новой идентификации могла быть положена только религия¹. Однако португальская (Бразилия) и французская (Антильские острова) рабовладельческие системы существенно различались, что придало возникшим на стыке европейской и западноафриканской культур антисистемам различный колорит.

Родиной умбанды является Бразилия, а если точнее, современные бразильские штаты Пернамбуку и Алагоас. Тысячи невольников из Анголы и южной Нигерии оказались насильно вовлечены в труд на плантациях сахарного тростника и принудительно крещены в католичество. Но в последнем обстоятельстве содержался и колоссальный положительный потенциал: Португалия бы-

ла христианским королевством, и по отношению к христианам любого цвета кожи расизм не допускался. Крещеный раб, хоть и не обладал личной свободой, все-таки имел некоторые неотчуждаемые права. Например, жизнь невольника охранялась законом также ревностно, как и жизнь свободного колониста. Раб имел право на собственное имущество и доход от ремесла, осуществляемого на досуге от основной работы. Черный раб мог подать на жестокого владельца в суд, мог и выкупить себя, если платил хозяину сумму выше собственной цены на невольничьем рынке. Свободный негр или мулат считался полноправным колонистом, а католическая Церковь охотно принимала бывших невольников и их детей в свои ряды. Образованные выходцы из Африки не всегда становились священниками, но нередко занимали в церковных и светских учреждениях должности писарей и счетоводов. То есть социально-правовая система колониальной Бразилии позволяла недовольному рабством черному невольнику стать полноправным членом общества, но требовала от него трудовых усилий и частичной культурной ассимиляции (христианизации). Большинство жертв работорговли воспользовались этой возможностью, хотя, конечно, у них ушли годы на то, чтобы привыкнуть к новой родине и усвоить основные догматы христианства, которое в их редакции фактически превратилось в двоеверие. Однако в середине XVII в., во время вторжения в Бразилию голландцев, черные и белые бразильцы встретили врага плечом к плечу. Лишь небольшое число невольников не пожелало родниться с колониальным обществом и использовало как средство духовного сопротивления и консолидации западноафриканские религиозные культы и, особенно, их несовместимые с христианством фрагменты.

В основу подпольной рабской религии легли черная магия и поклонение темным божествам западноафриканского пантеона, которых нередко изображали в виде католических святых (традиционные религии Западной Африки не знают антропоморфных изображений). Африканские религии в большинстве своем очень прагматичны, что делало их привлекательными не только в глазах рабов, но и свободных «цветных». Христианство казалось им духовными оковами, которые мешают человеку наслаждаться жизнью. В XVII в. беглые рабы основали в лесах Пернамбуку протогосударственное образование, вошедшее в историю как «республика»

Палмарис, духовным стержнем которой стала синкретическая смесь западноафриканских культов, по нравственным причинам несовместимых с христианством. Божества, которых даже в Анголе и Нигерии скорее боятся, чем почитают, стали покровителями общины беглых рабов. Но эта община оказалась антисистемной: отвергая рабство и труд, беглецы не придумали ничего оригинального и предпочли жить за счет набегов на плантации, грабежа и даже рабовладения, обращая в неволю тех своих собратьев по несчастью, которые трудились на португальских фазендах и не хотели убегать в лес². Возглавил Палмарис свободнорожденный африканец Франциск Зумби, получивший образование в церковной школе и имевший все шансы стать достойным членом колониального общества. Однако для него, как и для других обитателей Палмарис, поклонение темным богам африканского пантеона и жизнь лесных налетчиков были привлекательнее христианства и созидającego труда. Колониальные власти несколько раз пытались заключить с Палмарис мирное соглашение, по которому за невольничьим государством признавалось право самоуправления взамен за вассалитет. То есть беглецам предложили свободу и автономию при условии отказа от грабежей. Но Зумби отверг соглашение и продолжил набеги на плантации. В результате в 1694 г. Палмарис была опустошена колониальными войсками, в которых служили солдаты всех цветов кожи. Зумби был найден и убит, бывшие рабы переловлены и возвращены на плантации, но умбанда как культ уцелела. В наши дни это сектантская религия криминальных окраин бразильских мегаполисов, для непосвященных замаскированная под одну из христианских номинаций («Спиритический покров Богоматери Благочестия»). По факту же это межрасовые общины поклонников злых божеств западноафриканского пантеона, которых привлекает в данном культе именно освященный религией прагматизм.

Похоже, но более трагично сложилась судьба гаитянского вуду. Условия зарождения этого культа почти идентичны тем, в которых возникла умбанда. Но французские колонисты практиковали расизм, а навязываемое невольникам христианство не играло в жизни колоний никакой роли. По «черным кодексам» XVIII в. раб считался вещью, а свободный африканец или мулат был лишен многих гражданских прав. Так, даже преуспевающий торговец-

мулат был обязан разговаривать с европейцами исключительно стоя, даже если его собеседниками были пьяные матросы или лакеи. В результате каждый «цветной» во французских колониях осознавал безнадежность своего положения: невольник мог получить свободу, но не изменить цвет своей кожи. Поэтому христианство стало восприниматься как утонченное лицемерие, а труд – как участь трусов, боящихся отстаивать свои права силой. На острове Гаити (колония Сан-Доминго) возник антихристианский культ вуду, проникнутый расизмом, направленным против европейцев. Его основателем считается беглый раб Франсуа Макандаль, в середине XVIII в. синтезировавший несовместимые с христианством фрагменты западноафриканских религий и христианской же демонологии. Так, главными божествами вуду являются Эшу (Сатана), Ошумаре (Змей-Искуситель) и Омуду (покровитель заразных болезней). Во время войны за независимость Гаити (1791–1804 гг.) адепты вуду, возглавляемые колдуном Александром (Дутти) Букманом и черным плантатором Туссеном Лувертюром, смогли сплотить многотысячные массы невольников и мулатов и добиться ухода французов с острова. В единстве «цветных» гаитян нет ничего антисистемного. Как пишет отечественный историк Н. И. Кареев, «чем больший круг лиц тяготится существующим и от него страдает, тем, понятное дело, напряженнее стремление, тем энергичнее происходит движение»³. Но, будучи синкретическим и скорее отрицающим реальность, нежели стремящимся преобразовать ее, культ вуду оказался для молодого государство совершенно бесплоден. Под управлением адептов вуду республика Гаити на протяжении двух веков своего существования остается самой бедной страной Западного полушария, постоянно сотрясаемой гражданскими столкновениями, разъедаемой коррупцией и буквально запуганной сменяющимися друг друга диктаторами (колоритным представителем которых является легендарный Франсуа Дювалье).

Несколько иное явление представляет собой «черный ислам», возникший в США в начале XX в. Культурная обстановка здесь отличалась от французских и португальских колоний XVIII и XVII вв. Рабства уже не существовало, права чернокожих граждан США гарантировала Конституция, но расизм, существовавший как на бытовом, так и на правовом уровнях, ставил афро-американцев в положение заведомо второсортных людей. В частности, для них были за-

претны высшие учебные заведения, а расовая сегрегация не позволяла даже посещать одни с белыми американцами церкви. Поэтому была предпринята попытка найти для «цветного» населения США иную религиозную основу, нежели исповедуемое белыми христианство. В 1913 г. бывший протестантский проповедник Тимоти Дрю создал организацию «Храм мавританской науки», в которую пригласил всех афро-американцев мусульманского вероисповедания. Только вот Коран для своей паствы Дрю сочинил сам, и его творение имеет мало общего с ортодоксальным исламом. Суть учения «Храма мавританской науки» была проста: черные африканцы – это потомки мавров, некогда завоевавших Испанию; если предки смогли победить европейцев, то смогут это сделать и потомки. В 1930-е гг. Элай Пул, один из руководителей организации, переименовал ее в «Нацию ислама», а себя – в Элайджу Мухаммеда и активно включился в борьбу афро-американцев за гражданские права. Но, в отличие от Мартина Лютера Кинга, «черные мусульмане» выступали не за интеграцию с евро-американцами, а за обратную сегрегацию, то есть за черный расизм. В результате «Нация ислама» стала основой для таких экстремистских организаций как «Черные пантеры» и др. В наши дни из-за антиисламской риторики американского правительства «Нация ислама» переименована в «Интеграционную организацию афроамериканского единства», но она остается вдохновителем борников расовой сегрегации, черного расизма и криминалитета негритянских районов американских мегаполисов.

Поверхностно проанализировав антисистемы Нового света, мы не утверждаем, что они могут распространиться во всем мире. Но социально-культурные условия, вызвавшие к жизни умбанду, вуду и «черный ислам», не изжиты окончательно и могут преподнести миру еще не один антисистемный сюрприз.

¹ Морозова И. Н. Религия и культура: когниции принятия и взаимности. – Челябинск : ЧГАКИ, 2015. – С. 8.

² Хазанов А. М. К вопросу о негритянском государстве Палмарис в Бразилии // Новая и новейшая история. – 1958. – № 2. – С. 15.

³ Кареев Н. И. Историология. Теория исторического процесса. – 2-е изд. – Москва : Либроком, 2011. – С. 230.

И. Ю. Тихонова
КОНЦЕПЦИЯ «НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ТРУДА»
В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ*

Идея «нематериального труда» достаточно активно начала развиваться в постиндустриальном обществе в связи с главной его особенностью – ориентацией на знания как главный ресурс экономики. Теоретики данной концепции М. Лаццарато, П. Вирно, Ш. Сэйерс обращали внимание на то, что стоимость товара в постсовременной экономике в большей степени зависит не от материальных ресурсов и не от особенностей производственного процесса, а от идей, которые реализованы в товаре. Поэтому, когда сегодня говорят о нематериальном характере труда, то имеют ввиду, прежде всего, нематериальность конечного продукта, идею, которую выражает тот или иной товар. «Нематериальный труд» в большей степени ориентирован на производство идей, влияющих на отношение человека к самому себе и к миру, изменяющих эмоциональный опыт людей.

Наряду с указанным, можно встретить также понятие аффективного труда. Связано это с тем, что перспективные отрасли экономики на сегодняшний день больше не ориентированы на оказание услуг, о чем первоначально писали теоретики постиндустриального общества, теперь на первый план выходит производство впечатлений. Кофейня может предлагать кофе, пекарня – выпечку, все, как и полвека назад, но меняется идеология производства, оно становится концептуальным. Производители создают нечто не для того, чтобы удовлетворить прямые потребности покупателя, а для того, чтобы вызвать определенные эмоции, – те, на которые направлено предложение. А потому, оригинальность идеи, напрямую связана со стоимостью товара.

Один из родоначальников концепции «нематериального труда» Маурицио Лаццарато считал, что главной задачей является производство человека и его потребностей. Автор статьи «Нематериальный труд»¹ честно заявляет о том, что новый вид труда ори-

* © Тихонова И. Ю., 2018.

ентирован на выработку потребностей, а не на их удовлетворение, он формирует «культурное содержание» товара, тем самым порождая аффекты у потребителей.

Именно поэтому любой перспективный работник должен, прежде всего, быть творческой личностью, способной на самостоятельные, нестандартные решения, ориентированной на развитие мастерства и таланта. Это позволяет М. Лаццарато говорить о снятии противоречия между физическим и умственным трудом, так как любой вид труда теперь должен быть интеллектуализирован. На сегодняшний день товаром является все, что может быть предложено на рынке, все, что отвечает потребностям покупателя. Поэтому производитель должен не просто создавать товар, он должен понимать мир покупателя, а точнее, создавать этот мир, постепенно, как в мозаику, встраивая в него недостающие элементы – те или иные продукты, «формирующие» покупателя, его потребности, желания и, в конечном счете, систему мировоззрения. А заодно воздействовать на вкус, который позволит человеку в дальнейшем пользоваться именно той продукцией или услугами, которые создает продавец. «Роль покупателей "обеспечивать" продуктам место в жизни», – очень метко замечает М. Лаццарато².

Современный маркетинг в первую очередь рассматривает любой товар с точки зрения его способности удовлетворять определенную потребность, а уж потом как продукт труда. Так Ф. Котлер определяет товар как «все, что может удовлетворить потребности или нужду и предлагается рынку с целью привлечения внимания, приобретения, использования или потребления»³.

Именно поэтому товар оценивается по той выгоде, которую он предоставляет покупателю, и по тем эмоциям, которые сопровождают процесс потребления. В современных условиях важнейшим фактором, влияющим на стоимость, становится индивидуализация предложения. Товар не обобщает, а выделяет потребителя. Начиная с бургеров, начинку которых покупатель определяет сам, исходя из имеющихся ингредиентов, и заканчивая формами досуга, производитель позволяет потребителю получить товар в максимально индивидуальном и оригинальном виде. Человек одержим потребностью в личностной покупке, и продавец с удовольствием включает эту маленькую «вольность» в стоимость.

Интересно, что в новом виде труда многие исследователи акцент делают на его коммуникативную составляющую. Так Пауло Вирно считал моделью «нематериального труда» культуриндіустрию, основанную на коммуникации, которая подобна политической деятельности, «виртуозной» и «импровизированной»⁴, где достоинства политика «измеряются не добрыми делами, которые он совершает ради других, а той скоростью, с которой он оказывается на вершине, и временем, в течение которого он там остается»⁵.

Современные работники, по его мнению, «смазочный материал, в лучшем случае – чистый вазелин»⁶. И в такой роли, они обязаны быть оригинальными и уметь быстро адаптироваться к новым условиям, только эти качества позволяют профессионалу быстро приспосабливаться к общественным изменениям и к производству. Вирно особо обращает внимание на умение жить и работать в условиях перемен. Он в этой связи использует понятие нигилизма, который, по его мнению, постепенно переходит из сферы, не связанной с трудом, в производственную сферу и становится профессиональным качеством, которое исследователь называет опытом «растерянности». То есть то, что прежде являлось абсолютно невыносимым в работе, которая требовала постепенности, привычки, постоянного наращивания знаний в определенной сфере, долгой практики и оттачивания мастерства, теперь не есть нечто необходимое и обязательно присущее профессиональной деятельности. Наоборот, ценность приобрели краткосрочность, умение включаться в определенный процесс и так же быстро из него выходить по завершению. «Тот, кто может принять вызов рискованной переменчивости форм городской жизни, знает, как вести себя на фабрике just in time, в нужный момент»⁷.

Таким образом, коммуникация становится процессом создания уникального товара, а не просто процессом обмена информацией. Много производится именно в процессе коммуникации. Взять, к примеру, фотосессию – как единый процесс создания образа человека, его самоощущения, в котором принимают участие и фотограф, и визажист, и декоратор. Это действие важно не только конечным продуктом – серией фотографий, но именно процессом воссоздания человека и поиском его сущности. Понимаемая таким образом коммуникация только обозначает границы, в рамках кото-

рых продавец/производитель и покупатель могут находить различные варианты предоставления услуг, возможные сочетания тех или иных товаров для получения уникальных впечатлений от процесса.

М. Хардт и А. Негри в своем труде «Империя» обращаются к новому виду труда, называя его «аматериальным», то есть производящим аматериальные блага (знания, услуги и т. п.)⁸. Говоря о привычном понимании стоимости труда, как объективного экономического параметра, определяемого ценой рабочей силы, авторы подчеркивают возрастание социальных факторов в формировании этой стоимости, информатизацию экономической деятельности, как увеличение обмена информацией между производством и рынком. Хардт и Негри сравнивают две производственные модели – фордизм и тойотизм. Фордизм предполагал стандартизацию продукции, использование низкоквалифицированной рабочей силы при максимальном разделении труда на конвейерном производстве, а, следовательно, относительно «безмолвные» отношения между производителем и потребителем. Тойотизм же, напротив, является гибкоспециализированным производством, в котором приоритетны пластичность и оперативное реагирование на требования заказчика, а потому производство должно находиться во взаимодействии с рынком и покупателями. Именно поэтому современная экономическая система предполагает ориентацию на обмен информацией, для более чуткого реагирования на желания потребителей. Экономика сегодня не стремится к производству товаров длительного использования, ведь в ситуации, когда первичные потребности удовлетворены, появляется больше свободного времени, больше возможностей, люди стремятся украсить свой досуг, разнообразить свои впечатления, приобретая нечто на короткий срок, пока товар вызывает радость. А потому, необходимо ориентировать производство на создание новых, оригинальных, ярких товаров, которые индивидуализируют покупателей и вызывают ни с чем несравнимые эмоции.

По мнению М. Хардта и А. Негри, современное производство посредством компьютеров и средств коммуникации, во-первых, ориентировано на предоставление «символическо-аналитических услуг», которые включают выработку разнообразных вариантов принятия решений, определение целей и т. п., а, во-вторых, на аф-

фффективные услуги, стимулирующие создание социальных связей и различных сообществ, как реальных, так и виртуальных (на этом, например, базируется индустрия развлечений). Аффективные услуги позволяют людям взаимодействовать между собой и испытывать чувства облегчения, удовлетворения, страсти, волнения. Хардт и Негри отмечают, что данные услуги традиционно оказывались на безвозмездной основе родственниками или знакомыми, а теперь они включены в процесс производства и стоят больших денег, причем ценность тем выше, чем более интимны в духовном плане вызываемые покупкой переживания.

Ш. Сэйерс пытается спорить с вышеуказанными исследователями, говоря о том, что труд всегда материален, поскольку все экономические отношения носят материальный характер, то же относится и конечному продукту как результату трудовой деятельности, о нематериальности которого писали коллеги Ш. Сэйерса. Этим результатом является человек и вся система общественных отношений. Однако мыслитель подчеркивает творческий характер труда в постиндустриальном обществе, выделяя символический труд, который создает идеи и образы, и эмоциональный труд, направленный на формирование эмоций и манипуляцию ими.

Говоря о специфическом характере труда в постиндустриальном обществе, нельзя не упомянуть об изменениях, возникающих в образе работника, а также об основных требованиях к нему. Вслед за М. Лаццарато социологи стали активно использовать идею работника как «интерфейса», связывающего различные виды деятельности, сотрудников, компании, позволяющего взаимодействовать друг с другом различным функциональным системам. В такой ситуации человек должен быть, прежде всего, ориентирован на продуктивное сотрудничество с другими людьми, на развитие ответственности, самостоятельности и личной инициативы в принятии решений. Такая автономность и субъективность необходимы в силу того, что очень часто речь идет не о компании в целом, где есть определенная «круговая порука», взаимозаменяемость и прочее, а о роли конкретной личности в производственном процессе. Зачастую человека нанимают на определенный короткий срок для выполнения определенной работы, завершение которой не предполагает его дальнейшего присутствия в рамках компании. А потому

становятся возможными выбор индивидуального графика, способов повышения квалификации, переобучение, планирование алгоритма выполнения той или иной деятельности. То есть уже не компания и работодатель ставят задачи перед работником, а последний сам разрабатывает пути решения тех или иных задач и даже определяет эти задачи. Именно поэтому все чаще вместо привычного слова «работа» мы слышим «проект». Последний носит краткосрочный и стихийный характер, ассоциируясь с инновациями, рисками и возможностью создания чего-то нового. Гибкость, необратимость (невоспроизводимость, а, следовательно, оригинальность) и краткосрочность – вот основные ориентиры трудовой деятельности сегодня. И главное, что сам труд также становится товаром, который может быть продан, а значит, ему также требуется «красивое» представление. Сегодня карьера предполагает сменяющие друг друга проекты, часто не связанные между собой, но показывающие оригинальность и неугасаемую энергию работника.

Конечно, само понятие «нематериального труда» достаточно противоречиво, но оно отражает объективные тенденции развития социума, и требует осмысления, в первую очередь, в контексте образования и перспектив его применения.

¹ Лаццарато М. Нематериальный труд. – URL : <http://xz.gif.ru/numbers/69/nmtrln-trd/> (дата обращения 12.08.2017).

² Там же.

³ Котлер Ф. Основы маркетинга. – URL : <http://nashaucheba.ru/v61925/page=8> (дата обращения 12.08.2017).

⁴ Вирно П. Грамматика множества. К анализу форм современной жизни. – Москва : Ад Маргинем Пресс, 2013. – 176 с.

⁵ Там же. – С. 63.

⁶ Там же. – С. 62.

⁷ Там же. – С. 106.

⁸ Хардт М., Негри А. Империя. – Москва : Праксис, 2004. – С. 272.

К. Н. Филипцев
**СОВРЕМЕННЫЙ МАРКСИЗМ О ПРОБЛЕМЕ ДУХОВНОГО
И ПРАКТИЧЕСКОГО В СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ***

Марксизм, как одно из самых известных философских течений XX в., связан с огромным количеством культурно-исторических коннотаций, препятствующих объективной оценке данного учения. Марксизм претендует на фундаментальное объяснение практически всех сторон жизни общества и человека, исходя из одного основания – способа производства материальных благ. В подобной всеохватности марксистская теория сравнима с фрейдизмом, считающим основой всего либидо. Можно быть или не быть сторонником марксизма, однако невозможно не согласиться с утверждением, что незнание основ данного учения является серьезным пробелом в общем, и тем более специально-философском, образовании.

Согласно историческому материализму, общественное бытие существует объективно, оно первично по отношению к общественному сознанию, порождает его и обуславливает его развитие. Общественное сознание отражает общественное бытие. Познание общественного бытия реализуется на основе материального, объективного взаимодействия между общественным бытием и общественным сознанием. Социальное познание, с одной стороны, противоположно общественному бытию, потому что идеально и не содержит ни одного грана материи; с другой стороны, оно совпадает с общественным бытием, так как полностью или частично воспроизводит общественное бытие через теории, законы, принципы, моральные нормы и художественные образы. Общественное сознание воплощается в действительность через предметно-практическую деятельность субъекта (человека или общества). Вопрос о соотношении духовного и практического в социальной философии в дальнейшем получил разработку в исследованиях современных марксистов.

Совокупность обновленческих социально-философских и экономических концепций в русле идейной традиции, восходящей к К. Марксу, противопоставившей себя марксизму в версии

* © Филипцев К. Н., 2018.

Ф. Энгельса – К. Каутского – Г. В. Плеханова и в версии Ленина–Сталина (марксизму-ленинизму), получила название неомарксизм. Его представителями являются Д. Лукач, А. Грамши, В. Беньямин, Ю. Хабермас, В. Райх, Г. Маркузе, Э. Фромм, М. Мерло-Понти, Л. Гольдман, С. Стоянович, Э. Блох, Л. Альтюссер, Р. Коэн, Ч. Миллс, М. Хоркхаймер, Т. Адорно и др. Они отвергали позитивистскую критику классического марксизма, но при этом считали необходимым дополнить его рядом перспективных подходов неогегельянства, фрейдизма, «философии жизни», экзистенциализма и структурализма¹.

Основатель Франкфуртской школы Макс Хоркхаймер (1895–1973) поставил задачу разработать теорию общественного процесса современной эпохи, чтобы определить возможности «праведной жизни» на основе анализа экономических структур и культурных феноменов. Отсюда роль философии заключается в новом прочтении традиционной теории, результатом которого и стало создание «критической теории» М. Хоркхаймера. Требования «критической теории»: во-первых, осознавать ограниченность любой деятельности, и особенно познавательной, так как деятельность является частью целого исторического «праксиса», она возникает внутри него и «снимается» в нем; во-вторых, брать в качестве предмета социальных наук всю систему взаимоотношений природы и общества, которая охватывается в сущности понятием «праксис»; в-третьих, предполагать в качестве познающего субъекта не обособленного индивида, а общественного человека, представляющего собой «тотальность» всех социальных определений, входящих в общество индивидов; в-четвертых, исходить из того, что для «тотального» субъекта предмет не представляет собой нечто «внешнее», «объективное» (не им положенное); наоборот, предмет предстает как продукт его собственной деятельности, выступающий как чуждый только в рамках «превращенной формы» сознания (неисторической, овеществленной, идеологической), которая раздваивает «тотальность праксиса» на обособленные друг от друга «субъект» и «объект»².

По Хоркхаймеру, противоположность субъекта и объекта отражает реальное состояние социального мира, который, несмотря на свое внутреннее единство («тотальное» единство «праксиса»), предстает на поверхности общественной жизни в виде антагани-

стического противоречия единичного (на полюсе субъекта) и всеобщего (на полюсе объекта). В данном антагонизме выражается противоречивость человеческой активности, которая на уровне общества выступает как конкретная, но слепая; на уровне каждого действующего индивида – как осознанная, но абстрактная. Иначе говоря, сознательно действующий индивид, являющийся носителем «частичной деятельности», не знает, в какую конкретную совокупность выльется его деятельность, соединившись с деятельностью других индивидов.

Хоркхаймер резюмирует, что сознательная человеческая практика бессознательно (в качестве элемента совокупной деятельности) определяет и субъективную сторону восприятия, и воспринимаемый предмет – ту форму, которую он принял в лоне исторически-конкретного праксиса. Деятельность человека как целого одновременно и сознательна в каждом отдельном звене, и бессознательна в целом, ибо это целое подчинено стихийно складывающимся закономерностям капиталистического общества. Сообразно этому и результаты такой деятельности одновременно хаотичны («хаос» чувственности) и вполне поддаются разумному упорядочиванию в рамках специализированных форм деятельности. Корень противоречивого единства человечества (индивида и общества), осуществляемого в процессе производства, является иррациональным, несмотря на рациональность происхождения. Социальное развитие, достаточно хорошо «рационализированное» в каждом фрагменте (на каждом предприятии), в целом не подчинено никакому плану.

Герберт Маркузе (1898–1979), один из представителей Франкфуртской школы первого поколения, оригинально толковал проблему духовного и практического. Он полагал, что кризисные явления позднекапиталистического общества имеют не экономико-технологические, а культурно-антропологические причины. Тоталитаризм XX в. представляет собой не только и не в первую очередь политическое явление, сколько подтверждение «катастрофы человеческой сущности». Из этого следует необходимость «тотальной революции» – радикального пересмотра отношения человека к самому себе и внешнему миру³. Он усматривает глубокую взаимосвязь между контемпоральными отношениями господства и культурой. Этот тип культуры, в свою очередь, тесно связан с со-

циальной практикой подавления присущих человеку чувственных влечений. Существующие отношения в обществе имеют корни, в конечном счете, в исторически и социально обусловленном способе восприятия и переживания мира. Поэтому изменение этих отношений требует прежде всего трансформации способа человеческого миропереживания. Истинная революция должна быть нацелена не столько на изменение внешних (политических и экономических) отношений господства, сколько на коренное изменение сознания, в структурах которого данные отношения закрепились. Революция начинается с «Великого Отказа» – противостояния современной репрессивной культуре; разрывая цепи этой культуры, революция взрывает основы наличного социального порядка.

Родство марксизма и фрейдизма уже отмечалось нами выше, и во взглядах Г. Маркузе четко прослеживается влияние З. Фрейда, но основоположником фрейдо-марксизма является не он, а Вильгельм Райх (1897–1957), австрийский психолог и психоаналитик. Исследование социальных причин невроза заставило Райха обратиться к марксизму. Он считал фрейдизм и марксизм взаимодополнимыми и пытался интерпретировать на основе психоанализа взаимоотношения между экономическим базисом и идеологией. По мнению Райха, для ликвидации «общества невротических характеров» необходимо раскрепощение сексуальности, сексуальная революция, которая является предпосылкой революции пролетарской. В последний период творчества (1940 – 50-е гг.) Райх развивал учение об «оргоне» – уникальной энергии, свойственной не только сексуальности, но всем проявлениям жизни. Эта универсальная всепроникающая энергия является источником эволюции галактических систем и в то же время тождественна биологической энергии живых существ⁴. Нехватка ее частиц – «оргонов» – может приводить к различным соматическим заболеваниям, в том числе раку. Эти воззрения оказали влияние на ряд деятелей культуры XX в., в частности на писателя У. Берроуза (1914–1997). Он даже не раз сооружал «оргонные камеры», и проводил внутри каждый день по 15–20 минут, медитируя⁵.

Советский философ Э. В. Ильенков (1924–1979) разработал концепцию идеального, под которым он понимал способность человека строить свою деятельность в согласии с формой любого другого тела, а также с перспективой изменения этого тела в ходе

развития культуры⁶. Именно культура, по мнению Э. В. Ильенкова, является первоначальной формой бытия идеального, которое исходно существует не в голове человека, не в его сознании, а в исторически развивающихся формах деятельности в культуре. Это дает ключ к пониманию субъективных форм идеального и человеческой личности.

Профессор С. И. Рудаков выделяет в структуре человеческого бытия два уровня социальной активности – практический, когда деятельность человека направлена вовне, и духовный, внутренний, когда человек осмысливает и переживает мир в себе. Производство, управление, воспитание, спорт – это практические виды деятельности, а познание, право, искусство, мораль – это внутренняя духовная деятельность. Двумя основными проявлениями духовного в обществе являются рационально-логическое и эмоционально-ценностное отражение мира. Разум и чувство составляют две существенные грани человеческого духа. Наличие двух граней в общественном сознании определяет его два других структурных уровня – общественную идеологию и общественную психологию⁷. Однако их различие не совпадает с различием интеллектуального и эмоционального. Идеология, объединяющая в себе совокупность теоретических идей и ценностей, на специализированном уровне является отражением интересов определенных социальных групп. Психология как совокупность чувств, переживаний, представлений выражает интересы тех или иных социальных групп на обыденном, не специализированном уровне. Общественная идеология и общественная психология тесно переплетены друг с другом и взаимопределяют друг друга.

Интересно, что К. Маркс и Ф. Энгельс считали, что термин «идеология» используется для обозначения извращенного сознания, то есть такого сознания, когда знания об обществе и социальных конфликтах преломляются через призму каких-либо интересов. С их точки зрения, идеология включает широкий спектр духовных структур (религию, идеалистическую философию и т. д.), служит средством подчинения трудящихся господствующим классом. В работе «Немецкая идеология» мы читаем: «Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую материальную силу общества, есть вместе с тем и

его господствующая духовная сила. Класс, имеющий в своем распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем подчиненными господствующему классу. Господствующие мысли суть не что иное, как идеальное выражение господствующих материальных отношений, как выраженные в виде мыслей господствующие материальные отношения...»⁸. Свое учение они не считали идеологией, а называли наукой.

В. И. Ленин несколько по-другому трактовал эти подходы. Он доказывал, что марксизм тоже является идеологией – идеологией пролетариата. Он вводит понятие «научная идеология» применительно к марксизму. Тем самым был поставлен знак равенства между социальной наукой, марксизмом и пролетарской идеологией⁹.

Таким образом, следует констатировать, что представители различных направлений марксистской мысли пытаются взглянуть на наследие К. Маркса с различных позиций, что дает возможность выйти на уровень новых обобщений и углубить учение, в том числе в вопросе соотношения духовного и практического в социальном философии. Очевидно, что человеческая деятельность, детерминируемая сознанием индивида, и результаты деятельности содержат в себе все богатство и разнообразие человеческой духовности. Труд выступает преобразователем идеальности человеческого духа в материальную реальность производимых предметов. В результате общество предстает перед нами как опредмеченное сознание человека, как мир опредмеченной человеческой духовности. Духовность существует и как внутренняя жизнь человека, которая разворачивается в его имманентном идеальном пространстве и времени, выступает как внутренняя субъективная реальность человека.

¹ Грицанов А. А. Неомарксизм // Всемирная энциклопедия : Философия. – Москва : АСТ ; Минск : Харвест : Современ. литератор, 2001. – С. 692–693.

² Давыдов Ю. Н. Критика социально-философских воззрений Франкфуртской школы. – Москва : Наука, 1977. – С. 46–48.

³ Тавризян Г. М. Маркузе // Новая философская энциклопедия : в 4 т. – Москва : Мысль, 2010. – Т. 2. – С. 499.

-
- ⁴ Лифинцева Т. П. Райх // Новая философская энциклопедия : в 4 т. – Москва : Мысль, 2010. – Т. 3. – С. 410.
- ⁵ Берроуз У. Счетная машина = TheAddingMachine // Митин Журнал, KolonnaPublications, 2008. – С. 265–268.
- ⁶ Ильенков Э. В. Философия и культура. – Москва : Изд-во Моск. психолого-соц. ин-та ; Воронеж : НПО «МОДЭК», 2010. – С. 408–464.
- ⁷ Рудаков С. И. Основы современного марксизма. – Воронеж : Изд-во им. Е. А. Болховитинова, 2009. – С. 138, 139.
- ⁸ Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произведения : в 3 т. – 2-е изд. – Москва : Политиздат, 1980. – Т. 1. – С. 39.
- ⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. – 5-е изд. – Москва : Политиздат, 1976. – Т. 6. – С. 39–40, 269, 362–363.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

О. М. Бабич

КОМПЛЕКС РАНЕНОГО ЦЕЛИТЕЛЯ: СИНДРОМ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГЛУБИННОЙ ПСИХОЛОГИИ*

Представители помогающих профессий, от которых ожидается не только забота и исцеление, но и непрерывное эмоциональное участие, входят в особую группу риска. Специалисты часто оказываются в запредельных ситуациях, при этом возникает вопрос, что же движет ими в работе, какие ценности ими руководят? Подверженность помогающих профессионалов синдрому выгорания имеет непосредственное отношение к сохранению эффективности их работы, направленной на сущность других людей, на их внутренний рост.

Суть синдрома выгорания заключается в нарушении баланса между той энергией, которую человек отдает вовне (например, вкладывает в работу) и той, которую получает взамен. Дело здесь не в том, что он получает мало, а в том, что блокируется или ослабевает способность пополнять энергетический баланс – человек перестает получать удовлетворение от того, что он делает. В основе этого разрушительного процесса лежит неосознанный внутренний конфликт, приводящий к состоянию психологической дезадаптации. Выгорание часто начинается с характерных соматических симптомов – утомления, раздражительности, бессонницы, головной боли и общей напряженности. Затем возникают фрустрированность, чувство неуспешности и бессилия, за которыми следуют защитные попытки человека совладать с проблемой с помощью отщепления и подавления эмоций. Наконец, наступают отчаяние, полное разочарование и отвращение к себе и к другим¹.

* © Бабич О. М., 2018.

В рамках исследования синдрома профессионального выгорания накоплен большой теоретический и эмпирический опыт как в зарубежной, так и в отечественной психологии, однако интерес к нему не ослабевает, поскольку, с одной стороны, выгорание значительно влияет на эффективность деятельности и личное благополучие человека, с другой стороны, – нет единого теоретического фундамента для объяснения этого феномена.

Исследования синдрома выгорания касаются, в основном, двух взаимосвязанных аспектов: нарушения профессиональной идентичности и трудностей на интрасубъектном уровне. Первый аспект представлен в исследованиях Л. Наллстена, который пришел к выводу, что «выгоревшие» профессионалы высоко ценят положительные результаты собственной деятельности, поскольку связывают личностную идентичность с профессиональной, а также чувствуют себя *обязанными* помогать другим. Второй аспект связан с проблемными отношениями с коллегами, начальством, студентами, клиентами. К. Чернис говорит о том, что «выгоревшие» считают, что получают недостаточное признание, озабочены тем, что *должны* нравиться другим². Сильное, но неудовлетворенное желание признания приводит к тому, что человек теряет смысл деятельности и возникает чувство внутренней пустоты (по В. Франклу – ноогенный невроз), нарушающее представление о себе и порождающее расколотую идентичность. Можно предположить, что «выгоревшие» специалисты поглощены слиянием с Эго-идеалом, но усилия на его поддержание не приводят к желаемым результатам. С психоаналитической точки зрения это понимается как стремление к нарциссической грандиозности, которой не достигнуть³.

В 1974 г. американский психоаналитик Н. Фройденберг впервые описал понятие «синдром выгорания» как психологический конструкт. Это явление характеризуется истощением и сопровождается дистрессом, снижением профессиональной эффективности и мотивации, а также развитием дисфункциональных установок и поведения на работе. Автор также считает, что страх быть хуже других является базовой основой выгорания людей, устремленных к совершенству. Хотя Н. Фройденберг придал выгоранию психологический смысл, это понятие редко исследовалось с психоаналитической точки зрения⁴.

В работах В. Райха выгорание представлено как глобальный внутренний конфликт жизни и смерти. Поэтому преобладающий в выгорании негативный эмоциональный фон понимается как маниакальные защиты, направленные на то, чтобы препятствовать остановке и пребыванию в бытии, поскольку это может повлечь за собой невыносимые «архаические тревоги» (Д. Винникотт). В связи с этим такое осознание должно быть подавлено и подвергнуто депрессии, что, в общем, сводит на нет позитивное видение ситуации. Внутренняя депрессия затем проецируется на внешний мир, запуская постоянно возрастающее аддиктивное страдание, которое сегодня можно понимать в терминах дисбаланса работа/жизнь⁵.

З. Фрейд говорил о выгорании как о деструктивном поведении, которое может рассматриваться как абьюз в отношении себя и других. Г. Дж. Фишер рассматривает нарциссическую грандиозность как «иллюзию величия», которая заставляет направлять все усилия на достижение идеала в работе, несмотря ни на что, и, поскольку эти усилия не приводят к желаемому результату из-за его нереалистичности, развивается выгорание⁶.

Что такое комплекс Раненного Целителя и почему понимание его смысла бывает так важно для осознания синдрома выгорания у представителей помогающих профессий?

В глубинной психологии понятие «комплекс» впервые описал З. Фрейд, который понимал его как группу психических образований (мотивов, установок, интересов), объединенных аффектом и действующих, как правило, на бессознательном уровне, но определяющих направленность и структуру сознательной жизни человека. В дальнейшем А. Адлер обозначил комплекс как вытесненное в бессознательное чувство неполноценности, компенсирующееся стремлением к разного рода достижениям, и рассматривал его как источник воли к власти.

В этом плане очень точный, на наш взгляд, иллюстративный пример встречается у немецкого психоаналитика В. Шмидбауэра, который упоминает о «синдроме беспомощного помощника» как о неспособности человека выражать и даже понимать свои чувства и потребности, что может стать частью структуры характера, которая сочетается с всемогущим на вид фасадом социального служения, за которым скрывается умирающий ребенок. Именно его многие «выгорающие» хотят «убрать с глаз до-

лой». Может быть потому, что этот предмет пренебрежения «задевает за живое»? Так формируются маниакальные защиты, направленные на то, чтобы добиваться все более высоких достижений и не переживать по поводу умирающего ребенка, брошенного в подвал бессознательного, но он возвращается в виде страхов, тревог и превращает жизнь в мучение⁷.

Чтобы защититься от этих архаических страхов, приходится развивать «ложное Я» (Д. Винникотт), которое использует власть по отношению к себе и к другим. Г. Гросс называет это идентификацией с агрессором, когда «волю к отношениям» заменяет «воля к власти», безразличие одерживает победу над участием, а власть – над любовью. Это действие, направлено на избегание катастрофы путем причинения страдания, нежели чем испытывать его. Тем не менее, насилие, направленное вовне, наносит больший урон, когда оно отражается во внутреннем плане, приобретая черты аддиктивного саморазрушения⁸.

Так формируется комплекс Раненого Целителя. И поскольку эти чувства слишком сильны, человек избегает их путем проекции. Если аддикция – это попытка защититься от невыносимой боли, тогда боль, лежащая в основе аддикции выгорания, может быть понята следующим образом: человек никогда не испытывал подлинной любви в отношении себя.

В глубинной психологии комплекс понимается как формирующаяся в бессознательном (или вытесненная в него) эмоционально заряженная совокупность воспоминаний, мыслей, идей, образов, оказывающая существенное влияние на развитие и функционирование психики. К. Г. Юнг обнаружил, что в психике каждого человека есть универсальные коллективные содержания – архетипы, которые предрасполагают людей воспринимать, переживать и реагировать на события определенным образом. Это есть предрасполагающие факторы, под влиянием которых люди бессознательно реализуют в своем поведении универсальные модели. Врожденной является именно тенденция реагировать эмоционально, когнитивно и поведенчески на конкретные ситуации⁹.

В тот или иной период трудовой деятельности у человека могут проявляться разные переживания и чувства, которые можно осмыслить с помощью архетипов. К. Г. Юнг сравнивал архетипические структуры с общечеловеческой символикой мифов и сказок.

Таким образом, содержание трудностей и переживаний помогающих профессионалов можно сравнить с культурными сюжетами мифов и древнейших сказаний. И это наделяет историю каждого конкретного человека определенным индивидуальным и одновременно коллективным смыслом, соединяя ее с общечеловеческой историей жизни.

Юнг заметил, что архетип обладает нуминозностью, т. е. идущая из коллективного бессознательного сила архетипа всегда совмещает восторг и страх. По своей сути архетип биполярен (имеет отрицательный и положительный полюса) и может включать в себя несколько субархетипов¹⁰. Например, архетип Целителя включает в себя интуитивного Целителя, Воспитателя, Раненого целителя. Кроме этого, архетип Целителя изначально связан с архетипом Родителя.

А. Гуггенбюль-Крейг продолжил исследование образа Раненого целителя в контексте помогающих профессий (врач, педагог, социальный работник, психолог и др.). Поскольку эти профессии имеют много общего, то и теневые аспекты деятельности будут иметь много общего. Например, для педагога теневой полюс архетипа Раненого Целителя может быть представлен высокомерием, всемогуществом и стремлением к власти, а противоположный – опытом, мудростью, творчеством. А. Гюггенбюль-Крейг подчеркивает, что помогающие профессионалы должны выносить тяжесть обоих полярностей: они могут быть Ранеными Целителями или вытеснять один полюс, проецируя его вовне, тем самым оказываясь под влиянием той или иной формы стремления к власти¹¹.

Возвращаясь непосредственно к синдрому выгорания, рассмотрим его с позиции аналитической психологии на примере мифа о Хироне, представляющего архетип Раненого Целителя. В мифе кентавр Хирон, в отличие от своих враждебных собратьев, был мудр и добр. Случайно раненый отравленной стрелой своим учеником Гераклом, Хирон был обречен на вечные муки, но неизлечимая рана подвигла его помогать другим, и он прославился как искусный целитель, учитель и мудрец. Это важный ключ к пониманию феномена выгорания как разочарования в ожиданиях относительно своей социальной роли, краха жизненных и профессиональных планов, утрату смысла помогающей профессии. М. Шмидт, исследуя архетип Раненого Целителя, говорит о том,

чтобы быть эффективным, важно оставаться в контакте со своей раненой частью, в противном случае есть опасность злоупотребления собственной властью.

Таким образом, глубинная психология рассматривает выгорание как застревание в отрицательном полюсе архетипа Раненого Целителя, а метафорой этого архетипа является понимание того, что внутри каждого помогающего профессионала есть две части: раненая и исцеляющая, причем одна не может существовать без другой. Рана может быть токсичной, порождать депрессию и нигилизм. Выгорание происходит вследствие деятельности или поведения, захватывающего человека и тотально его контролирующего психологически, направляя на деструктивный путь. Поскольку личность помогающего профессионала является важнейшим инструментом его деятельности, от него требуется постоянная работа над собой: не стыдиться собственной раненой части, не испытывать вину, а находиться с ней в контакте, по сути, это контакт с собственной человечностью. Подлинные Раненые Целители – это профессионалы, у которых архетип не расщеплен, поэтому они остаются как «целителями», так и «пациентами». Только Раненый Целитель может исцелить (К. Г. Юнг).

Все контексты выгорания – личностный, социальный, духовный – это многогранная проблема, требующая междисциплинарного подхода.

¹ См. : Бодров В.А. Психологический стресс: развитие и преодоление. – Москва : ПЕР СЭ, 2006. – 528 с.

² См. : Там же.

³ Шварц-Салант Н. Нарциссизм и трансформация личности. Психология нарциссических расстройств личности. – Москва : Класс, 2007. – 296 с. ; Шмидбауэр В. Вытеснение и другие защитные механизмы // Энциклопедия глубинной психологии. – Москва : Менеджмент, 1998. – Т. 1. Зигмунд Фрейд : жизнь, работа, наследие. – С. 289–295 с.

⁴ См. : Бодров В. А. Указ. соч.

⁵ См. : Винникотт Д. В. Искажение Эго в терминах истинного и ложного Я // Консультативная психология и психотерапия. – 2006. – № 1. – С. 5–19 ; Райх В. Посмотри на себя! – Москва : Мир Гештальта, 1997. – 112 с.

⁶ См. : Мэй Р. Раненый целитель // Московский психотерапевтический журнал. – 1997. – № 2. – С. 90–95.

⁷ См. : Шмидбауэр В. Указ. соч.

⁸ См. : Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. – Москва : ЛексЭст, 2002. – 1088 с. ; Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – Москва : Аст : Хранитель : Мидгард, 2007. – 624 с

⁹ См. : Юнг К. Г. Архетип и символ. – Москва : Ренессанс, 1991. – 304 с.

¹⁰ См. : Там же.

¹¹ См. : Гюггенбюль-Крейг А. Власть архетипа в психотерапии и медицине. – Санкт-Петербург : БСК, 1997. – 117 с.

К. М. Гайдар
АНАЛИЗ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ВЫЗОВОВ, УГРОЗ
И РИСКОВ, ПОРОЖДАЕМЫХ КОМПЬЮТЕРИЗАЦИЕЙ
СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ*

Компьютеры неумолимо вошли в жизнь современного человека. Они сделали ее более удобной, организованной, мобильной, информационно насыщенной, а в ряде случаев и более экономичной. Так, казалось бы, незаметно, но чрезвычайно прочно компьютерная техника «опутала» человека своими преимуществами и возможностями, от которых в XXI в. он уже не в силах отказаться. Вслед за компьютерами пришли и другие разнообразные девайсы (самостоятельные мобильные устройства: смартфоны, ноутбуки, планшеты и пр.), а также гаджеты как своеобразные технологические дополнения к девайсам (к примеру, наушники). Однако компьютеризация человеческой жизни выразилась не только в появлении самих технических новинок. Возникли новые цифровые инфраструктуры и всемирные системы информационных компьютерных сетей. И вот уже, перефразируя слова одного из величайших поэтов и драматургов, можно сказать: «Весь мир – hi tech». Компьютеризация и «интернетизация» стали одними из ведущих средств информационного обмена, учебно-познавательной деятельности, социально-политических, профессионально-деловых,

* © Гайдар К. М., 2018.

личных коммуникаций – как на уровне отдельной личности, так и в глобальном масштабе.

Вектор компьютеризации не мог не затронуть современную систему образования, которую уже невозможно представить без компьютеров и разнообразных информационных технологий. В педагогическом мышлении утвердилась идея о том, что компьютеризация – важнейшее условие повышения качества образования. Сегодня считается неприличным, если учебная аудитория не оснащена мультимедийной техникой; пишущего мелом на доске преподавателя готовы записать в консерваторы ретрограды; школьный урок или вузовская лекция не будут признаны современными без использования электронных презентаций. Воспитательные мероприятия также сопровождаются применением компьютерной техники. Так незаметно отходит на задний план разговор по душам воспитателя и воспитанников. В высокотехнологичное оснащение системы образования вкладываются огромные средства, в учебный процесс внедряются разные информационные платформы и веб-технологии, в отчетах образовательных учреждений неизменно фигурирует использование «инновационных технологий», а образовательный и воспитательный эффекты все равно не достигаются. Мотивация обучения неуклонно падает, не стихают жалобы учителей на то, как стало трудно учить нынешних школьников. Очевидно, именно поэтому, несмотря на победные релижи, что выпускники школ в последние годы стали лучше сдавать Единый государственный экзамен, в 2017 году Министерством образования и науки РФ установлены минимальные баллы по русскому языку – 24, по профильной математике, сдаваемой для поступления в вузы, – 27 (приказ от 18.11.2016 № 1967). И это по обязательным дисциплинам выпускных экзаменов! Уровень воспитанности подрастающего поколения также оставляет желать лучшего, нередко проявляются такие отрицательные черты, как агрессивность, вспыльчивость, слабоволие, нетерпимость и др. Страдает, наконец, состояние здоровья детей, подростков, юношей, в том числе и психологического. Вот общество в лице педагогов, родителей, министерских чиновников и недоумевает, в чем дело, выдвигаются предположения, что, наверное, нынешняя молодежь какая-то не такая, неправильная.

Ниже мы покажем, с какими психологическими вызовами, рисками и угрозами может быть связана компьютеризация образо-

вания. Уточним, что под вызовом понимается совокупность обстоятельств, которые не обязательно имеют угрожающий характер, но которые способны нанести вред, урон, и поэтому они требуют своевременных ответных действий по предупреждению потенциального ущерба. Угроза – это реальная опасность, влекущая за собой негативные последствия независимо от сознания и воли человека, подвергающегося ей, обусловленная действием внешних объективных или субъективных факторов. Наконец, риск трактуется как вероятность возникновения определенных деструктивных, нежелательных, неблагоприятных последствий, которые могут быть спровоцированы действиями самого человека.

Если вести речь о психологических вызовах, угрозах и рисках, т. е. таких, которые отражаются на психологическом благополучии и психологической безопасности человека, то следует подчеркнуть, что их существенное отличие от опасностей техногенного, природного, политического и иного характера состоит в том, что они до какой-то поры не имеют внешних проявлений, незаметны для самого объекта опасности и окружающих. Поэтому их трудно контролировать. Кроме того, на разных людей они оказывают многоплановое и неодинаковое влияние, так что не всегда ассоциируются с системой факторов, которой нужно противостоять.

В свете сказанного необходимо признать, что компьютеризация образования – это вызов нашего времени. Несомненно, компьютер – важное и нужное средство обучения. Он открывает доступ к безграничному ресурсу знаний, позволяет формировать те или иные профессиональные и учебные умения, экономит силы и время учащихся, беря на себя ряд рутинных операций, помогает узнать то, с чем ученики никогда не столкнутся в реальности (например, глубины мирового океана, просторы Вселенной и т. д.)¹. И все же компьютер – лишь средство обучения. И об этом нельзя забывать!

Сама система образования создает у подрастающего поколения стойкую иллюзию, что компьютер, интернет – панацея от всех бед. И студенты, и школьники в наши дни зачастую получают задания такого свойства: «Найдите в интернете...». Или в ином варианте: «Подготовьте презентацию...» (выполнение, как правило, также начинается с поисков в интернете). И уже эхом из прошлого века звучит: «Прочитайте в книге такого-то автора...». Да, учащиеся с

легкостью ищут и находят информацию в интернете и думают, что с ним могут практически все. Постоянно обновляющаяся лента с фотографиями в Instagram, вездесущий Twitter, соцсети Facebook, ВКонтакте и пр. Появляется ощущение всеисилия, а на деле воспитывается беспомощность, когда при отсутствии интернета они даже не догадываются о других источниках познания. Кроме того, возникают серьезные психологические потери: на фоне роста скорости восприятия информации концентрация внимания постоянно падает, не вырабатывается такое важное для познавательной деятельности свойство, как внимательность. Беспорядочное переключение телеканалов, просмотр рекламы, чтение блогов формирует так называемое клиповое сознание, когда мир воспринимается не целостно, а разорвано – как череда не связанных данных, фактов, событий. Носитель клипового сознания затрудняется, а подчас не способен анализировать какую-то ситуацию, так как ее образ не задерживается в мыслях надолго, он почти сразу исчезает, а его место тут же занимает новый². От всего этого страдает процесс обучения.

Одновременно формируется интеллектуальная пассивность. Включить кнопку телевизора или компьютера гораздо легче, чем порыться на домашних книжных полках или сходить в библиотеку. В отличие от энциклопедий и словарей, мировая «паутина» предоставляет готовые тексты, которые студенты и школьники поглощают, не задумываясь, некритически «проглатывают целиком». Вот и рождается противоречие между ожиданиями общества от подрастающего поколения умений добывать (т. е. вырабатывать) знания, мыслить самостоятельно и критически и реальным уровнем интеллектуального развития, не отвечающим этим ожиданиям.

Сегодня в образовательный процесс активно внедряются электронные средства обучения, прежде всего электронные учебники. Кроме того, широко практикуется интернет-коммуникация, когда учебные задания, консультации, обратную связь обучающиеся получают от педагога по интернету (с помощью электронной почты, всевозможных девайсов, специальных систем и сред дистанционного обучения). Все это влечет за собой такое отрицательное психологическое следствие, как снижение коммуникативной компетентности³. Проводя слишком много времени за компьютером и другими информационно-технологическими новшествами, подрастающее поколение как будто бы разучилось живому обще-

нию. Нынешней молодежи неинтересно общаться друг с другом в реальности. Школьники и студенты предпочитают или включить компьютер (телевизор) и ждать готовых развлечений, или погрузиться в виртуальное общение посредством интернета⁴. Следовательно, в контексте обсуждаемой проблемы компьютеризация образования может рассматриваться как своеобразная психологическая угроза.

Одним их самых распространенных способов интернет-коммуникации стал чат. К сожалению, включаясь в такое общение, мало кто задумывается о тех психологических рисках, которые оно влечет. Обусловлены они тем, что подобное общение позволяет человеку сохранить анонимность, создает ощущение безопасности. Ведь при этом самопрезентация личности становится бестелесной: не надо думать о том, как я выгляжу в глазах других, куда, к примеру, деть мешающие руки, как скрыть заливающий щеки румянец, а свое имя можно спрятать за выдуманным ником. Понятно, что все это не добавляет компетентности в общении, поскольку реальной практики общения при этом нет. И здесь возникает парадокс: с одной стороны, современные молодые люди, не умея общаться, боясь живого общения, предпочитают виртуальные контакты в сети, позволяющие, как им кажется, иметь огромное количество так называемых «друзей» и одновременно не раскрываться перед ними. В итоге культивируется замкнутость как черта характера. С другой стороны, это же виртуальное общение, создавая мнимое впечатление безопасности, провоцирует у молодежи чрезмерное самораскрытие, когда сети, огромному числу незнакомых людей, доверяется абсолютно все, даже самое интимное. Отсюда – неумное увлечение выкладыванием в сети собственных фотографий, видеороликов и пр. Притупляющийся инстинкт самосохранения заставляет школьников и студентов выкладывать в сеть даже те фото- и видеоматериалы, которые фиксируют их противоправное поведение. Складывается впечатление, что они не только не понимают аморальности действий, но и того, что тем самым «сдают себя» правоохранительным органам.

Поглощенные виртуальными контактами, молодые люди затрудняются отличить открытое, равноправное общение от общения, преследующего узкоутилитарные, корыстные цели, для достижения которых партнер (как правило, более младший) служит

лишь средством для неблагоприятных с социально-моральной точки зрения, а подчас просто преступных действий. Отсюда участвовавшие в последние годы случаи так называемой киберпедофилии (склонения детей и подростков к сексу в интернете), вовлечение молодежи в интернет-сообщества, пропагандирующие суицидальное поведение, манипулирующие сознанием через приобщение к религиозным сектам, преступным, в том числе террористическим, группировкам. А это влечет уже не просто снижение коммуникативной компетентности, но и напрямую угрожает жизни и здоровью молодежи, да и всего общества в целом.

Понятно, что не все учащиеся, кто пользуется интернетом, подвержены описанным выше деструктивным влияниям. Речь идет о некоторой их части. Тем не менее это должно заставить общество осознать те психологические риски, которые сопряжены с общением в интернете и которых, увы, сами дети и подростки не осознают, понять, что при игнорировании рисков они трансформируются в реальные угрозы.

Отметим, наконец, еще одно существенное следствие компьютеризации обучения. Занятия в течение длительного времени за компьютером, в том числе и при решении задач учебного характера, провоцируют, к сожалению, риск возникновения компьютерной зависимости⁵. Во всяком случае следует учитывать, что определенная часть подрастающего поколения весьма подвержена возможности ее формирования. И лишь на первый взгляд кажется, что компьютерная зависимость – менее грозное явление, чем зависимости химические, такие как курение, наркомания, алкоголизм. Компьютерная зависимость характеризуется тяжелыми психологическими эффектами. Во-первых, она способна объединяться с другими зависимостями (игровой, сексуальной, интернет-зависимостью, сетеголизмом и т. д.), во-вторых, грозит формированием нежелательных черт характера (беспомощности, неуверенности в своих силах, чувства одиночества, страха отвержения, недоверия себе и окружающим), в-третьих, трансформирует поведение, поскольку зависимая от компьютера личность отличается коммуникативной некомпетентностью и непродуктивными стратегиями взаимодействия с окружающими, которое стремится свести к минимуму.

Выход видится в том, чтобы как можно больше общаться с учащейся молодежью, включать ее в реальные процессы общения –

в учебной деятельности, общественно полезном труде, на занятиях по интересам и т. д. Живое общение педагога с обучающимися в образовательном пространстве сегодня выступает в роли истинно гуманитарной технологии, поскольку в нем происходит обмен личностными смыслами, а не символами и образами, как при интернет-коммуникации. А ведь именно смысловая насыщенность и ценность характеризует общение людей, придает ему истинную человечность. При этом крайне важно, чтобы преподаватели демонстрировали примеры конструктивного общения, толерантности в выстраивании межличностных контактов, теплого и заботливого отношения к обучающимся.

Предупреждение проанализированных выше психологических рисков и угроз возможно при условии нахождения продуктивных путей использования компьютерных технологий, интернета в учебном процессе, воспитания не только у подрастающего поколения, но и у взрослых культуры отношения к ним. Педагоги должны использовать современные информационные технологии, но требуется помнить при этом, что компьютеризация образования таит в себе серьезные факторы риска. Поэтому делать это следует взвешенно, обдуманно, педагогически целесообразно и психологически обоснованно, учитывая возрастные, психофизиологические и индивидуально-психологические особенности учащихся.

¹ См. : Ендовицкий Д. А., Бубнов Ю. А., Гайдар К. М. Актуальные проблемы воспитания молодежи в современной России // Вестник Воронежского гос. университета. Серия «Проблемы высшего образования». – 2017. – № 2. – С. 5–10.

² См. : Шалагина Е. В. К вопросу о новой когнитивной реальности // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. – 2014. – № 2. – С. 37–41 и др. работы.

³ См. : Соловьева А. В. Специфика коммуникативной компетентности современной молодежи // Человеческий капитал. – 2014. – № 5(65). – С. 52–55 и др. работы.

⁴ См. : Гундарева И. О последствиях восприятия телевизионной информации // Воспитание школьников. – 2005. – № 9 и др.

⁵ См. : Психология и лечение зависимого поведения / под ред. С. Даулинга. – Москва : Класс, 2000. – 227 с. и др. работы.

Ю. А. Гончарова
ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ УЧАЩИХСЯ КАК
СОЦИАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС*

Воспитание растущего человека как развитой личности составляет одну из главных задач современного общества. Формирование духовно развитой личности в процессе исторического развития общества не совершается автоматически. Оно требует усилий, направленных как на создание материальных возможностей, объективных социальных условий, так и на реализацию открывающихся на каждом историческом этапе новых возможностей для духовно-нравственного совершенствования человека. В этом двуедином процессе реальная возможность развития человека как личности обеспечивается всей совокупностью материальных и духовных ресурсов общества.

Трудовое воспитание подрастающего поколения является одной из важнейших задач нашего общества. Подготовка молодежи к жизни, к участию в общественно-полезном труде, к удовлетворению физических и духовных потребностей людей осуществляется и в школе, и в профессиональных колледжах, и в институтах. Причем основной целью этой подготовки является не узкое профессиональное обучение, позволяющее специалисту включиться в производство, а формирование активной, целеустремленной личности, способной к самореализации, творчеству, удовлетворению своих интересов в избранном деле и к самосовершенствованию.

Труд играет большую роль в развитии способностей учащихся. Способности развиваются, главным образом, в условиях ведущей деятельности: в дошкольном возрасте – в игре, в младшем и среднем школьных возрастах – в учении, в юношеском – в профессионально-трудоустройственной подготовке.

Включаясь в трудовой процесс, ребенок коренным образом меняет свое представление о себе и об окружающем мире. Радикальным образом изменяется самооценка. В процессе общения и овладения новыми знаниями формируется мировоззрение школьника. Работа в коллективе обеспечивает успешную социализацию

* © Гончарова Ю. А., 2018.

личности ребенка. Развитие способностей, чувств и мышления делает личность ребенка более гармоничной.

Значение труда как фактора развития личности ребенка нашло отражение в истории отечественной педагогики: труды П. П. Блонского, Н. К. Крупской, А. С. Макаренко, В. А. Сухомлинского, С. Т. Шацкого и др.

Теоретическое обоснование трудового воспитания молодежи с выходом на практические рекомендации освещены в работах П. Р. Агутова, А. А. Ахматова, С. Я. Батышева, К. Н. Катханова, В. А. Полякова и др.

Вопросы творческого отношения школьников к труду, воспитания активности, нравственных качеств личности, оптимизации учебно-познавательной деятельности освещены в трудах ученых Ю. К. Бабанского, О. С. Богдановой, А. Я. Журкиной, И. И. Зарецкой, В. М. Коротова, Т. Н. Мальковской, И. С. Марьенко, Т. И. Шамовой, И. Ф. Свадковского и др. Они находят практическую реализацию в работе образовательных учреждений на современном этапе.

Наука накопила немало ценных фактов, использование которых может обогатить содержание и организацию трудового обучения и воспитания школьника, более полно использовать резерв его личности, обеспечить системность данных процессов и тем самым повысить их воспитательную ценность. Существует также ряд проблемных моментов. Назовем некоторые из них¹.

Прежде всего, следует выделить проблему главного психологического «ядра» в трудовой подготовке школьников. Такое «ядро», как показали исследования Т. В. Кудрявцева, Э. А. Ферapoновой и других исследователей, составляют общетрудовые умения интеллектуального характера. Среди них важную роль играют умения выполнить задачу не только индивидуально, но и в условиях совместного труда.

Поскольку творчество является наиболее значительным проявлением человека, педагоги ищут оптимальные пути и способы приобщения школьников к творческому труду.

Особенно важным в трудовом обучении школьников являются мотивы, побуждающие детей трудиться. Именно с мотивами связано формирование отношения к труду, как главной ценности. Поэтому развитие положительной мотивации труда школьников, их творческих способностей и других качеств личности, является

необходимым условием для профессионального самоопределения школьников.

Большое внимание уделяется изучению психологического содержания трудовой деятельности профессионалов и составлению на этой основе профессиограмм.

Во многих случаях психологические знания используются с эвристическими целями для объяснения механизмов эффективности тех или иных способов обучения и воспитания для предсказания результатов их применения. В качестве такого механизма могут выступать мотив, потребность, интерес, самооценка.

Актуальна проблема формирования всесторонне развитой личности средствами труда. Предметом специальных исследований являются изменения, происходящие в облике личности под влиянием труда: изменения производительности его труда, отношения к труду, к своему коллективу, потребностей, интересов, самооценки и притязаний.

Значение труда в развитии личности общепризнанно. Возможности для этого развития содержатся уже в самих орудиях, предметах и результатах труда. В орудиях труда, кроме назначения, воплощены познанные человеком явления, законы, свойства и условия существования предметов. Условия труда тоже должны быть познаны человеком. Предмет, орудие и условия труда являются богатейшим источником знаний о существенной части окружающей действительности. Эти знания являются основным звеном в мировоззрении человека.

Высокие требования к человеку предъявляют социальные условия труда. В различных детских трудовых объединениях труд носит коллективный характер и его осуществление связано с включением школьника в широкую и сложную систему производственных, нравственных и других социальных отношений².

Это происходит под влиянием господствующих норм поведения, общественного мнения, организации взаимопомощи и действия таких социально-психологических феноменов, как внутригрупповая внушаемость, соревновательность.

Результатом трудового воспитания как социального процесса является *формирование ответственности за результаты труда коллектива*. Исследования показали, что большинство старше-

классников – членов трудовых бригад готовы отвечать за результаты труда своего звена.

Вторым значимым результатом является *целесообразная деятельность самого субъекта*. Преобразуя предмет труда, создавая общественно ценные продукты, он преобразует себя. Для более полного использования развивающих возможностей труда они должны быть дополнены деятельностью старших – обучением и воспитанием.

Деятельность воспитателя является также важным условием трудового воспитания как социального процесса³.

Во всех видах труда формируется такое качество личности, как практичность. Человек с этим качеством свободно ориентируется на производстве и в быту. Участвуя в коллективном труде, индивид познает не только других, но и себя: кто он есть, какую ценность представляет для других, что он может. Дети, как показали исследования, плохо знают себя, свои возможности, свое положение в коллективно. И в результате трудовой деятельности происходят существенные изменения. Прежде всего, изменяется его отношение к себе, а затем и отношение к нему коллектива и педагогов.

В науке накоплено много фактов, доказывающих, что трудовая деятельность обусловлена успешностью ее результатов. С этим связано формирование таких социальных мотивов как личностная значимость труда, сознание его общественной значимости, притязания на более высокий уровень достижений в труде.

Формирование способностей осуществляется в той или иной деятельности. В процессе труда, например, распределение внимания становится более широким, а его переключение более быстрым.

Велика роль труда в развитии мышления. По мере овладения трудовыми навыками развиваются его новые формы: техническое, практическое, логические. В процессе труда и общения с другими членами трудового коллектива происходит развитие чувств.

Решение многих вопросов трудового воспитания подрастающего поколения существенно зависит от правильного понимания функций, целей и психологического содержания детского труда.

Труд школьника имеет свою специфику. Прежде всего, труд учащихся отличается от труда взрослых тем, ради чего он органи-

зован. Детский труд организовывается, прежде всего, с воспитательными целями.

Труд в обществе, как правило, носит коллективный характер, поэтому от каждого участника требуется умение взаимодействовать. Следовательно, школьники должны включаться в общественное производство. Подготовить ребенка к труду – это значит сформировать у него психологическую готовность трудиться. Психологическая готовность к труду означает уровень развития личности, который является достаточным для успешного освоения любым видом производительного труда⁴.

Как показывают наблюдения, выпускники учебных заведений практически и психологически не готовы к участию в производственном труду. С целью лучшей адаптации школьников на производстве необходимо восстанавливать и развивать систему УПК, причем, непосредственно на производстве. Главное, чтобы труд учащихся был связан с производством. Школьники должны выполнять посильные заказы производства.

Благодаря такому подходу труд приобретет более высокое значение, создаются условия для формирования общественно-ценных мотивов деятельности.

Так как этот вид деятельности не тождественен ни учебной деятельности, ни трудовой деятельности взрослых, то мы условно выделяем ее как учебно-трудовую. В старших классах этот вид деятельности должен являться ведущей. С этой целью в старших классах программой предусмотрено профессиональное трудовое обучение. Ребенок, после окончания школы, уже может иметь специальность, что дает ему предпосылки для быстрой адаптации на производстве.

Однако было бы ошибкой считать, что труд на производстве и в сфере обслуживания всегда приводит к положительным результатам в воспитании учащихся. Это зависит от организации труда, морально-нравственных качеств работников предприятия, от подбора наставников.

Таким образом, трудовое обучение и воспитание, решая коррекционные, воспитательные, образовательные задачи, способствует формированию различных положительных качеств личности, обеспечивая успешную социализацию подрастающего поколения.

¹ См. : Ивашенко Ф. И. Труд и развитие личности школьника. – Москва : Просвещение, 2001. – 250 с.

² См. : Пряжников Н. С., Пряжникова Е. Ю. Психология труда и человеческого достоинства : учеб. пособие.– Москва : Академия, 2004. – 480 с.

³ См. : Там же.

⁴ См. : Ивашенко Ф. И. Указ. соч.

Н. Е. Есманская
ОСВОЕНИЕ СТУДЕНТАМИ-ПСИХОЛОГАМИ
СРЕДСТВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
В ИЗОБРАЖЕНИИ ПИСАТЕЛЯМИ ХАРАКТЕРОВ
И ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ СОСТОЯНИЙ ПЕРСОНАЖЕЙ*

В познании психологии человека приоритетное место принадлежит художественной литературе. Ее основная функция обусловлена богатством изобразительных средств, благодаря которым она обладает уникальным психологизмом, суть которого в разностороннем и глубоком изображении психологии человека: его ощущений, мыслей, эмоций, чувств, переживаний, мотивов поведения, различных характеров и эмоциональных состояний.

В русской классической литературе признанными писателями-психологами стали М. Ю. Лермонтов, Ф. М. Достоевский, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, в творчестве которых психология литературных персонажей раскрывается с помощью следующих изобразительных средств: описание изображения внутреннего мира персонажей «изнутри»: внутренние монологи персонажей, авторское изображение внутреннего мира персонажей, изображение впечатлений персонажей от деталей внешнего мира; изображение внутреннего мира «извне»: описание внешнего облика персонажей, описание поведения персонажей, описание места действия персонажей; вербальное обозначение состояний и свойств личности персонажа; прием умолчания в изображении внутреннего мира персонажей, изобразительные средства языка.

* © Есманская Н. Е., 2018.

О неразрывной связи психологии и художественной литературы писал выдающийся русский психолог Б. М. Теплов. Он утверждал, что «художественная литература содержит неисчерпаемые запасы материалов, без которых не может обойтись научная психология...»¹.

Поэтому психологизм художественной литературы необходимо использовать в процессе формирования профессиональной компетентности у студентов-психологов, которые могут научиться у писателей тонкому психологическому наблюдению и описанию наблюдаемого, а также глубокому пониманию личности в ее конкретной целостности².

В целях улучшения профессиональной подготовки в Воронежском государственном университете студентам-психологам читаются спецкурсы «Художественная литература как источник психологических знаний»³ и «Развитие психологической проницательности средствами художественной литературы»⁴.

Знание и умение использовать изобразительные средства художественной литературы студентам-психологам необходимо, чтобы осознавать и понимать качества литературных персонажей. Некоторые из этих изобразительных средств в своем творчестве успешно использовал А. П. Чехов. В основе чеховских рассказов обычно лежит конфликтная ситуация, которую он видит в бытовой сценке, а «эффект сопереживания и сотворчества достигается с помощью ряда художественных приемов»⁵.

В качестве стимульного материала был выбран рассказ А. П. Чехова «Справка» с учетом следующих критериев: 1) Рассказ является малоизвестным в отличие от других рассказов писателя («Хамелеон», «Лошадиная фамилия», «Хирургия», «Толстый и тонкий»), что, естественно, не могло не затронуть креативную, рефлексивную, когнитивную, интуитивную структуры личности студентов; 2) Коррупция достаточно распространена в обществе, текст рассказа понятен современным студентам и соответствует их жизненному опыту; 3) Среди признанных писателей-классиков – М. Ю. Лермонтова, Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, Ф. М. Достоевского – произведения А. П. Чехова характеризуются особым психологизмом, обогащающим научную психологию.

Чтобы вся психическая и речевая деятельность студентов максимально была включена в процесс чтения рассказа, использо-

вался метод вопросов. На начальном этапе вопросы к тексту рассказа предлагаются преподавателем из-за отсутствия у студентов соответствующих умений и навыков их составления.

Прочитируем отрывки из рассказа:

«Помещик Волдырев несмело вошел в присутствие. <...> Там за зеленым, пятнистым, как тиф, столом сидел молодой человек с четырьмя хохлами на голове, длинным угреватым носом и в полинялом мундире. Уткнув свой большой нос в бумаги, он писал.

– Могу ли я навести здесь справку? – повторил через минуту Волдырев.

<...> Все не замечая Волдырева, чиновник поймал на губе муху, посмотрел на нее со вниманием и бросил. Помещик кашлянул и громко высморкался в свой клетчатый платок. Но и это не помогло. Его продолжали не слышать. Минуты две длилось молчание. Волдырев вынул из кармана рублевую бумажку и положил ее перед чиновником на раскрытую книгу. Чиновник сморщил лоб, потянул к себе книгу с озабоченным лицом и закрыл ее. <...> Волдырев вернулся к столу и положил на раскрытую книгу зеленую бумажку.

Чиновник ожил, точно его подхватил вихрь. Он дал справку, распорядился, чтобы написали копию, подал просящему стул – и все это в одно мгновение. <...> И когда Волдырев уходил, он провожал его вниз по лестнице, приветливо и почтительно улыбаясь, и делая вид, что он каждую минуту готов перед просителем пасть ниц. Волдыреву почему-то стало неловко и, повинувшись какому-то внутреннему влечению, он достал из кармана рублевку и подал ее чиновнику. А тот все кланялся и улыбался, и принял рублевку, как фокусник, так что она только промелькнула в воздухе... <...>

Отвечая на вопрос о внешних проявлениях черт характера персонажей студенты не обратили внимания на их мимику, телодвижения, особенности речи и поведение в целом. Довольно часто студенты приписывали персонажам не присущие им черты характера.

В отличие от своих предшественников великих писателей-психологов А. П. Чехов не описывает и не разъясняет каждую особенность психики литературных персонажей, ограничиваясь лишь одной деталью или каким-либо ее элементом. К сожалению, студенты не пытались конкретизировать и расшифровывать «внутреннее влечение», побудившее чиновника Волдырева дать чиновнику еще рубль, увеличив взятку. Черты характеров и эмоциональные

состояния персонажей автор выявляет в кратких описаниях их поведения.

А. П. Чехов не изображает и не называет такие черты характера чиновника, как самообладание, выдержка, хладнокровие: он «не слышал» неоднократные к нему обращения Волдырева, точнее слышал, но делал вид, что не слышит. Не упоминает писатель жестокости и властолюбия чиновника. Однако об этих чертах характера можно судить по его отношению к просителю. Нельзя отказать чиновнику и в психологической проницательности: он быстро понял, что проситель Волдырев из робкого десятка.

В своей игре чиновник проявил недюжинный артистизм в общении с Волдыревым: получив взятку в три рубля, он мгновенно преобразился: «ожил», «приветливо и почтительно улыбаясь, и делая вид, что он каждую минуту готов перед просителем пасть ниц и принял рублевку как фокусник».

Однако с вопросом об основных причинах взяточничества, студенты справились хорошо: «в России испокон веков исторически сложилось так называемая система кормление чиновников, суть которой заключается в том, что чиновников, особенно мелких, должны были содержать просители», «причиной коррупции является безнаказанность чиновников». Практически все отметили, что в рассказе рубль выступает своеобразной пружиной чиновничьей активности.

В рассказе ярко проявились новаторские особенности чеховского психологизма: писатель не объясняет и не описывает детально каждую составляющую внутреннего мира персонажа, который зачастую и сам не понимает своего эмоционального состояния: «Чиновнику почему-то стало неловко...». Подобная недосказанность побуждает к сотворчеству, к расшифровке психологического содержания той или иной художественной детали.

Проведенное исследование выявило недостаточное умение студентов «читать» изобразительные средства, использованные в рассказе. Среди причин можно назвать плохое преподавание литературы в школе, новизна и необычность художественных средств, используемых писателем.

Особенностью чеховского психологизма является отсутствие детального описания внутреннего мира персонажей, тем самым писатель побуждает читателя к сотворчеству, то есть к расшифровке психологического содержания художественных деталей, кото-

рые он распределяет по всему тексту рассказа. В связи с этим студентов необходимо научить извлекать из подтекста «спрятанную» писателем психологическую информацию.

Из всего вышеизложенного можно сделать вывод, что освоение студентами-психологами средств художественной литературы в изображении писателями характеров и эмоциональных состояний персонажей способствует развитию их профессиональной компетентности, в частности, умению наблюдать и расшифровывать психологическую информацию, необходимую для познания психологии человека.

¹ Теплов Б. М. Заметки психолога при чтении художественной литературы // Теплов Б. М. Избр. труды : в 2 т. – Москва : Педагогика, 1985. – Т. 1. – С. 306.

² См. : Корсунский Е. А., Есманская Н. Е. Художественная литература как источник психологических знаний о человеке // Известия Воронежского гос. пед. университета. – 2012. – Т. 258. Психология и педагогика. – С. 51.

³ См. : Художественная литература как источник психологических знаний о человеке. Хрестоматия-практикум: Учебно-методич. пособие для вузов / Сост. Н. Е. Есманская. – Воронеж : Наука–Юнипресс, 2011. – 91 с.

⁴ Есманская Н. Е., Корсунский Е. А. Развитие психологической проницательности средствами художественной литературы : Учеб. пособие для студентов-психологов. – Воронеж : АНО МОК ВЭПИ, 2008. – 157 с.

⁵ Есин А. Б. Психологизм русской классической литературы. – Москва : Флинта, 2003. – С. 167.

И. В. Завгородняя **ПРЕНАТАЛЬНЫЙ СТРЕСС КАК ФАКТОР** **ПСИХИЧЕСКОГО И ЛИЧНОСТНОГО РАЗВИТИЯ***

На протяжении своей жизни каждый человек сталкивается с определенными трудностями, которые ему необходимо преодолеть. В последнее время в житейский и научный обиход достаточно прочно вошло понятие «стресс» для обозначения возникающих у человека негативных состояний, которые чаще всего переживаются как психоэмоциональное напряжение. Стресс оказывает влияние на

* © Завгородняя И. В., 2018.

здоровье человека, работу органов и систем его организма, приводя к развитию психосоматических заболеваний. Репродуктивная система мужчины и женщины, а также процесс вынашивания ребенка оказываются значимыми мишенями действия стресса.

В связи с этим закономерно возникают вопросы: надо ли избегать стресса во время беременности, и какое влияние стресс, переживаемый беременной женщиной, оказывает на формирующегося внутриутробно ребенка?

При наступлении беременности в организме женщины резко возрастает выработка кортикостероидных гормонов, которые образуются в коре надпочечников. Одна из групп кортикостероидных гормонов – глюкокортикоидные гормоны – обеспечивают повышенные потребности обмена веществ организма беременной для нормального роста и развития внутриутробного ребенка.

Однако увеличение уровня кортикостероидных гормонов у беременных женщин не приводит к повышению стресса¹. Более того, стрессоустойчивость женщины во время беременности находится на более высоком уровне по сравнению с ее небеременным состоянием. Это обеспечивается двумя факторами:

1) высокий уровень гормона прогестерона во время беременности способствует снижению тревожности женщины;

2) гипоталамус, отвечающий за развитие и поддержание стресс-реакции, у беременных менее чувствителен к стрессорам, благодаря чему у женщины в ответ на ранее значимые воздействия выделяется в два раза меньше гормонов стресса.

Кроме того, внутриутробно ребенок тоже защищен от кортикостероидных гормонов материнского организма ферментами плаценты и повышением уровня транскотрина, который отвечает за транспортировку кортикостероидов.

Физиологические возможности организма беременной позволяют переживать эустресс. Он считается тренировкой раздражителями умеренной силы и увеличивает адаптационные возможности организма как женщины, так и внутриутробного ребенка. Кроме того эустресс активирует отделы вегетативной нервной системы организма, способствует формированию гестационной доминанты. В связи с этим не следует полностью отказываться от любых переживаний стресса во время беременности.

Т. Верни² считает, что беспокойство в определенных дозах положительно сказывается на развитии ребенка, позволяя ему начать осознавать свои границы и побуждая к действию, чтобы выйти из неблагоприятного состояния, благодаря этому ребенок начинает формировать набор защитных механизмов.

Однако дистресс способен негативно повлиять на организм беременной и внутриутробное развитие ребенка. Дистресс во время беременности может быть вызван различными причинами и проявляется в состоянии неудовлетворенности, повышенной тревожности и раздражительности, снижении настроения и плохом засыпании.

Для обозначения негативного влияния стресса на внутриутробное развитие ребенка еще в 1972 году А. Вордом был введен термин «пренатальный стресс». Исследования влияния пренатального стресса в последнее время приобрели особую актуальность в связи с повышением социальной напряженности и нестабильности.

Пренатальный стресс – это негативный стресс, которому подвергается ребенок во внутриутробном периоде развития.

Анализ результатов современных исследований позволяют утверждать, что при хроническом стрессе в организме беременной женщины происходят изменения в функционировании нервной и эндокринной систем, что оказывает значительное влияние на внутриутробного ребенка. Можно выделить два типа воздействия пренатального стресса:

- 1) прямое, т. е. происходящее во время вынашивания ребенка;
- 2) отсроченное, т. е. влияющее на жизнедеятельность ребенка после рождения.

Следует отметить, что одна и та же реакция – нервная и эндокринная – организма беременной женщины может приводить одновременно и к прямому и к отсроченному действию пренатального стресса на ребенка.

Влияние стресса матери на внутриутробное развитие ребенка можно проследить по следующим основным изменениям в материнском организме:

1. При стрессе у женщины происходит напряжение симпатического отдела вегетативной нервной системы и повышение концентрации адреналина и норадреналина в крови приводит к суже-

нию кровеносных сосудов, приносящих кровь ко всем внутренним органам, в том числе и к плаценте. В результате нарушаются обменные процессы, осуществляемые плацентой.

В этом случае прямое воздействие стресса матери на ребенка состоит в следующем: гипоксия и гипотрофия плода. Гипоксия напрямую отражается на головном мозге ребенка, клетки которого очень чувствительны к уровню кислорода в крови.

Отсроченное воздействие стресса на ребенка заключается в том, что после рождения это может привести к повышенной чувствительности к духоте, запахам, шумам, яркому свету и солнцу, к легкости возникновения головокружений и обморочных состояний.

2. Повышение в крови матери концентрации основного гормона стресса – кортизола – приводит к тому, что разрушающий его фермент в плаценте не справляется с нагрузкой и материнский кортизол проникает в кровь плода.

Прямое воздействие стресса на ребенка прослеживается в том, что на повышение уровня кортизола реагирует мозг плода и запускает регулирующие реакции через гипоталамус. Таким образом ребенок тренируется еще до рождения реагировать на стрессы.

К действию кортизола чрезвычайно чувствительны клетки мозга плода, который продолжает формироваться. Особенно воздействие стресса чревато для гиппокампа и миндалина, которые клеточными рецепторами улавливают кортизол. Повышенный уровень этого гормона, как и у взрослого человека, вызывает гибель нервных клеток мозга у плода.

Гормоны стресса приводят к задержке роста и излишней подвижности плода, неустойчивости нервных процессов, тревожности, расстройствам эмоциональной возбудимости, нарушениям ритма сна и бодрствования. Неслучайно, плод при стрессе матери сосет палец.

Отсроченное воздействие стресса на ребенка состоит в том, что нарушенная стрессреактивность гипоталамо-гипофизарно-адреналовой системы ребенка приводит к повышенной восприимчивости к стрессорам, физической предрасположенности к состоянию тревоги, быстрой истощаемости адаптационных ресурсов.

У ребенка присутствует эмоциональная лабильность, нарушения саморегуляции, склонность к формированию невропатии, неврозозов, психозов.

Функциональные изменения гипоталамуса и гиппокампа приводят к нарушениям в сфере нейроиммунноэндокринной регуляции, что создает предрасположенность к аутоиммунным заболеваниям, сахарному диабету 1 типа (инсулинозависимому), эндокринному бесплодию у женщин, развитию остеопении и остеопароза.

Повышается риск формирования у ребенка синдрома двигательного возбуждения и гиперактивности (СДВГ). Синдром проявляется у детей в возрасте 8-9 лет, матери которых испытывали стресс на 12-22 недели беременности.

Увеличивается риск развития аутизма у ребенка при переживании дистресса матерью в период 21–32 недели беременности с пиком 25–28 недель.

3. В крови беременной женщины при стрессе изменяется уровень половых гормонов – повышается содержание тестостерона, который достаточно легко проходит через плаценту и попадает в кровь плода.

Прямое воздействие стресса на ребенка будет заключаться в том, что повышение уровня тестостерона приводит к нарушению нормального развития центра полового диморфизма у плода, расположенного в гипоталамусе. Функциональная «настройка» этого центра происходит в третьем триместре беременности.

Повышение уровня тестостерона по-разному действует на плод женского и мужского пола. У девочек тестостерон вмешивается в формирование женской половой системы, приводя к уменьшению размеров матки и яичников.

У плодов мужского пола повышение уровня тестостерона приводит к уменьшению размеров центра полового диморфизма в гипоталамусе, который отвечает за запуск и развитие мужского полового поведения. В результате нарушается синтез половых гормонов.

Отсрочено воздействие стресса прослеживается в том, что у девочек впоследствии наблюдается нарушение циклических изменений содержания половых гормонов (фолликулостимулирующего и лютеотропного гормонов, эстрадиола, тестостерона, прогестерона), а также снижение способности к зачатию за счет нерегулярно-

сти овуляции и уменьшение возможности вынашивания беременности. В целом присутствует снижение плодовитости.

Девочки физиологически привыкают реагировать на стресс не выработкой кортизола, а увеличением тестостерона.

У мальчиков впоследствии проявляется демаскулинизация и феминизация полового поведения, частным вариантом которого становится гомосексуализм.

В целом, при стрессе гормоны материнского организма проникают через плацентарный барьер и оказывают влияние преимущественно на развивающийся головной мозг ребенка, а также воздействуют на формирование его половой системы.

Прямое воздействие пренатального стресса на внутриутробного ребенка создает организмическую и функциональную основу для формирования отсроченных последствий, которые практически невозможно корректировать. Пренатально воспринятые и зафиксированные в памяти ребенка впечатления становятся содержанием его бессознательного и воспринимаются впоследствии человеком как его собственные. Кроме того, сформировавшийся в условиях пренатального стресса организм уже функционирует самостоятельно. Он физиологически формирует по типу импринтинга реакции на стресс и воспроизводит их во взрослой жизни.

Исследования Е. Ю. Печниковой³ показали, что у женщин с бесплодием в 99 % случаев диагностируется пренатальный стресс и в 90 % случаев определяется родовая травма. Следовательно, пренатальный стресс является предиктором расстройств репродуктивной системы. Поскольку у женщин наблюдается истощение пренатально модифицированной адаптационной системы, то они находятся в хроническом стрессе или дистрессе, что и проявляется в состоянии бесплодия. В качестве ведущего стрессора у женщин с пренатальным стрессом и состоянием бесплодия выступает нарушение онтогенеза репродуктивной сферы, который проявляется в искажении диадических отношений, привязанности, полоролевой идентичности, партнерских отношений и в неготовности актуальной ситуации рождения ребенка. Все вместе эти нарушения приводят к психологической неготовности женщины к материнству, что создает дистресс, провоцирующий активизацию измененной адаптационной системы. В результате происходит нарушение репродуктивной функции и как следствие возникает бесплодие. Устранение факторов, приво-

дящих к дистрессу у женщин с пренатальным стрессом, позволяет восстановить их репродуктивную функцию.

Отсроченное воздействие пренатального стресса проявляется и в возникновении психических заболеваний. Установлено, что риск развития шизофрении повышается у потомков матерей, перенесших массовые страдания и бедствия во время беременности. Особое значение для развития шизофрении имеет стресс беременной женщины, вызванный смертью отца ребенка. В исследованиях установлено шестикратное увеличение риска развития шизофрении среди потерявших отцов во внутриутробном периоде в сравнении с теми, кто потерял отца в младенчестве.

Очевидна важность беременности как периода первичной профилактики нарушений психического и физического развития ребенка. Минимизация стрессовых воздействий на беременную женщину, а также ее собственные навыки саморегуляции, снижающие восприимчивость к стрессу, являются заботой о будущем ребенке.

Будущая мать и внутриутробный ребенок в равной мере страдают от неблагоприятного влияния внешнего мира, которое фиксируется в долговременной памяти, оказывая на всю последующую жизнь ребенка. Для развития плода важны как положительные, так и отрицательные эмоции, испытываемые матерью во время беременности. Однако существенное негативное воздействие на развивающийся плод оказывает длительно действующий стресс матери, ее глубокие и длительные переживания.

¹ См. : Полякова О. Н. Стресс: причины, последствия, преодоление. – Санкт-Петербург : Речь, 2008. – 144 с. ; Резников А. Г. Эндокринологические аспекты стресса // Международный эндокринологический журнал. – 2007. – № 4 (10). – С. 24–32

² Верни Т. Тайная жизнь ребенка до рождения. – Москва : Аква, 1994. – 121 с.

³ См. : Печникова Е. Ю., Бобров И. А., Филиппова Г. Г. Пренатальный стресс и бесплодие // Репродуктивные технологии сегодня и завтра. Материалы XXI международной конференции Российской Ассоциации Репродукции Человека (8–10 сент. 2011 г., Санкт-Петербург). – Санкт-Петербург, 2011. – С. 106.

О. А. Иванова
ВЗАИМОСВЯЗЬ СКЛОННОСТИ К ПОСТНАТАЛЬНОЙ
ДЕПРЕССИИ И ТИПА ОТНОШЕНИЯ
К БЕРЕМЕННОСТИ И РОДАМ У МАТЕРЕЙ
ПРЕЖДЕВРЕМЕННО РОЖДЕННЫХ ДЕТЕЙ*

Проблема медико-психологического сопровождения женщин после родов является одной из наиболее важных в современной науке и практике. Она представляет широкое поле для проведения новых исследований, так как соответствующих работ по данному вопросу немного, а, значит, пока еще нет единого мнения по поводу того, как содержательно и организационно построить процесс сопровождения женщин после родов с целью повышения эффективности качества оказания медицинских услуг. Для этого очевидна необходимость исследования Я-концепции их личности, что способствует общему развитию перинатальной психологии и психологии родительства как научной области.

В процессе оказания медицинских услуг происходит лечение преждевременно рожденных или маловесных детей без учета психологического состояния их матерей. Таким образом, нет видимых различий в сопровождении матерей, родивших детей в срок, и матерей недоношенных детей. Однако, очевидно, что для Я-концепции личности матерей преждевременно рожденных детей характерны особенности, которые связаны с действием ряда причин. В качестве таковых выступают, зачастую, неожиданная ситуация родов, вызывающая стресс, трудности в период зачатия и вынашивания, влияющие на постоянную повышенную тревожность, риск последствий недоношенности для здоровья новорожденного ребенка, реальная угроза его жизни и здоровью в период выхаживания в отделении реанимации и интенсивной терапии недоношенных детей. Таким образом, необходима разработка вопросов психологической адаптации личности матерей преждевременно рожденных детей к сложившейся ситуации, переориентации ее на новые условия, требующие от нее эмоциональной выдержки, а также последующего медико-психологического сопровождения получения высокотехнологичной помощи в перинатальном центре.

* © Иванова О. А., 2018.

В рамках исследования взаимосвязи между показателями эмоционально-ценностного компонента Я-концепции матерей преждевременно рожденных детей в процессе их медико-психологического сопровождения мы предположили, что существует связь между шкалами-типами отношения к прошедшим беременности и родам по методике И. В. Добрякова и результатами Скрининг-шкалы постнатальной депрессии¹. В качестве базы эмпирического исследования выступило отделение выхаживания новорожденных № 3 БУЗ ВО ВОКБ № 1 г. Воронежа. Объектом эмпирического исследования являлись матери преждевременно рожденных детей в возрасте от 18 до 44 лет. Общий объем выборки составил 112 испытуемых. С женщинами проводилось психологическое исследование в течение первой недели пребывания в стационаре их детей, которым были поставлены диагнозы «недоношенность» (I, II, III, IV степени), «ишемия мозга», «синдром дыхательного расстройства новорожденного» и др. В работе применялся экспериментально-психологический метод исследования. С женщинами проводились индивидуальные и групповые беседы в ходе психодиагностического исследования с целью получения дополнительной информации об их психологическом состоянии. Так, удалось выяснить, что большинство обследованных матерей преждевременно рожденных детей обладали оптимальным типом отношения к беременности и родам. Для них характерны ровное отношение к себе в роли матери, спокойное восприятие отношений с близкими и чужими людьми, выдержанная позиция по отношению к своему ребенку, которая соответствует ситуации. Однако среди матерей преждевременно рожденных детей довольно часто встречались и те, кто обладает депрессивными тенденциями в сочетании с гипогестозическим, тревожным и депрессивным типом отношения.

На основе качественного анализа и сравнения данных, полученных с помощью методик, направленных на диагностику вероятности постнатальной депрессии и преобладающего типа отношения к прошедшим беременности и родам («Скрининг-шкала постнатальной депрессии» и «Тест отношения к беременности»²), мы воспользовались коэффициентом корреляции Пирсона для проверки предположения о взаимосвязи типа отношения к беременности и родам и вероятности возникновения постнатальной беременности (таблица 1).

Таблица 1

Результаты корреляционного анализа взаимосвязи вероятности возникновения постнатальной депрессии и типа отношения матерей недоношенных детей

Тип отношения (методика И. В. Добрякова)	Значение коэффициента корреляции Пирсона
Оптимальный	- 0,104
Гипогестогнозический	0,032*
Эйфорический	0,007
Тревожный	0,166*
Депрессивный	0,038*

* – значимо на уровне $\alpha=0,1$.

Таким образом, результаты корреляционного анализа могут свидетельствовать о наличии взаимосвязи результатов, полученных по методикам, диагностирующих вероятность возникновения постнатальной депрессии и таким тип отношения к прошедшим беременности и родам, как гипогестогнозический, тревожный и депрессивный, при уровне значимости $\alpha=0,1$. По оптимальному и эйфорическому типам статистически связь установить не удалось. Установленная же корреляционная связь подтверждена на довольно грубом уровне количественного анализа. По этой причине в данном исследовании мы можем говорить лишь о тенденции взаимосвязи депрессивного состоянии женщины и ее отношения к прошедшим беременности и родам. Однако, это позволяет дополнить описание характерных черт преобладающего типа отношения, данной И. В. Добряковым, качествами, связанными с вероятностью возникновения депрессии³. Матери преждевременно рожденных детей, обладающие гипогестогнозическим типом отношения к прошедшим беременности и родам, не склонны менять жизненный стереотип, у них «не хватает времени» или «нет возможности» регулярно приезжать в стационар к новорожденному ребенку, находиться с ним при медицинских процедурах, сцеживать грудное молоко для его кормления, активно участвовать в его выхаживании, ложиться снова в перинатальный центр на втором этапе выхаживания для совместного пребывания в палате с ребенком. Вероятно,

это связано с тем, что на данный момент они считают себя более успешными в других сферах жизни, желают заниматься в данный момент чем-то другим, обладают негативной оценкой «Я-мама» в реальности. Это приводит к депрессивным тенденциям при оценке себя как мамы. На наш взгляд, это связано с психологической неготовностью к материнству на данном этапе, наличием конкурирующих ценностей. Матери преждевременно рожденных детей с тревожным типом отношения к прошедшей беременности и родам склонны преувеличивать проблемы со здоровьем ребенка, не уверены в себе как в матери, в способности ухаживать, воспитывать своего ребенка. В то же время для них характерна тенденция усугублять данные качества, «накручивать» их в связи с действием депрессивных признаков. Возможно, это связано с тем, что тревожность присутствовала у испытуемых еще до рождения ребенка, например, на этапах зачатия или вынашивания. Трудности, пережитые в эти периоды, сформировали привычку тревожиться, направленность женщины на то, что «все будет плохо», «ничего не получится». Для них в фокусе внимания остается их собственные проблемы с осуществлением репродуктивной функции, а не родившейся ребенок. Матери преждевременно рожденных детей с депрессивным типом отношения к прошедшим беременности и родам обладают резко сниженным фоном настроения, эмоционально холодно или формально относятся к новорожденному, сконцентрированы на своих переживаниях (боятся быть покинутыми мужем, непринятыми окружающими), испытывая чувство вины за случившееся. Они воспринимают себя как неуспешную мать, не имеющую внутреннего личностного потенциала в данной сфере, обладают негативной оценкой «Я-мама», т. е. депрессивным настроением в отношении себя и своего ребенка. Вероятно, это может быть связано с желанием соответствовать социальным ожиданиям на этапе планирования и зачатия ребенка, т. е. для них для того, чтобы быть «хорошей» мамой, успешной в этой сфере, нужно родить здорового ребенка в срок.

Таким образом, в ходе исследования нами были получены статистический и фактический материал, который может использоваться психологом перинатального центра в просветительской, консультативной, психокоррекционной работе с матерями преждевременно рожденных детей и медицинским персоналом.

¹ См. : Добряков И. В. Перинатальная психология. – Санкт-Петербург : Питер, 2010. – 272 с. ; Завгородняя И. В. Психологический кризис беременности : монография. – Воронеж : Научная книга, 2013. – 182 с.

² См. : Добряков И. В. Указ. соч. ; Завгородняя И. В. Указ. соч.

³ См. : Добряков И. В. Указ. соч.

Е. Н. Лисова, Аль Лами Али Абдулкадер
ОБРАЗ ОБЩЕСТВА И ГРУППЫ
У ТЕРРОРИСТОВ ИЗ ИРАКА*

Образы общества и группы у террористов не являются научно разработанными. В науке анализ видовой специфики воспринимаемых общностей ограничен изучением образа семьи, образа трудового коллектива, и, пожалуй, образа студенческой группы. Учитывая, что развитие образа группы связано с ее развитием в целом, в том числе с изменением положения в обществе, претворением в жизнь ее замыслов, важно определить, как происходит согласование образа группы и образа общества у лиц, занятых террористической деятельностью, в целях ее профилактики и пресечения.

Общественное мнение негативно реагирует на различные ситуации терактов с массовыми жертвами, при этом формируются представления о том «как такое вообще возможно», «как они могли». Это ставит вопрос и о восприятии общества участниками терактов. Исследования показывают, что серьезный психический дефект отличает незначительную часть террористов¹. Оставшиеся являются вполне нормальными людьми, если не считать их психологической ущербности, которая состоит в серьезном уроне, нанесенном семейным воспитанием², а значит ценность представляет рассмотрение групповых на них влияний, в том числе в перцептивном плане.

Террористическая деятельность выступает как деструктивная активность, ориентированная на противодействие социально одобряемой системе связей и отношений и в обществе, и поэтому скорее

* © Лисова Е. Н., Аль Лами Али Абдулкадер, 2018.

всего сказывается на процессах социальной категоризации и идентификации ее субъекта. У террориста на образы группы и общества должны проецироваться существующие у него комплексы и моральные дилеммы. Проблемным их восприятие может быть у исключенного из общества субъекта и при наличии антисоциальных установок, как раз в наиболее полной мере отражающих непринятие общественной сути, что соответствует террористическому образу жизни.

В науке отмечается факт сужения всего мира и общества до рамок террористической группы в представлении террориста, с одной стороны, и негативные установки, представления о том, что он не принят, не понят социальным окружением, с другой стороны. Но неясность противопоставления обществу и его нормам мы обнаруживаем, если имеем дело с коллективистами, которые казалось бы, должны вообще позитивно оценивать социальную структуру и единое общежитие в принципе. Наше исследование было направлено на изучение образов общества и группы террористами из Ирака, что отвечает остроте проблематики террористической активности в данном регионе, и организационными возможностями обследования большого числа террористов в силу их массового нахождения в условиях отбывания уголовного наказания.

Были обследованы 200 заключенных 2 иракских тюрем (центральной в г. Багдаде и «Сусе» в северной части страны), отбывающие наказание по статье за терроризм. Среди них присутствовали только мужчины 24-67 лет. Характеристика выборки дана в таблице 1.

Таблица 1
Сведения о составе обследованных террористов

Социально-демографическая характеристика	Процентное соотношение ее вариантов			
	Образование	69,5 – отсутствует (из них 64,5 умеют читать и писать)	17,5 – закончили школу	9,5 – студенты бакалавриата
Национальность	94 – арабы		4 – курды	2 – турки

Организационно оказался эффективным лишь такой вариант диагностического обследования как выбор цвета карандашей, соответствующих представлению об обществе, а затем группы.

Результаты ранжирования цветов при выборе стимула «Общество» (табл. 2) позволили обнаружить две подвыборки. Они в целом демонстрируют поразительное единообразие восприятия общества в целом. Оно заключается в рассмотрении его как плохого, темного и неправильного, наполненного яростью, злобой. Здесь может выражаться противопоставление себя обществу не с только с чисто идеологических позиций, но и с точки зрения ситуации нахождения в заключении. Эта ситуация приводит к подавлению агрессивных импульсов, которые, накапливаясь, требуют выхода, но, сталкиваясь с ограничениями, порождают угнетенное восприятие собственной позиции в социуме. Общество воспринимается как источник страхов и собственной беспомощности.

Говорить о существовании именно двух типов мы можем на основании установления различий по Хи-квадрату (0,419, различия значимы при $p < 0,05$) между подвыборками.

Таблица 2

Результаты ранжирования цветов к стимулу «Общество»

Цвет	Подгруппа испытуемых № 1	Подгруппа испытуемых № 2
Красный	2	2
Оранжевый	5	5
Желтый	6	6
Зеленый	7	8
Голубой	9	9
Синий	8	7
Фиолетовый	4	3
Коричневый	3	4
Черный	1	1

Первый тип террористов – антагонистический (75,5 %) – специфичен восприятием большой степени противодействия со стороны общества и невозможности изменить свою позицию в нем. Второй тип террористов – непредсказуемый – представлен реже в три раза

(24,5 %) и характеризуется особенностями образа общества: импульсивностью и напряженностью, сильным разочарованием в нем.

При рассмотрении образа группы (табл. 3) установлены три подвыборки с разным цветовым выбором также с поразительным единообразием. Оно заключается в рассмотрении группы как плохой, темной и неправильной, наполненной яростью, злобой. Но это, в сравнении с образом общества, может выражать не противопоставление, а слияние с деструктивными идеологическими позициями, факт сужения общества до группы, тем более, что черный и красный цвета вообще являются распространенными в одежде и символике террористов данного региона и, значит, являются предпочитаемыми. Группа тоже приводит к подавлению агрессивных импульсов, которые накапливаясь требуют выхода, но, сталкиваясь с ограничениями, влекут восприятие угнетенной собственной позиции, и могут тем самым проецироваться во вне. В сравнении с образом общества образ группы мы интерпретируем при всей общности выбранных цветов как источник общих страхов и собственной беспомощности именно вследствие нахождения в заключении.

Утверждать о существовании именно двух типов мы можем на основании установления различий по Хи-квадрату (между первым двумя типами 0,286, между вторым и третьим – 0,992, а между первым и третьим – 0,667, различия значимы при $p < 0,05$).

Таблица 3

Результаты ранжирования цветов к стимулу
«Террористическая группа»

Цвет	Подгруппа испытуемых № 1	Подгруппа испытуемых № 2	Подгруппа испытуемых № 3
Красный	2	2	1
Оранжевый	5	5	5
Желтый	7	7	7
Зеленый	8	8	8
Голубой	9	9	9
Синий	6	6	6
Фиолетовый	4	3	4
Коричневый	3	4	3
Черный	1	1	2

Для отвергающего типа террористов (43,5 %) характерен такой образ общества, который предполагает критичную по отношению к нему настроенность, выражаемую агрессией. Подавленный тип террористов (38 %) агрессивно настроен, стремясь выразить низшие влечения, но понимает тщетность собственных усилий. Пессимистичный тип (18,5 %) в образе группы акцентирует разочарование и стремление наверстать упущенное, удовлетворив собственные потребности.

Полученные результаты имеют значение для осуществления антитеррористической деятельности, ведь «принципиальное отличие современного терроризма от всех известных ранее форм и его проявлений – способность с помощью манипулирования общественным сознанием "превращать" сильного противника (общество, государство) в слабого и неспособного к противостоянию»³. Это позволяет проводить профилактику, направленную на купирование влияния террористической пропаганды среди молодежи путем выработки адекватного отношения к обществу и его устоям, а также определять носителя протеррористического поведения в группе на основе его отношения к ней.

¹ См. : Психология и психопатология терроризма. Гуманитарные стратегии антитеррора. Сб. статей / под ред. М. М. Решетникова. – Санкт-Петербург : Восточно-Европейский Институт Психоанализа, 2004. – 352 с.

² Клейменов И. М., Нуртазин А. Б. Психопатология террора // Психопедagogика в правоохранительных органах. – 2006. – № 2. – С. 84–85.

³ Стальмахов В. А. Терроризм как политическая проблема современного Российского государства: автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Нижний Новгород, 2011. – С. 9.

О. П. Макушина
СЕЛФИ – УВЛЕЧЕНИЕ, РАССТРОЙСТВО
ИЛИ ЗАВИСИМОСТЬ? *

В современном обществе фотография стала неотъемлемой частью жизни человека. Социальные сети содержат огромное количество фотографий, преимущественно сделанными самостоятельно. Данное явление – селфи – захватило практически весь цивилизованный мир, привлекая к себе не только молодежь, но и более взрослую категорию населения: президенты, Папа Римский, английская королева, знаменитые актеры и певцы, даже космонавты, находящиеся в открытом космосе – их всех можно увидеть в социальных сетях на селфи.

«Selfie» переводится с английского как «сам» или «себя». Селфи – это запечатление самого себя на камеру мобильного телефона, планшета. Слово «селфи» стало популярным впервые в начале 2000 года, а затем в 2010 году благодаря развитию встроенных функций фотоаппарата мобильных телефонов. В декабре 2012 года журнал Time отметил, что слово «selfie» вошло в «Топ-10 модных словечек» 2012 года. Хотя селфи существовало в течение многих лет, однако именно в 2012 году этот термин действительно стал хитом нового времени. По данным опроса 2013 года, две трети австралийских женщин в возрасте 18–35 лет использовали селфи для получения и размещения фотографий в социальной сети Facebook.

В связи с активным распространением данного явления возникает вопрос: что лежит в основе желания делать селфи, чем так притягательно селфи для современного человека?

Во-первых, селфи – это способ сообщить миру о своем существовании, занять место в пространстве общения. С помощью «мобильного автопортрета» можно привлечь к себе внимание, продемонстрировав себя в разных ситуациях, запечатлев волнующие моменты своей жизни, и получить обратную связь – лайки. Лайк или комментарий под селфи – это виртуальное социальное «поглаживание». Получив большое количество лайков, человек получает подтверждение того, что он хороший, достоин любви, внимания и уважения. Таким образом, выкладывание в социальных сетях

* © Макушина О. П., 2018.

своих фотографий и получение откликов подписчиков – это своеобразный процесс общения в условиях виртуальной реальности.

Селфи – это сообщение, приглашение к диалогу, к одобрению или обсуждению своих действий. Очень часто зрительная коммуникация становится доминирующей, фотографии начинают говорить больше, чем слова, и сильнее подталкивают к какому-либо действию. Собственный портрет с характерным выражением лица и в определенной ситуации может сообщить больше, чем прямое речевое высказывание. Селфи стало удобным и оперативным способом быстрого общения, который при этом привлекает массовое внимание к человеку.

Наряду с этим, селфи удовлетворяет потребность человека в контроле, так как герой и автор фотоснимка – одно лицо. В этом случае индивид получает возможность полностью выверить все нюансы полученного изображения, скорректировать все внешние условия и самостоятельно сформировать свой собственный образ. При этом образ этот на всех селфи, как правило, повторяющийся и однотипный. Человек воспроизводит один и тот же ракурс, гарантированно избегая случайных неудач, подтверждая таким образом свою самооценку и свое собственное видение самого себя. Однако при этом он исключает и возможности для саморазвития, связанные с открытием его новых возможностей, новых сторон, которые могут быть обнаружены только сторонним фотографом. Но чтобы взглянуть на себя со стороны, надо уметь довериться другому человеку с камерой. Поскольку это может вызывать тревогу, для многих людей селфи стало самым безопасным вариантом. Таким образом, селфи может выступать своеобразным способом «ухода от себя».

Публикуя селфи, индивид также сообщает окружающим подчас довольно интимную информацию, признается в слабостях, заявляет о своей естественности, демонстрирует принятие самого себя – ведь очень часто качество таких фотографий невысокое, а сюжет – бытовой, обыденный. Получается, любовь к таким автопортретам выступает своеобразным отказом от погони за успехом. Человек как будто говорит: «Я не стесняюсь себя, поэтому выкладываю все, как есть, не прибегая к фотошопу».

При этом в селфи проявляется мощный эгоцентризм человека – в центре такой фотографии всегда находится сам фотограф.

Селфи представляет собой социально одобряемый способ самолюбования, выпячивания себя, демонстрации своих достоинств. Согласно мнению многих психологов, селфи – это новый уровень развития человеческого нарциссизма. Это не эволюция человека и его представлений о себе и своей роли в обществе, а технологическое воплощение естественной человеческой потребности, которая раньше проявлялась менее остро в силу отсутствия доступных каналов распространения информации.

Селфи может рассматриваться и как способ повысить самооценку. Если человек характеризуется самокритичностью, даже предвзятостью в отношении себя, то ему обычно не нравится, как он выглядит на фотографиях, сделанных другими людьми. Однако, фотографируя себя, он может не ограничиваться в количестве сделанных кадров в поисках идеального ракурса. Затем из своих снимков он может выбрать самые, как ему покажется, удачные и совершенные. Тем самым он создает идеальный образ самого себя для представления окружающим.

Наряду с вышесказанным, селфи – это и способ самопознания. Можно предположить, что постоянно растущее влечение человечества к селфи связано с тем, что человек очень мало знает и плохо понимает собственное лицо. Селфи – это инструмент внутреннего исследования, которое можно считать завершенным только после того, как оно опубликовано: селфи помогает индивиду «фальсифицировать себя», редактировать свой образ так, чтобы соответствовать собственному восприятию.

Селфи также может рассматриваться как виртуальный аналог памятных сувениров, цель которых – напомнить себе о прошлом, соединить внутренний мир человека с внешним. Это одна из форм личного перформанса, заявление о самоидентичности, возможность «упаковать» себя и свой мир в правильную обертку, даже если в реальности она совсем другая. В мире тотальной рекламы и маркетинга человек начинает считать себя социальным товаром и, сам часто не замечая этого, ищет возможности «продать» себя обществу. Селфи является наиболее эффективным инструментом для реализации стратегии «казаться, а не быть».

Также селфи – это способ проявить конкуренцию, посоревноваться – чей снимок лучше и наберет больше лайков. Особенно данный мотив характерен для подростков.

Для многих подростков характерна дисморфофобия – синдром, заключающийся в недовольстве своей внешностью: слишком большим носом, оттопыренными ушами и т. д. Поэтому они особое значение придают своему физическому Я и тому, как их оценивают окружающие. В этом возрасте для них более значимо мнение о себе сверстников. Отсюда соревновательный момент: кто лучше, красивей, смелее, сильнее. Селфи дает такую возможность – выглядеть самым лучшим.

Особенность увлечения селфи состоит в том, что человек не просто себя фотографируют, а выкладывает снимки в Интернет, имея на них большое количество позитивной оценки в виде лайков. Чем больше количество лайков получило селфи, тем выше чувство удовлетворения и довольства собой, которого не хватает в реальной жизни. Отсюда стремление сделать не просто красивый кадр, а кадр в экстремальной ситуации. Ради одобрения многие люди начинают рисковать своей жизнью, и это создает серьезные проблемы.

Итак, закономерно возникает вопрос: селфи – это болезнь или развлечение? Все зависит от интенсивности выраженности данного пристрастия и от того места, которое оно занимает в жизни человека. Чрезмерная увлеченность селфи приводит к серьезным последствиям. В интернете есть информация о том, как Дэнни Баумэн, подросток из Великобритании, попытался покончить жизнь самоубийством, после того как ему не удалось сфотографировать совершенное селфи. Им так сильно завладело желание сделать идеальный снимок, что он проводил 10 часов в день, снимая порядка 200 селфи. Он потерял почти 14 килограммов, бросил школу и не выходил из дома в течение шести месяцев, пытаясь сделать правильную фотографию. Сразу после пробуждения он делал около 10 снимков. Расстроенный неудачными попытками сделать фотографию своей мечты, Баумэн наглотался таблеток и попытался уйти из жизни, но его спасли. «Я постоянно пытался снять идеальный селфи, а когда понял, что не могу, захотел умереть. Я потерял друзей, образование, здоровье и почти потерял жизнь», – рассказывал он. В 2014 году его признали первым в Великобритании селфи-наркоманом.

В настоящее время некоторыми психиатрами селфимания признана психическим заболеванием, которое получило название «селфит» или «селфизм».

Можно выделить предвестники возникновения зависимости от селфи. Выделяют три стадии на пути к зависимости от селфи:

1) человек фотографирует себя не более трех раз в день, и без особого желания выставлять снимки в социальные сети, это получило название «пограничный селфит»;

2) острая форма: человек делает уже как минимум три своих фото в день и обязательно размещает их на своих страничках в социальных сетях.

3) хроническую форма – это фотографирование себя в любой удобный момент с последующим размещением снимков в интернете. Причем если такой возможности в силу разных обстоятельств нет, то человек испытывает состояние, схожее с ломкой у наркоманов, алкоголиков: его преследует дискомфорт, головные боли, им движет желание найти доступ к интернету любой ценой.

Итак, совершенно очевидно, что «селфи» представляет собой новый способ самоидентификации современного человека, его желания заявить о себе, выразить самого себя. Сложность явления селфи заключается в том, что, с одной стороны, на поверхностном уровне проявляется публичное манифестирование своей индивидуальности, а с другой – это свидетельство ее утраты и растворения образа человека в дублирующих друг друга сценах, масках, позах и выражениях лица. Глобальное осмысление феномена селфи еще предстоит осуществить ученым.

О. П. Малютина, И. Д. Меркулова
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ У СОТРУДНИКОВ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПРОТИВОПОЖАРНОЙ СЛУЖБЫ
МЧС С РАЗНЫМ УРОВНЕМ РАЗВИТИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНО ВАЖНЫХ КАЧЕСТВ*

В наше время служба в пожарной охране характеризуется резким возрастанием эмоциональных и информационных нагрузок. Число пожаров с каждым годом растет, особенно в летний период. Повышенные требования к сотрудникам приобретают особое зна-

* © Малютина О. П., Меркулова И. Д., 2018.

чение, так как их деятельность связана с опасностью для жизни самих пожарных и других людей, что, конечно, не проходит незаметно для психики сотрудников ГПС МЧС и оказывает мощный отрицательный эффект на их трудовую деятельность и жизнь вообще.

Не менее важным нам кажется изучение профессионально важных качеств. Ведь их выраженность может способствовать улучшению повседневной деятельности пожарного и его эмоционального состояния.

Впервые термин выгорание («burnout») был введен американским психиатром Х. Фредепбергером в 1974 г. Первоначально под «выгоранием» подразумевалось состояние изнеможения с ощущением собственной бесполезности¹. Наиболее традиционным и общепринятым является понимание выгорания, предложенное К. Маслач и С. Джексоном. Согласно их концепции, под психическим выгоранием понимается состояние физического, эмоционального и умственного истощения, проявляющегося в профессиях социальной сферы. Этот синдром включает в себя три основных составляющих: эмоциональное истощение, деперсонализацию (цинизм) и редукцию профессиональных достижений. Входящие в него элементы независимы, могут существовать сами по себе в качестве отдельных элементов и в других состояниях. Но, лишь объединяясь вместе, они создают своеобразный синдром «психического выгорания»².

В поисках причин возникновения синдрома профессионального выгорания, обратимся к концепции, представленной в работах Маслач и Лейтер. Основная идея их подхода заключается в том, что выгорание является результатом несоответствия между личностью и работой. Увеличение этого несоответствия повышает вероятность возникновения выгорания. Они выделяют шесть сфер такого несоответствия: 1. Между требованиями, предъявляемыми к работнику, и его ресурсами. 2. Между стремлением работников иметь довольно большую степень самостоятельности в своей работе и жесткой и нерациональной политики администрации. 3. Между ожидаемым вознаграждением, соответствующим выполняемой работе, и реально получаемым вознаграждением. 4. При потере чувства положительного взаимодействия с другими людьми в своей рабочей среде. 5. Отсутствие представления о справедливости на работе. 6. Между требованиями работы и индивидуальными принципами людей.

Важно отметить, что существует причинно-следственная связь между выгоранием и особенностями личности. Степень взаимодействия между ними имеет двусторонний характер, однако влияние личностных черт на выгорание значительно более сильное, чем обратный эффект. Данный факт позволяет утверждать, что именно личностные черты являются основными внутренними детерминантами выгорания³. Остановимся более подробно на профессионально важных качествах – индивидуальных свойствах субъекта деятельности, которые необходимы и достаточны для ее реализации на нормативно заданном уровне и коррелируют хотя бы с одним ее основным результивным параметром (качеством, производительностью, надежностью). Заметим, что для успешного решения какой-либо профессиональной задачи человек должен обладать не простым набором отдельных профессионально важных качеств, а их системой, которая у разных профессионалов может не совпадать по составу, структуре, степени выраженности или включенности профессионально важного качества в процессе решения задачи⁴.

Психограмма сотрудников противопожарной службы включает ведущие группы, в которые входят следующие психологические качества: смелость, способность принимать правильное решение при недостатке необходимой информации, при отсутствии времени на ее осмысление, уравновешенность, самообладание при конфликтах, склонность к риску и т. д. Указанные качества проявляются в зависимости от специфики выполняемых задач и связаны с успешностью профессиональной деятельности. Как субъекты деятельности, пожарные-спасатели развивают личностные качества, выражающиеся в склонности к риску и стрессоустойчивости. При этом по мере профессионального становления происходит уменьшение склонности к риску, одновременно повышается стрессоустойчивость⁵.

При всем многообразии профессионально важных качеств можно назвать ряд из них, которые выступают как профессионально важные практически для любого вида трудовой деятельности. К таким качествам относятся: ответственность, самоконтроль, профессиональная самооценка и т. д. На наш взгляд, наличие таких общих профессионально важных качеств уже способствует понижению уровня риска возникновения профессионального выгора-

ния, так как они способствуют здоровой оценке своей профессиональной компетенции, помогают правильно распределять время и усилия на рабочем месте.

Особый интерес для нас, безусловно, представляют такие специфические особенности личности, которые способны регулировать уровень функционального состояния при несении службы в МЧС. Для пожарных как наиболее важное качество называют эмоциональную устойчивость, позволяющую сотруднику сохранять необходимую физическую и психическую работоспособность в условиях чрезвычайной ситуации. Эмоциональная устойчивость позволяет спасателю более эффективно справляться со стрессом, уверенно и спокойно применять свои профессиональные навыки, принимать адекватные решения в обстановке дефицита времени. Устойчивые к стрессу лица характеризуются как активные, неимпульсивные, настойчивые в преодолении трудностей⁶. Важно отметить, что пожарные подвергаются повышенному риску. Они сознательно идут на опасность, и успех здесь часто зависит от уровня развития моральных и волевых качеств человека, осознания ответственности, долга, самообладания, мужества и мастерства. Знания, умения, опыт иногда не только подкрепляют волевое качество смелости, но и в некоторой степени принимают часть ее функций на себя. Однако в минуты реальной опасности часто возникает нервное возбуждение, свойственное переживанию опасности. Оно мобилизует пожарных на активные действия и помогает выйти из этой ситуации⁷.

Высокий уровень внимания является весьма значимым в деятельности пожарного. Все его свойства – объем, переключение, распределение, устойчивость играют важную роль в деятельности пожарного и спасателя. При тушении пожаров и спасении людей пожарные и спасатели должны удерживать в поле зрения ряд объектов, распределять свое внимание между ними и уметь быстро переключать свое внимание с одного действия на другое.

Волевой самоконтроль и саморегуляция очень важны в деятельности сотрудников ГПС. В ситуациях повышенной опасности и дефицита времени пожарный должен обладать способностью контролировать все свои действия, четко и быстро принимать решения. Только волевой самоконтроль позволяет без сомнений и промедлений идти в огонь. Эмоционально-волевая устойчивость

проявляется в отсутствии у сотрудника в экстремальных ситуациях психологических реакций, снижающих эффективность действий и порождающих неточности, промахи, ошибки. Это высокий уровень самоконтроля и безукоризненное выполнение профессиональных действий в психологически сложных условиях. Это умение сохранять профессиональную бдительность, проявлять разумную осторожность и внимание к риску, опасности, неожиданностям. Вместе с тем волевой самоконтроль способствует неподатливости к психологическому давлению со стороны третьих лиц, пытающихся влиять на действия пожарного, ведь часто люди, попавшие в беду, могут вести себя неадекватно в силу своего стрессового состояния. Для сотрудника ГПС важно уметь владеть собой в психологически напряженных, конфликтных, провоцирующих ситуациях⁸. В противном случае, при отсутствии компенсаторных механизмов у пожарного через некоторое время неизбежно начнет развиваться профессиональное выгорание.

Мы считаем, что наиболее важными и наиболее специфичными для данной профессии являются такие качества как волевой самоконтроль и готовность к риску. Именно они необходимы для осуществления успешной деятельности пожарного, поэтому именно их мы изучаем в нашей работе.

Исходя из предположения, что есть различия в уровне профессионального выгорания у сотрудников с разным уровнем развития профессионально важных качеств, а именно: у сотрудников с более высоким уровнем развития волевой саморегуляции будет наблюдаться меньший уровень профессионального выгорания; у сотрудников с более высоким уровнем готовности к риску – меньший уровень профессионального выгорания.

В нашей работе объектом эмпирического исследования выступили 120 пожарных города Воронежа в возрасте от 21 до 46 лет (мужчины).

Диагностика профессионально важных качеств и профессионального выгорания пожарных проводилась методом стандартизованного самоотчета, представленным следующими методиками: 1. Тест-опросник «Исследование волевой саморегуляции» А. Г. Зверькова и Е. В. Эйдмана; 2. Методика «Готовность к риску» А. М. Шуберта; 3. Методика диагностики уровня профессионального выгорания В. В. Бойко.

По результатам первого теста, мы увидели, что у большинства пожарных был выявлен высокий уровень общей волевой саморегуляции (93 %). В результате обследования по второй методике, мы получили данные о том, что склонны к риску 15 % и 10 % имеют склонность к безудержному риску. По результатам третьей методики было выявлено, что у 47 % обследованных пожарных хотя бы одна фаза выгорания находится в стадии формирования. У 15 % есть хотя бы одна сформированная фаза профессионального выгорания. У 40 % пожарных не сформирована ни одна фаза выгорания.

Говоря о готовности к риску, можно предположить, что низкий уровень развития этого качества приводит к тому, что пожарному каждый раз приходится бороться с собой, прежде чем принимать сложные решения, связанные с риском, в условиях чрезвычайной ситуации, где почти всегда есть опасность для жизни и дефицит времени. Таким образом, пожарный каждый раз оказывается в условиях конфликта между приказом начальника (руководителя тушения пожара) и профессиональным долгом и собственной неготовностью рисковать своей жизнью. Такие психологические перегрузки неизбежно ведут к нарастанию напряжения у сотрудника ГПС, что способствует возникновению депрессивного состояния и, конечно, развитию профессионального выгорания.

Напротив, у сотрудника с выраженной готовностью к риску не возникает внутреннего конфликта в условиях, опасных для жизни, а скорее наоборот, удовлетворяется потребность в экстремальном состоянии, которую сложнее реализовать в условиях обычной жизни.

Говоря о волевой саморегуляции, как профессионально важном качестве пожарного, полученные результаты можно объяснить следующим образом. Сотруднику ГПС с низким уровнем волевой саморегуляции сложнее контролировать свои эмоции и поведение в ситуациях, сопряженных с опасностью для его жизни и жизнью других людей. Такой пожарный может испытывать сильные эмоциональные переживания, вследствие низкого уровня самообладания. Это может создавать сложности в профессиональной деятельности, а так же во взаимоотношениях с начальством и коллегами, что, безусловно, влияет на общее психологическое состояние сотрудника и создает предпосылки для развития профессионального выгорания. Пожарный с высоким уровнем волевой саморегуляции способен четко контролировать свое поведение и эмоциональное

состояние в условиях чрезвычайной ситуации, исключая таким образом, ухудшение своего психологического состояния, а следовательно, предотвращая появление симптомов профессионального выгорания. В силу того, что по результатам исследования не было выявлено значимых различий в выгорании у сотрудников с высоким и низким уровнем волевой саморегуляции, можно предположить описанный выше механизм присущ не всем.

Обращаясь к концепции Маслач и Лейтер, низкий уровень развития профессионально важных качеств можно отнести к первой группе факторов развития профессионального выгорания – несоответствию между требованиями, предъявляемыми к работнику, и его ресурсами.

Надеемся, результаты нашего исследования могут быть использованы психологами структуры МЧС. В качестве рекомендаций для психологов, работающих в системе МЧС и ГПС, мы можем предложить при профотборе личного состава пожарного подразделения проводить диагностику профессионально важных качеств и учитывать полученные результаты при приеме кандидатов на службу. Вместе с тем профилактика профессионального выгорания остается приоритетным направлением в работе соответствующих подразделений.

¹ См. : Бойко В. В. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональном общении. – Санкт-Петербург : Питер, 1999. – 105 с.

² Здесь и далее мы будем отождествлять понятия эмоционального и профессионального выгорания, так как не нашли значимых различий в соответствующей литературе.

³ См. : Малютина О. П. Динамика работоспособности. Синдром профессионального выгорания : Учебно-методическое пособие для вузов. – Воронеж : ИПЦ ВГУ, 2013. – 50 с.

⁴ См. : Там же.

⁵ См. : Беспалов Б. И. Психодиагностика профессионально важных качеств и профотбор диспетчеров пожарной службы «01» // Вестник МГУ. Сер. 14. Психология. – 1998. – № 3 – 1998. – С. 79–94.

⁶ См. : Профессиографическое описание основных видов деятельности сотрудников ГПС МВД России : пособие / под ред. М. И. Марьина. – Москва : ВНИИПО, 1998. – 103 с.

⁷ См. : Там же.

⁸ См. : Там же.

Н. М. Пинегина
ЖИТЬ «БЛАГОДАРЯ» ИЛИ «ВОПРЕКИ» –
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ*

Личная жизнь строится людьми разного типа с помощью различных стратегий жизни, и представляет собой «индивидуальное решение каждой жизненной судьбы, индивидуальное определение своего места в обществе, особое отношение к ценностям, особый способ их реализации или отрицания»¹.

Стратегия жизни в широком ее понимании (в отличие от многочисленных жизненных тактик) – это принципиальная, реализуемая в различных жизненных условиях, обстоятельствах способность личности к соединению своей индивидуальности с условиями жизни, к ее воспроизводству и развитию². Для каждой личности характерен свой неповторимый, уникальный способ жизни, способ ее структурирования, организации, с одной стороны, и оценивания, осмысления – с другой. Стратегия определяется и как способность строить жизнь в соответствии со своей индивидуальностью, типом личности, и как способ разрешения противоречий между внешними и внутренними условиями реальной жизни, в которой внешние условия не всегда соответствуют потребностям, способностям, интересам данного человека³.

Поскольку каждый строит свою жизнь сам, стратегия жизни является индивидуальным достоянием, индивидуальным открытием каждого. В итоге каждый человек имеет такую жизнь, которую он построил сам. Принципиальное различие состоит в том, что один действительно строит свою жизнь сознательно (активная жизненная стратегия), другой только использует то, что есть в наличии (пассивная жизненная стратегия). Далек не каждый может стать субъектом, строителем, творцом своей жизни.

Одним из основных противоречий в жизненной стратегии человека является противоречие между индивидуальным и общественным, поэтому важно осознание каждым человеком собственной жизни как свободного пространства для выбора собственного направления развития⁴. Вопрос о том, как соотносить свою индивидуальность со способом жизни, составляет принципиальную сто-

* © Пинегина Н. М., 2018.

рону жизненной стратегии. Решение этого вопроса, осуществляемое человеком на протяжении жизни, составляет собственное содержание индивидуальной жизни.

Выработка духовных, культурных, нравственных ценностей, превращение их в принципы своей жизни, борьба за их реализацию могут составлять основную стратегию, основное стратегическое направление жизни.

О. С. Васильева и Е. А. Демченко говорят о том, что стратегия – это «искусство ведения собственной жизни, главной целью которой является поиск и осуществление своего уникального смысла»⁵.

На формирование жизненной стратегии в немалой степени влияет жизненная позиция человека.

Жизненная позиция – это понятие, обозначающее осознание человеком своей роли и своего назначения в жизни в соответствии со своими целями, ценностями и смыслом жизни, и их реализации с помощью жизненной стратегии.

Жизненная позиция характеризуется и противоречиями, и способом их решения (конструктивным, пассивным, поверхностным). Человек может иметь активные жизненные устремления, высокие нравственные идеалы и ценности, но способ организации жизни (неумение, страх, пассивность в реализации своих устремлений) может противоречить этим исходным «добрым намерениям». Оказывается, что жизненная позиция такого человека не соответствует этим стремлениям, потребностям. В таких случаях человек либо начинает оправдывать себя, либо пытается изменить свою позицию.

Жизненная позиция – это совокупность реализованных жизненных отношений, ценностей, идеалов и найденный характер их реализации, который и определяет дальнейший ход жизни⁶.

Таким образом, стратегия жизни в узком понимании – это способность к самостоятельному построению своей жизни, к принципиальному, осмысленному ее регулированию в соответствии с кардинальным направлением – смыслом жизни человека⁷.

О. С. Васильева и Е. А. Демченко в качестве основных характеристик жизненной стратегии человека выделяют следующие: 1) принятие ответственности за свою жизнь; 2) осмысленность жизни; 3) наличие системы ценностей и 4) наличие жизненных целей. Они жизненные цели и систему ценностей, на основе которой выстраива-

ются цели, относят к качественным характеристикам жизненной стратегии, поскольку они отражают ее содержание: то, к чему стремится человек. К количественным характеристикам жизненной стратегии они относят уровень ответственности и осмысленности жизни, поскольку они могут оказывать влияние на удовлетворенность человека жизнью. Проблема стратегии жизни, по мнению этих авторов, связана с проблемой смысла жизни. Они говорят о том, что первая проблема отвечает на вопрос: как жить, а вторая – ради чего жить⁸.

Критерием развития личности служит наличие или отсутствие у нее смысла жизни – жизненной концепции, которая характеризует теоретический способ организации личностью жизни. В реальной жизни личностью объединяются жизненная позиция, жизненная линия и смысл жизни. Смысл жизни отражает жизненную концепцию человека, осознанный и обобщенный принцип его жизни, его жизненную цель. В более широком аспекте, смысл – это ценность и одновременно переживание этой ценности человеком в процессе ее выработки, присвоения или осуществления. К. А. Абульханова-Славская говорит о том, что смысл жизни – это психологические переживания жизни в процессе ее осуществления⁹. Способность субъекта переживать ценность жизни составляет ее смысл. Смысл жизни – это и способность субъекта переживать ценность жизненных проявлений своей индивидуальности, своего «Я», своей личности¹⁰. С одной стороны, смысл жизни выражает притязания личности, ее стремления, потребности, с другой – является подтверждением ее реальных достижений, реальной способности выразить себя в формах жизни.

Смысл жизни, более возвышенный или более приземленный, определяет ее семантику: стремится ли человек в жизни преимущественно получать или отдавать. Осуществляя уникальный жизненный смысл в соответствии со своими ценностями, человек должен задаться вопросом, как он идет по жизни, какие жизненные цели ставит перед собой, насколько осознает их. Наличие или отсутствие целей, которые придают его жизни осмысленность, направленность и временную перспективу, указывают на их осознанность, а также на целеустремленность и способность человека планировать жизнь, а не только жить сегодняшним днем.

Примеры того, как люди находят в жизни смысл, несмотря на выпавшие несчастья, собрал и обработал профессор Миланского

университета Фаусто Массимини. В одну из изучаемых групп входили люди, в результате травм или несчастных случаев получившие паралич конечностей. Одним из самых неожиданных результатов его исследований было то, что даже спустя годы после несчастья люди неоднозначно оценивали трагический случай, изменивший их жизнь. С одной стороны, это была трагедия. Но с другой, пациенты, справившиеся с возникшими увечьями, говорили о появлении у них ясных целей в жизни, которых не было раньше. При этом молодые люди испытывали настоящую гордость от того, что научились жить не «благодаря», а «вопреки», что в корне изменило их смысл жизни.

В современной жизни много таких ограничителей даже и без трагических причин. Как живет современная молодежь – благодаря или вопреки? Благодаря или вопреки чему или кому? Благодарны ли она своим «вопреки»?

С целью ответов на поставленные вопросы было проведено пилотажное исследование на базе Воронежского государственного университета, факультета философии и психологии. В исследовании участвовало 122 студента с 1 по 3 курс, отделения психологии. Из них 103 девушки и 19 юношей. Средний возраст испытуемых – 19,5 лет.

Проведенное пилотажное исследование показало следующие результаты. В общем 112 человек предпочитают жить по принципу «благодаря», что составляет 92 % от общей выборки испытуемых, 13 человек, что составляет 11 % живут согласно принципу «вопреки» и 17 человек, что составляет 14 % выбирают в качестве принципа своей жизни «вопреки, но и благодаря», то есть они благодарны своим «вопреки».

Проанализируем полученные результаты отдельно по курсам.

На 1 курсе 31 человек (77,5 %) живут по принципу «благодаря». Они в первую очередь благодарны своим родителям (семье). Во вторую очередь мы обнаруживаем, что молодежь благодарна своему разуму, возможностям, энергии, обстоятельствам, любви к жизни, новым эмоциям, харизме, вкусностям, мечте путешествовать, просто мечтам, целям, планам, Богу. Однако, есть довольно интересная «благодарность» – стечению обстоятельств, случаю. Необходимо обратить внимание, что все так называемые «благодарности» относятся либо к родителям, либо к себе, то есть носят индивидуальный характер. Однако, 2 человека указали на так на-

зываемые «социальные благодарности» – благодаря тому, что вокруг много интересных людей, благодаря стране в которой живу.

3 девушки 1 курса (7,5 %) живут «вопреки»: общественному осуждению, стереотипному мышлению, сложным жизненным обстоятельствам, равнодушию людей.

Однако, 6 человек, что составляет 15 % от выборки студентов 1 курса, считают, что они живут как «благодаря», так и «вопреки». Они живут «вопреки» мнению окружающих и собственным силам, сложностям, но «благодаря» планам на дальнейшую жизнь; «вопреки» желаниям общества, но «благодаря» пониманию близкими людьми, «вопреки» мнению окружающих, но «благодаря» стремлению доказать, что они достойны этой жизни; «вопреки» общественным стереотипам и желанию видеть их кем-то другим, но «благодаря» поддержки близких людей, «вопреки» лжи, лицемерия, предательства, но «благодаря» саморазвитию и своим родителям. В данном случае, мы видим, что разные «вопреки» выступают неким стимулом в жизни.

На 2 курсе мы видим немного иную картину результатов: 24 человека, что составляет 73 %, живут по принципу «благодаря». Они в первую очередь вновь благодарны своим родителям (семье). Во вторую очередь мы обнаруживаем, что молодежь благодарна судьбе и случаю, желанию жить, Богу, друзьям, своей мотивированности на дальнейшие успехи, красоте мира, благодаря тому, что существует «вопреки».

5 молодых человека (3 девушки и 2 парня) (15 %) живут «вопреки»: интересу к этому миру, своей безынициативности, желаниям своих родителей, вопреки своему рождению («Я не просил меня рожать»), так как «жизнь это череда случайных событий в которых нет никакого смысла, жизнь это своеобразное явление природы, вопреки бессмысленности своего существования»; вопреки полному отсутствию веры в удачный исход тех или иных начинаний, полному отсутствию представлений о будущем; вопреки собственным способностям и надеждам.

Однако, 4 человека, что составляет 12 % от выборки студентов 2 курса, считают, что они живут как «благодаря», так и «вопреки». Они живут: «вопреки» своего появления на свет, но «благодаря» спасению родственниками; «вопреки» сложившимся трудностям, но «благодаря» своей нужности; «вопреки» стереотипности и

устоям общества, но «благодаря» тем хорошим людям, которые их окружают; «вопреки» патриархальной системе жизни и оценивания, устоявшихся социальных норм, которым уже нет места в обществе, мнению, что женщина это «мебель», ограничениям и желанию загнать человека в клетку ограничений, без личного желания и мнения, но «благодаря» своему сильному духу, твердому характеру и гибкому, быстрореагирующему уму.

На 3 курсе мы видим довольно видоизмененную картину результатов в отличие от предыдущих двух курсов: 37 человек, что составляет 76 %, живут по принципу «благодаря». Они в равной степени благодарны как своим родителям (семье), так и себе; собственным усилиям, стараниям; своим ценностям; своей цели, своему опыту; своей правильной жизненной позиции; своему стремлению и интересу к жизни; жизнеспособности; Можем увидеть и такие высказывания, как: благодаря прелестям цивилизации; условиям, которые человеку дали; благодаря надежде на лучшее будущее; природе, которая подарила жизнь.

5 молодых человека, что составляет 10 %, живут «вопреки»: пренебрежительному и строгому родительскому отношению, традиционным стереотипам о том, как надо жить; своим трудностям и проблемам, чужому мнению; социальному строю, примата коллективизма над индивидуализмом, устаревших традиций; нежеланию рождаться.

Однако, 7 человек, что составляет 14 % от выборки студентов 3 курса, считают, что они живут как «благодаря», так и «вопреки». Они живут: «вопреки» глупости и жестокости окружающих, но «благодаря» любви близких; «вопреки» жизненным ситуациям, но «благодаря» своим друзьям; «вопреки» своим близким, но «благодаря» своему рождению; «вопреки» внутренним разрушающим мотивам, но «благодаря» своим мечтам и идеалам; «вопреки» желанию умереть, но «благодаря» случайности.

В заключение хотелось процитировать несколько строк Дж. Кристалл, который хорошо отражает, на мой взгляд, основную мысль этой статьи:

« ... Позорно личности в унынии пребывать,
И унижительно жалеть себя и быть несчастным,
Непозволительная роскошь от ума страдать,
И баловать себя безделием напрасным.

Безмерный эгоизм оправдан лишь тогда,
Когда он, разрушая, здравый смысл рождает....
Да будут счастливы, живущие – «благодаря»!
Но только «вопреки» живущих – счастье обожает!

¹ Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – Москва : Мысль, 1991 – С. 6.

² См. : Там же.

³ См. : Васильева О. С., Демченко Е. А. Изучение основных характеристик жизненной стратегии человека // Вопр. психологии. – 2001. – № 2. – С. 74–85 ; Рудакова О. В. Жизненные стратегии современного российского студенчества : дис. ... канд. социол. наук. – Москва, 2004. – 185 с

⁴ См. : Фромм Э. Иметь или быть. – Москва : Прогресс, 1990. – 330 с.

⁵ Васильева О. С., Демченко Е. А. Указ. соч. – С. 75.

⁶ См. : Абульханова-Славская К. А. Указ. соч.

⁷ См. : Акмеология / [под ред. А. А. Деркача]. – Москва : РАГС, 2002. – 650 с.

⁸ См. : Васильева О. С., Демченко Е. А. Указ. соч.

⁹ См. : Абульханова-Славская К. А. Указ. соч.

¹⁰ См. : Васильева О. С., Демченко Е. А. Указ. соч.

Л. В. Симонова

ОСОБЕННОСТИ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЕМЬЕ У СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ*

На современном этапе социокультурного развития семья как важнейший институт социализации личности претерпевает существенные изменения. Несомненно, семья и общество – это модели одной и той же системы, но разного масштаба. И поэтому, все изменения, происходящие в семье, свидетельствуют об изменениях в других областях человеческой жизни, государства, общества. В связи с этим является важным изучение представлений о семье юношей и девушек, которым только предстоит создавать собственные семьи.

Современный этап социокультурного развития накладывает свой отпечаток и на развитие семейных отношений, особенно на молодые семьи. Каждая шестая семья в России – молодая. На долю

* © Симонова Л. В., 2018.

молодых семей приходится две трети рожденных детей. Но современная российская молодая семья крайне уязвима, практически не защищена государством. Внешние дестабилизирующие факторы (плохие жилищные условия, ограниченные материальные возможности, зависимость от родителей, проблемы трудоустройства и профессионального самоопределения) могут сыграть свою губительную роль. Многие социологи считают, что институт брака разрушается, ссылаясь на распространение среди молодежи незарегистрированного (гражданского) брака¹. Сказывается и либерализация взглядов молодежи на семью, добрачные и внебрачные интимные отношения. Ныне официально треть новорожденных признаются родившимися вне брака, каждый второй брак формируется в связи с ожиданием ребенка.

Актуальность исследования обуславливается еще и тем, что именно молодежь оказывается наиболее чувствительной к происходящим социальным переменам. В связи с этим необходимым становится изучение представлений молодежи о семье с целью их подготовки к созданию семьи и последующего совершенствования брачно-семейных отношений.

Представления играют огромную роль в жизни семьи. От того, как индивид представляет себе личность других членов семьи, во многом зависит и то, какие потребности он стремится удовлетворить в семье, как он относится к различным сторонам ее жизни, как он понимает поступки и намерения других членов семьи, относится к удачам и неудачам. Молодые люди должны знать ответы на вопросы о семейных ролях, о тех изменениях, которые происходят в содержании этих ролей в современных обществах, некоторые элементарные сведения о семье как об институте социализации ребенка не из случайных обрывочных сведений, почерпнутых из обыденных суждений, а в результате психологической подготовки.

В современных условиях на формирование представлений молодого поколения о семье влияет ряд факторов: родительский дом, ближайшее окружение, средства массовой информации, литература и школа. Влияние представлений каждого из супругов о тех или иных аспектах семейной жизни на стабильность межличностных отношений очень значительно.

Между идеальными представлениями людей и реальными взаимоотношениями всегда были, есть и будут расхождения. И это

самый распространенный источник неудовлетворенности супружеской жизнью. Каждый из супругов, вступая в брак, имеет сложившуюся систему ценностей, т. е. систему индивидуальных представлений о том, что важно и значимо в жизни. В данной сфере у супругов могут быть существенно различающиеся, и даже противоположные, мнения, суждения, оценки. При этом потребность каждого из них в сохранении и поддержании чувства собственного достоинства, тесно связанная с такими понятиями, как гордость, тщеславие, самолюбие, и затрагивающая глубинные слои психики, должна быть в семье удовлетворена. В противном же случае возникают оскорбления, обиды, ущемляется человеческое достоинство, а когда проявляется пренебрежение к человеку, неуважительное, грубое отношение к нему, дестабилизируются и межличностные отношения, происходит отчуждение супругов друг от друга².

Базой эмпирического исследования явился факультет географии и геоэкологии ВГУ, кафедра общей и социальной психологии ВГУ, Воронежская областная прокуратура и Суд центрального района города Воронежа. Исследованием было охвачено 111 человек в возрасте от 18 до 28 лет. В качестве диагностического материала использовались следующие методики: методика «Рольевые ожидания и притязания», анкета по анализу супружеских потребностей (У. Харли), методика на определение особенностей распределения ролей в семье (Ю. Е. Алешина, Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская).

В результате качественного и количественного, а также статистического анализа полученных результатов мы выявили следующие особенности представлений современной молодежи о семье.

Результаты, полученные по методике «РОП», показали, что у 60 % опрошенных рольевые ожидания превышают рольевые притязания. Таким образом, можно констатировать наличие некоторой эгоцентрической позиции у современной молодежи.

Молодежь склонна рассматривать семью как сферу эмоциональной разрядки и релаксации, на что указывает приоритетная позиция эмоционально-терапевтической функции брака среди других.

В то же время большую значимость для современной молодежи играет внешняя профессиональная, деловая, общественная активность, внешнее благополучие и социальное мнение. А такие внутренние функции семьи как хозяйственно-бытовая и сексуаль-

ная оказываются наименее приоритетными условиями гармонии супружеских отношений.

В представлениях современной молодежи о семье отсутствует четкое деление ролей на мужские и женские. Традиционно мужские обязанности по материальному обеспечению семьи готовы взять на себя и большинство опрошенных девушек, которые в то же время желают переложить заботы о хозяйственно-бытовых проблемах на домработниц, родителей и частично мужей. В среднем 50 % опрошенных хотят, чтобы их родители участвовали в жизни семьи, 30 % готовы принять финансовую поддержку. Современная молодежь проявляет склонность к зависимости от ближайшего внешнего окружения.

Результаты анализа супружеских потребностей подтверждают тот факт, что юноши в числе наиболее значимых качеств будущей супруги отмечают внешнюю привлекательность, а девушки ищут в супруге финансовую поддержку. В остальном иерархия потребностей у юношей и девушек практически идентична. И по-прежнему на ведущих позициях остается потребность в эмоциональной и моральной поддержке (искренности и открытости, нежности и общении).

Представления современной молодежи о семье отличаются заметной идеализацией семейной жизни. У большей части опрошенных среди ассоциаций на слово «семья» совершенно отсутствуют упоминания о трудностях, необходимости жертвовать, проявлять терпение, идти навстречу. Это вполне может служить признаком их неподготовленности к семейным отношениям.

В результате проделанной работы мы выявили ряд особенностей представлений современной молодежи о семье, в частности:

1. В них нет четкого деления супружеских ролей на женские и мужские.

2. Главная роль в представлениях современной молодежи о семье отводится эмоционально-терапевтической функции брака.

3. Существуют гендерные различия в иерархии супружеских потребностей, отраженных в представлениях современной молодежи о семье.

Результаты проделанной работы показывают, что подготовка к супружеской жизни должна стать целью психологической работы и неотъемлемой частью общей системы воспитания подрастающего поколения.

Многие люди принимают решение о вступлении в брак необдуманно, не осознавая принимаемой на себя ответственности, не научившись эффективно общаться с партнером. В результате их ожидания и надежды оказываются неоправданными. Брак окажется более удачным, если супруги сразу осознают, что очарованность партнером недолговечна, что она рано или поздно пройдет. Очень немногие люди бывают по-настоящему готовы к стрессам и тренингам первых лет супружеской жизни.

Семейная жизнь, открывая человеку возможности для личного роста и счастья, одновременно предъявляет к нему и немало требований. Среди факторов, определяющих стабильность молодых семей, выделяют готовность молодежи к браку. Это система социально-психологических установок личности, определяющая эмоционально-психологическое отношение к образу жизни, ценностям супружества.

Готовность к браку – интегральная категория, включающая целый комплекс аспектов.

Формирование определенного нравственного комплекса, готовности личности принять на себя новую систему обязанностей по отношению к своему брачному партнеру, будущим детям. Формирование этого аспекта окажется связанным с распределением ролей между супругами и позволит сместить (нейтрализовать) эгоцентрическую позицию современных юношей и девушек.

Подготовленность к межличностному общению и сотрудничеству. Необходимо способствовать развитию у молодежи целого ряда качеств, связанных с проникновением во внутренний мир человека, – эмпатийный комплекс. Важность этого аспекта связана с тем, что брак по своему характеру становится по-настоящему психологическим в силу утонченности человека как личности. В связи с этим возрастает роль психотерапевтической функции брака, успешной реализации которой способствует развитие способности к сопереживанию, вчувствованию в эмоциональный мир партнера.

Высокая эстетическая культура чувств и поведения личности.

Умение разрешать конфликты конструктивным способом, способность к саморегуляции собственной психики и поведения. Умение конструктивно решать межличностные конфликты, использование их для развития межличностных отношений супругов

считается решающим в процессе взаимного приспособления молодоженов.

Проделанная работа и подготовленный материал могут быть полезны как в теоретическом, так и в практическом планах. Обсуждение ряда дискуссионных вопросов на тему проблем в межличностных отношениях молодых супругов, деятельность психолога-практика, занимающегося консультированием семейных пар и молодых людей, собирающихся вступить в брак, составление программ по просвещению молодежи относительно семейной жизни и семейных проблем – далеко не все сферы, в которых может быть использован разработанный материал.

Психологам, работающим с молодежью, важно знать, что подготовка подрастающего поколения к семейной жизни должна включать следующие основные аспекты.

Социальный, раскрывающий политику государства в области брачно-семейных отношений и демографии, а также содержащий данные об общественной сущности брачно-семейных отношений, предназначении семьи, семейных ценностях, социальных ролях супругов и родителей.

Нравственно-этический, включающий воспитание следующих нравственных качеств: дружелюбного отношения к представителям другого пола; уважения к матери, отцу, старшим и младшим; потребности в воспитании детей; ответственности, верности, честности, сдержанности, доброты, уступчивости; чувства долга перед супругой (супругом), семьей, детьми; культуры интимных чувств.

Правовой, ориентированный на ознакомление с основами законодательства о браке и семье; с важнейшими положениями семейного права; с обязанностями супругов по отношению друг к другу, к детям, к обществу.

4. Психологический, формирующий понятия о личностном развитии; об особенностях психологии межличностных отношений юношества; о психологических основах брака и семейной жизни, умения понимать психологию других людей; развитие чувств, необходимых для супружеской и семейной жизни; владение навыками общения.

5. Физиолого-гигиенический, включающий знания физиологических особенностей мужского и женского организмов; особенностей половой жизни, вопросов личной гигиены и др.

6. Педагогический, включающий формирование представлений о роли семьи в воспитании детей, ее педагогическом воспитании детей, ее педагогическом потенциале, специфике семейного воспитания, воспитательных функциях отца и матери, о путях повышения педагогической культуры родителей.

7. Хозяйственно-экономический: вооружение знаниями о бюджете семьи, культуре быта, умениями вести домашнее хозяйство и т. д.

Таким образом, подготовка молодежи к семейной жизни должна представлять собой комплекс всесторонних взаимодействий с родителями, учителями, сверстниками, с другими людьми, со средствами культуры и массовой информации, которое должно привести к осознанию молодежью брачно-семейных взаимоотношений, развитию соответствующих чувств, убеждений, качеств и привычек, связанных с готовностью к браку и семейной жизни.

Полученные данные впоследствии могут быть использованы для разработки коррекционных программ при работе с неблагополучными семьями (или семьями, входящими в группу риска).

¹ См. : Баздырев К. А. Рынок и жизненные планы студентов (некоторые результаты исследования ценностных ориентаций студентов МГУ им. М. В. Ломоносова) // Вестник МГУ. Сер. 6. Экономика. – 1998. – № 1. – 123 с.

² См. : Витакер К. Брак и семья // Семейная психология и семейная терапия. – Москва, 1998. – № 3.

Э. В. Смирнова

КАТЕГОРИЯ ДЕТЕРМИНАЦИИ В СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ЛИЧНОСТИ*

Научный подход в любой сфере познания предполагает прежде всего выявление и анализ причин и условий изучаемых объектов, явлений, процессов. Поэтому ключевое значение приобретает понятие детерминации. Это в полной мере относится и к социальной психологии.

* © Смирнова Э. В., 2018.

В современном теоретико-психологическом дискурсе детерминацию принято понимать как процесс формирования поведения личности под воздействием комплекса разнообразных факторов, или детерминант. Проблема детерминизма относится к числу самых трудных и сложных в психологической науке. Ведь требуется четко и аргументировано увязать причинность со свободой воли, решить непростой вопрос о свободе человека и его сознательных действий, которые именно в качестве свободных, на первый взгляд, исключают детерминированность как необходимость. В результате общенаучный принцип детерминизма приобретает в социально-психологической науке вполне определенное звучание.

В современной социальной психологии теоретически обоснованное и методологически выверенное понятие детерминации призвано служить для фиксации и обоснования причинно-следственных и функциональных связей между различными социальными и социально-психологическими явлениями и процессами в их последовательности и взаимозависимости. Иначе говоря, концепция детерминации в системном ключе раскрывает, как и под воздействием каких побудительных причин складывается и осуществляется поведение личности, каковы его внутренние и внешние истоки, динамика и обуславливающие ее факторы, как взаимодействуют различные побудительные причины между собой¹. Соответственно, детерминанты – это те условия, причины, факторы, от которых зависит становление и развитие личности и ее поведения.

Современная психология выделяет влияющие на поведение человека детерминанты (или факторы) на основании разнообразных методологических и концептуальных подходов. Попытка обобщить самое главное в понимании этих детерминант в различных социально-психологических школах и направлениях, позволяет заключить, что конкретный поступок человека может быть обусловлен воздействием определенной ситуации, либо интересами и ориентациями той социальной группы или характером и направленностью системы отношений, в которые включен индивид, либо культуры и социальной среды в целом (в этом прослеживается влияние внешних факторов), либо зависеть от того, как человек воспринимает эту ситуацию, как она отражается в его сознании, быть проявлением какого-то внутреннего источника его активности (влияние внутренних факторов). Иначе говоря, на поведение

человека оказывают влияние как внутренние, так и внешние детерминанты. Если оставить в стороне природные задатки, свойства организма, которые, безусловно, также могут выступать существенными факторами человеческого поведения, то все остальные могут быть причислены к социальным (особенности социокультурной среды, в которой находится субъект) и социально-психологическим детерминантам. При этом последние можно разделить на личностные и групповые.

Личностные социально-психологические детерминанты поведения связаны с индивидуальными особенностями личности. К ним относят способности, темперамент, память, эмоции, мышление, знания, навыки, потребности, интересы, склонности, идеалы, убеждения, установки, ценности, мотивы и проч.²

К групповым социально-психологическим детерминантам поведения следует отнести, во-первых, систему интерперсональных отношений (семейно-родственных, дружеских, партнерских, служебных и т. д.) в рамках различных малых групп – от семьи до трудового коллектива. Во-вторых, это средние и большие группы, представляющие собой социальные институты, регулирующие общественные и межличностные отношения, а также социально-экономические условия жизни в социуме. В своей совокупности они формируют тот социальный контекст, в который включен индивид, задают требования и нормы, детерминирующие формирование личности. В-третьих, это этносы как большие группы, имеющие свои нормы, традиции, ценностные ориентации, стереотипы, кодексы поведения, которые человек воспринимает и в соответствии с которыми строит свое поведение³.

Камнем преткновения для социальной психологии становится роль и соотношение групповых социально-психологических (внешних) и личностных социально-психологических (внутренних) факторов детерминации поведения личности. Данная проблема, в свою очередь, обусловлена общей трактовкой и спецификой понимания детерминизма в контексте научно-психологического дискурса⁴.

Четкую и емкую формулировку принципа детерминизма предложил в отечественной психологии С. Л. Рубинштейн: «внешние причины действуют через посредство внутренних условий»⁵; «...внешние причины действуют через внутренние условия (которые сами формируются в результате внешних воздействий)»⁶. Предлагая

эту свою знаменитую формулу, он подчеркивал, что при объяснении любых психических явлений личность выступает как связанная во-едино совокупность внутренних условий, через которые преломляются все внешние воздействия. Сами внутренние условия представляют собой психические свойства, процессы и состояния личности. Как видим, включение психических феноменов во всеобщую взаимосвязь явлений материального мира проявляется, по мнению С. Л. Рубинштейна, в двух взаимосвязанных аспектах: 1) психические явления детерминированы действительностью; 2) психические явления, опосредствующие зависимость поведения от условий жизни, обуславливают деятельность, поведение людей⁷.

Таким образом, распространение общенаучного принципа детерминизма на поведение человека предполагает обязательный всесторонний учет его психической деятельности во всем многообразии форм и проявлений как внутренних условий поведения. Обусловленная различными объективными обстоятельствами жизни человека и, в свою очередь, обуславливающая его поведение психическая деятельность двусторонне – в качестве и обусловленного, и обуславливающего – включается во всеобщую взаимосвязь явлений, создавая сложнейшую картину социальной жизни людей. Разные стороны психической деятельности определяются разными условиями и изменяются в ходе развития разными темпами и, зачастую, в различных направлениях.

Как видим, в центре проблемы детерминации оказывается личность. При объяснении любых психических явлений именно личность выступает, по С. Л. Рубинштейну, единой целостной системой внутренних условий, через которые преломляются все внешние (социальные, культурные, политические, педагогические и проч.) воздействия. Иначе говоря, она объективно служит основанием развития человека. Заметим, что здесь не личность низводится до уровня внутренних условий, а, напротив, последние складываются и развиваются как единство личности. Они формируются в зависимости от предшествующих внешних воздействий. Поэтому преломление внешнего через внутреннее означает опосредствование внешних воздействий всей историей развития личности. Тем самым детерминизм включает в себя историзм, но, разумеется, не сводится только к нему.

В социальной психологии принято выделять детерминанты разной меры общности и устойчивости: общечеловеческие, типологические (свойственные данному индивиду как представителю определенного общественного строя, нации, класса и т. д.), индивидуальные. Ведь свойства личности содержат в себе и общее, и особенное, и единичное. Личность тем значительнее, чем больше в индивидуальном преломлении в ней представлено всеобщее. С этих позиций С. Л. Рубинштейн дает оригинальное и перспективное решение проблемы общечеловеческого и социального, по-новому определяет предмет социальной и исторической психологии. По его мнению, в силу того, что внешние причины действуют лишь через внутренние условия, внешняя обусловленность развития личности закономерно сочетается с его «спонтанностью». Все в психологии личности так или иначе внешне обусловлено, но ничто не выводимо непосредственно из внешних воздействий. Поэтому С. Л. Рубинштейн не разделяет позицию, согласно которой надо выводить развитие личности непосредственно из требований, предъявляемых к ней обществом. По той же причине он не соглашается с теорией интериоризации, возражая против «превращения человека в креатуру педагога», руководителя и т. д. Воздействие на человека внешних условий общественной жизни всегда опосредствовано его внутренним к ним отношением⁸.

Свой вариант детерминации развития личности предложил А. Н. Леонтьев. Четко различая понятия «индивид» и «личность», он неоднократно подчеркивал: индивидом рождаются, а личностью становятся. При этом ученый акцентировал внимание именно на системной детерминации жизни личности, определяющим способом существования которой является совместная деятельность в конкретно-историческом контексте⁹. Только в деятельности человек реализует себя, свои потребности и интересы, задатки и способности. Вне деятельности, и именно совместной деятельности, человек не состоится как личность. Она связывает воедино все аспекты и стороны его психики, придает ему целостность и личностную уникальность. Деятельность превращает индивида в активный и самостоятельный субъект социальных отношений, актуализирует его потенциальные возможности и способности.

Второй важнейшей детерминантой развития личности, по А. Н. Леонтьеву, являются *многообразные социальные отношения*,

в которые вступает индивид в ходе различных видов деятельности. Собственно говоря, в процессе отношений и происходит его социализация, формирование и развитие личностных свойств и качеств. Участвуя в разнообразных социальных отношениях, личность обретает определенный статус в обществе, выполняет соответствующие социальные роли. Адаптируясь к этим социальным статусам и ролям, она развивает и меняет свои психологические особенности, учитывая существующие в обществе нормы, а также установки других участников социальных отношений, усваивает и интериоризирует их ценностные ориентации.

Следующей детерминантой А. Н. Леонтьев считает *индивидуальные свойства человека*. С одной стороны, они формируются под влиянием социальных условий, социальных отношений и в процессе социальной деятельности личности. С другой стороны, социальные нормы, требования и установки являются общими для всех участников социальных отношений. Однако осознаются и реализуются они в поведении индивидов по-разному в силу того что индивидуальные свойства человека играют заметную роль в формировании личности, ее социально-психологических особенностей.

Иные акценты в проблеме детерминации расставил Б. Ф. Ломов. В своих методологических построениях он исходил из двух ключевых идей философско-психологической концепции С. Л. Рубинштейна: идеи «полисистемности бытия человека и интегральности его качеств и свойств»¹⁰. В своей концепции детерминант личности Б. Ф. Ломов во главу угла поставил системную детерминированность психических явлений. Это положение следует понимать как множественность и взаимосвязанность детерминант, действие которых гибко и адаптивно меняется в ходе развертывания психического процесса. При этом в системе детерминант следует выделить основной системообразующий фактор и установить характер и динамику отношений между отдельными детерминантами. Детерминация личности, по Б. Ф. Ломову, имеют системное строение, т. е. включает причины, внешние и внутренние факторы, общие и специальные предпосылки, опосредующие звенья. Исследование психического предполагает его многоуровневый и многоаспектный анализ в плане воздействия на него совокупностей внешних и внутренних отношений, с которыми оно вступает в связь прежде всего в качестве единого целого¹¹. Перспективной пред-

ставляется мысль Б. Ф. Ломова о том, что выделение какого-то одного ведущего фактора – бесперспективный путь в науке.

Учитывая это положение, можно заключить, что только посредством изучения самых разнообразных детерминант возможно построение единой непротиворечивой модели системной детерминации как методологической основы социально-психологических исследований личности.

¹ См. : Деулин Д. В. Системный подход в философско-психологической парадигме // Психологическая наука и образование. – 2007. – № 1. – С. 60–68.

² См. : Русалов В. М. Природные предпосылки и индивидуально-психофизиологические особенности личности // Психология личности в трудах отечественных психологов. – Санкт-Петербург : Питер, 2000. URL : http://studopedia.ru/10_16250_rusalov-v-m.html13 и др.

³ См. : Иванченко В. А. Внешние и внутренние детерминанты процесса социализации подростков из неполных семей : автореф. дис. ... канд. психол. наук. – Ярославль, 2012. – 23 с.

⁴ См. : Орлов А. Б. Психология личности и сущности человека. Парадигмы, проекции, практики. – Москва : Академия, 2002. – 272 с.

⁵ Рубинштейн С. Л. Вопросы психологической теории // Вопр. психологии. – 1955. – № 1. – С. 8.

⁶ Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. Человек и мир. – Санкт-Петербург : Питер, 2003. – С. 209.

⁷ См. : Брушлинский А. В. Принцип детерминизма в трудах С. Л. Рубинштейна // Вопр. психологии. – 1989. – № 4. – С. 66–73.

⁸ См. : Рубинштейн С. Л. Теоретические основы психологии и проблемы личности // Вопр. психологии. – 1957. – № 3. – С. 5–12 ; Рубинштейн С. Л. Принцип детерминизма и психологическая теория мышления // Вопр. психологии. – 1957. – № 5. – С. 57–65.

⁹ См. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. – Москва : Политиздат, 1975. – 304 с. ; Леонтьев А. Н. Прошу меня беспокоить // Психологическая теория деятельности : вчера, сегодня, завтра. – Москва : Смысл, 2006. – С. 370–386.

¹⁰ Барбанщиков В. А. С. Л. Рубинштейн и Б. Ф. Ломов : Преемственность научных традиций // Проблема субъекта в психологической науке. – Москва : Акад. проект. – 2000. – С. 47.

¹¹ См. : Ломов Б. Ф. О системном подходе в психологии // Вопр. психологии. – 1975. – № 2. – С. 31–45.

О. В. Тимофеева
К ВОПРОСУ О РОЛИ ГЕНОТИПА И СРЕДЫ
В ВОЗРАСТНЫХ КРИЗИСАХ*

В данной статье мы обратимся к проблеме рассмотрения возрастных кризисов в рамках двухфакторной модели детерминации развития – среды и генотипа.

Проблема возрастных кризисов имеет уже вековую историю. В отечественной и зарубежной психологии изучены различные аспекты возрастных кризисов. При этом в зарубежной психологии преимущественно описано содержание кризисов (и это, в основном, кризисы взрослых периодов); в отечественной психологии описаны новообразования; механизмы перехода с этапа на этап, где акцент отводится смене ведущего вида деятельности, изменению социальной ситуации развития, изменению характера общения ребенка с окружением; поведенческие критерии возрастных кризисов, среди которых трудновоспитуемость, конфликтность, упрямство, негативизм (и это, в основном, кризисы детства).

В большом энциклопедическом словаре кризис определяется как «резкий, крутой перелом в чем-либо; тяжелое положение»¹.

Кризис возрастной – особые, относительно непродолжительные (до года) периоды онтогенеза, характерные резкими психологическими изменениями. Это условное наименование переходных этапов возрастного развития, занимающих место между стабильными (литическими) периодами².

В узком смысле генотип есть совокупность аллелей гена или группа генов, контролирующих развитие и проявление анализируемого признака у данного организма. Ген представляет собой единицу генетического материала³.

Среда – 1) вещество, заполняющее пространство, а также тела, окружающие что-нибудь (воздушная, питательная); 2) окружение, совокупность природных условий, в которых протекает деятельность человеческого общества, организмов (географическая среда); 3) окружающие социально-бытовые условия, обстановка, а также совокупность людей, связанных общностью этих условий (социальная среда)⁴. Релевантной для развития психологи-

* © Тимофеева О. В., 2018.

ческих особенностей является среда в третьем, т. е. социальном понимании. Именно это понимание мы и берем за основополагающее.

В работах Г. Крайг предлагается понимать кризисный период как момент синхронизации созревания и воздействия среды⁵. Для нас такое утверждение не является однозначным. Думается, что синхронизация, скорее, по своему существу соответствует стабильному периоду. В это время генотип оказывается в соответствующей ему среде.

А что же выступает движущим фактором возрастных кризисов? В результате чего стабильный период сменяется кризисным? Опора на двухфакторную модель дает нам возможность предположить два варианта. Во-первых, вполне вероятно начало возрастного кризиса с экспрессии генов, которые до этого времени не были активны. На уровне психики это проявится в качественной перестройке тех или иных значимых для данного периода особенностях. В этом случае психика приобретает новообразование, которое необходимо субъекту научиться встраивать в свою жизнедеятельность.

Во-вторых, в результате социализации человек может оказаться в новых условиях, где ему предъявляются новые требования. В этом случае он вынужден искать ресурсы для соответствия этим требованиям.

В психогенетике активно используется понятие генотип-средовой ковариации, которая представляет собой неслучайное взаимодействие генотипа и среды. Выделяется три типа ковариации: активная, пассивная и реактивная ковариация. На наш взгляд, в период возрастного кризиса проявляется либо активная генотип-средовая ковариация либо реактивная. Если начало возрастного кризиса обусловлено экспрессией новых генов, то мы сталкиваемся с активной генотип-средовой ковариацией. Ее суть в том, что генотип ищет или создает соответствующую ему среду. Так, например, в исследовании К. Н. Поливановой описывается, что в возрасте трех лет ребенок настаивает на своем вне зависимости от согласия-несогласия родителей⁶. Даже при наличии уступки со стороны взрослого ребенок не удовлетворяется, а лишь меняет предмета недовольства. Вероятно, что проявлением негативизма ребенок создает среду, в которой ему удается протестировать собственные желания и потребности.

Реактивная генотип-средовая ковариация может проявляться в том случае, когда среда «замечает» соответствующие ей генотипические особенности человека. Так, развертывание генетической программы в дошкольном возрасте приводит к такому созреванию психики, которое выступает базой обучения в школе. Именно здесь среда с ведущей учебной деятельностью и предлагаемой новой социальной ролью, на наш взгляд, выступает основным фактором возрастного кризиса. Л. И. Божович считала, что *источником кризиса семи лет является несоответствие нового личностного образования – позиции школьника – старой системе отношений, характерной для дошкольного детства*⁷. Именно среда задает работу по перестройке позиции ребенка.

Пассивная генотип-средовая ковариация заключается в «наследовании» ребенком от родителей не только генотипа, но и соответствующей ему среды. На наш взгляд, данный тип генотип-средовой ковариации соответствует по своим характеристикам стабильному периоду, где наблюдается постепенное развитие ряда психологических проявлений.

Для психологической теории и практики актуально изучение роли генотипа и среды в возрастных кризисах. Изучение возрастного кризиса в рамках двухфакторной модели позволит исследовать роль генотипа и среды в переходе с одного этапа на другой на каждом возрастном кризисе, и, возможно, позволит найти ответ о специфических условиях, способствующих активизации и оптимизации этого перехода. Вполне вероятно проследить генотип-средовую преемственность между кризисами, кризисными и стабильными периодами.

Далее мы уделим внимание организации исследования роли генотипа и среды в возрастных кризисах с опорой на методы психогенетики.

Одним из основных методов психогенетики выступает близнецовый в его классическом варианте – методе контрастных групп. Объектом эмпирического исследования являются монозиготные и дизиготные близнецы, которые контрастны друг другу количеством общих генов. У монозиготных близнецов генотип идентичен, а дизиготные близнецы имеют примерно 50 % общих генов. Основным постулатом этого метода является равенство средовых условий для каждой пары в отдельности.

Выбрав интересующее проявление кризиса, например, произвольность, необходимо изучить внутрипарное сходство монозиготных и дизиготных близнецов. Если генотипически идентичные монозиготные близнецы будут иметь большее сходство, это позволит заявить о преобладающей роли генотипа в проявлении произвольности. Если же внутрипарное сходство монозиготных и дизиготных близнецов будет примерно одинаковым, то мы можем сделать выводы об основополагающей роли среды.

Однако ответить на вопрос об изменении роли генотипа и среды в оттогенезе мы сможем только при организации лонгитюдного исследования. Для нас особый интерес будут представлять изменения степени сходства-различий монозиготных и дизиготных близнецов в течение периода, соответствующего возрастному кризису. Так, для изучения роли генотипа и среды в проявлении кризиса семи лет, исследование желательнее проводить приблизительно с пяти до восьми лет.

Таким образом, благодаря осуществленному анализу специфики возрастных кризисов в рамках двухфакторной теории нам удалось предположить, что в качестве факторов возрастных кризисов выступает изменение согласованного соотношения генотипических и средовых факторов. Мы считаем, что кризис инициируется либо преобладающей активностью генотипических либо средовых факторов. Для ответа на этот вопрос необходимо проведение эмпирического исследования. Осуществление последнего возможно с помощью классического варианта близнецового метода.

¹ Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. – Москва : Большая Российская энциклопедия ; Санкт-Петербург : Норинт. – 1998. – С. 595.

² См. : Большой психологический словарь / сост. и ред. Б. Мещеряков, В. Зинченко. – Санкт-Петербург : Прайм – ЕВРОЗНАК, 2004. – 672 с. ; Выготский Л. С. Проблема возраста // Собр соч. : в 6 т. – Москва : Педагогика, 1984. – Т. 4 : Детская психология. – С. 248–265.

³ Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. – Москва : Большая Российская энциклопедия ; Санкт-Петербург : Норинт. – 1998. – С. 595.

⁴ См. : Ожегов С. И., Шведов Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – Москва : Азбуковник, 1998. – 944 с.

⁵ См. : Крайг Г., Бокум Д. Психология развития : учеб. пособие. – Санкт-Петербург : Питер, 2010. – 939 с.

⁶ См. : Поливанова К. Н. Психология возрастных кризисов : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – Москва : Академия, 2000. – 184 с.

⁷ См. об этом : Поливанова К. Н. Психология возрастных кризисов : учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. – Москва : Академия, 2000. – 184 с.

В. Э. Третьякова
ОПЫТ РАЗРАБОТКИ ОПРОСНИКА ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ
СУБЪЕКТНОСТИ ГРУППЫ В ПРИНЯТИИ
И ИСПОЛНЕНИИ РЕШЕНИЙ*

В настоящее время большинство решений принимается и реализуется людьми в процессе группового взаимодействия, поэтому изучение особенностей принятия и исполнения совместного решения малой группой как субъектом представляется актуальным и в теоретическом, и в практическом отношении. Тем не менее, в современной социальной психологии отсутствуют данные о субъектных характеристиках группы, вырабатывающей и реализующей принятое ею решение. Причинами такого положения являются как теоретическая неразработанность проблемы, так и отсутствие адекватного диагностического аппарата, который бы позволил выявлять уровень развития субъектных свойств группы, проявляемых ею в принятии и исполнении решений.

На данный момент социальными психологами изучены и описаны субъектные свойства малой группы в таких видах совместной активности, как совместная деятельность, групповое поведение, общение, взаимоотношения¹. Однако, в социально-психологической литературе, посвященной проблемам группового субъекта, нам не удалось обнаружить даже упоминания свойств, характеризующих группу как субъект принятия совместных решений и как субъект их исполнения.

* © Третьякова В. Э., 2018.

Проанализировав и обобщив данные о психологии группового субъекта, о процессах принятия группой совместных решений и их исполнения, имеющиеся в литературных источниках, мы выделили субъектные свойства группы, принимающей совместные решения и реализующей их на практике. Поскольку в современной социально-психологической науке отсутствует методический инструментарий, необходимый для исследования интересующих нас субъектных свойств группы, нами под руководством К. М. Гайдар была предпринята попытка создания опросника, направленного на их изучение.

При разработке опросника «Свойства группового субъекта принятия и исполнения решений» мы сформулировали соответствующие концепты и операционализировали понятия, характеризующие свойства группового субъекта принятия решений и группового субъекта их исполнения, выделили показатели (эмпирические индикаторы) каждого из них.

Концепт «свойства группового субъекта принятия решений» определяется нами как устойчивые социально-психологические особенности, характеризующие его субъектность в таком интегративном виде совместной активности, как принятие решений.

К свойствам группового субъекта принятия решений нами отнесены: решительность в выборе, целеустремленность в поиске, кооперативность в обсуждении, интеллектуальное единство, рефлексивность. Они были операционализированы следующим образом.

Решительность группового субъекта принятия решений состоит в его способности уверенно, самостоятельно, энергично и своевременно выбирать окончательный вариант решения задачи/проблемы из нескольких возможных в ситуациях трудностей и помех. Показателями решительности в выборе могут быть: 1) своевременность принятия решения без чрезмерно длительных колебаний и обсуждений; 2) однозначный выбор наиболее целесообразного, аргументированного и обоснованного решения на основе проведенного анализа ситуации; 3) отсутствие растерянности при принятии решения в затрудненных обстоятельствах и при эмоциональном возбуждении группы; 4) уверенность в принятом решении, отсутствие сомнений и колебаний.

В ситуации поиска *целеустремленность* группового субъекта принятия решений заключается в проявлении его волевого единст-

ва, выражающегося в осознанном стремлении непременно выработать взаимоприемлемый вариант совместного решения, несмотря на возникающие разногласия, затруднения, препятствия. Показателями целеустремленности в поиске служат: 1) актуализация групповым субъектом волевых усилий в ходе выработки, обсуждения и принятия решения; 2) намерение во что бы то ни стало, несмотря на имеющиеся в группе разногласия, прийти к взаимоприемлемому варианту решения; 3) умение на основе проведенного анализа выделить приоритеты для группы; 4) сосредоточенность внимания и ресурсов на необходимости найти верное решение, игнорирование отвлекающих факторов и помех в ходе поиска решения.

В ситуации обсуждения *кооперативность* группового субъекта принятия решений – это вовлеченность в данный процесс всех участников, налаженный взаимный обмен информацией, знаниями, представлениями, опытом, совместность в анализе, оценке и сравнении разнообразных альтернатив ради выработки общего решения, объединение усилий в его поиске и формулировании. Показателями кооперативности в обсуждении являются: 1) умение группы организовать общую дискуссию с установлением равноправных позиций всех ее участников; 2) результативность обмена знаниями, представлениями, опытом участников группы; 3) умение согласовывать и комбинировать разные позиции, учитывать индивидуальные мнения ради выработки общего решения.

Интеллектуальное единство группового субъекта принятия решений выражается в совместной интеллектуальной деятельности, направленной на отражение и осмысление внутри- и внешнегрупповых процессов и приводящей к формированию общих для группы представлений, знаний, мнений, позиций, оценок как основы принятия совместного решения. Показателями интеллектуального единства выступают: 1) налаженный взаимный обмен информацией, данными в ходе совместного обсуждения задачи/проблемы; 2) наличие в группе общего «фонда» важных для принятия решения знаний и фактов; 3) умение организовывать и согласовывать совместную познавательную деятельность; 4) согласованная выработка общей стратегии и взаимоприемлемого критерия оценки окончательной версии решения; 5) общность мнений, оценок как основа выработки совместного решения.

Рефлексивность группового субъекта принятия решений – это способность к критическому осмыслению результатов совместного принятия решения, а также к поиску новых способов решения задачи/проблемы, планированию, осмыслению и анализу совместных действий, приводящих к новому, более глубокому пониманию группой сложившейся ситуации. Показателями рефлексивности служат: 1) систематичность совместного анализа и оценивания итогов деятельности, сильных и слабых сторон группы с обязательным осмыслением полученного опыта для его адекватного использования в последующих ситуациях принятия решений; 2) стремление собрать и совместно проработать как можно больше информации, чтобы принять наилучшее решение, обдумать все возможные его варианты; 3) определение на основе проведенной группой оценочно-аналитической интеллектуальной деятельности дальнейших путей совершенствования процесса принятия группового решения, а также поиск новых способов организации этого процесса; 4) умение прогнозировать последствия принятого решения как для самой группы и ее членов, так и для окружающих; 5) осознание групповой ответственности за возможные негативные последствия решения.

Концепт «свойства группового субъекта исполнения решений» был определен нами как устойчивые социально-психологические особенности, характеризующие его субъектность в такой разновидности совместной деятельности, как исполнение решений.

К свойствам группового субъекта исполнения решений мы отнесли: решительность в реальных действиях, целеустремленность в достижении, кооперативность в осуществлении плана, исполнительность, ответственность. Они были операционализированы следующим образом.

Решительность в реальных действиях группового субъекта исполнения решений – это нацеленность на последовательное, четкое, устойчивое, исчерпывающее осуществление выработанного плана, всего комплекса необходимых действий и операций, их быстрое, своевременное и интенсивное воплощение на практике, а в случае необходимости и умение их приостановить. Показателями решительности в реальных действиях могут быть: 1) своевременность выработки плана по воплощению в жизнь принятого реше-

ния и своевременность его выполнения; 2) энергичность действий и операций по осуществлению принятого решения; 3) упорство в достижении намеченного, отсутствие растерянности в затрудненных обстоятельствах и при эмоциональном возбуждении группы; 4) уверенность в реализуемости поставленных целей и задач, выработанного плана, отсутствие сомнений и колебаний; 5) умение вовремя, без продолжительных колебаний приостановить реализацию принятого решения – в случае необходимости.

Целеустремленность группового субъекта исполнения решений – это осознанное стремление к обязательному осуществлению цели, реальному воплощению в жизнь принятого решения посредством упорного, настойчивого и преемственного выполнения ряда вытекающих из него задач, актуализации при этом необходимых усилий при игнорировании отвлекающих факторов и барьеров, гарантированно завершающегося получением конкретного положительного результата. Показателями целеустремленности в достижении являются: 1) сосредоточенность на решении первоочередных задач по реализации намеченного плана, подчинение своей активности последовательному и настойчивому выполнению намеченного; 2) планомерное, уверенное и неуклонное продвижение к достижению цели вопреки встречающимся трудностям, актуализация волевых усилий – в случае необходимости; 3) гарантированное получение конкретного положительного результата в соответствии с исходной целью и выработанным планом ее достижения.

При воплощении плана *кооперативность* группового субъекта исполнения решений – это продуманная организация совместной деятельности по реализации принятого решения, предусматривающая консолидацию, координацию, согласование предпринимаемых действий и операций с одновременным распределением функций, ролей, обязанностей, ресурсов между составляющими групповой субъект участниками совместной деятельности, способствующая ее эффективному осуществлению на практике. Показателями кооперативности в воплощении плана служат: 1) умение группы при реализации принятого решения соблюдать равноправность позиций всех участников совместной деятельности; 2) сочетание умений консолидировать и согласовывать предпринимаемые действия и умений распределять выполняемые функции, обязанности, роли, учитывая индивидуальные особенности и по-

требности членов группы; 3) проявление групповым субъектом единства действий.

Исполнительность группового субъекта исполнения решений – это инициативное, строгое и точное выполнение принятых решений на основе выработанных целей, задач, планов, стремление достичь при этом положительного результата. Показателями исполнительности выступают: 1) умение группы самостоятельно организовать совместную деятельность по воплощению в жизнь принятого решения и управлять ею; 2) добросовестность, прилежность, точность в выполнении намеченного плана, обеспечивающие полноту выполнения принятого решения и достижение исходно намеченной цели; 3) тактическая гибкость как готовность группы в случае необходимости к самокоррекции деятельности по исполнению решения.

Ответственность группового субъекта исполнения решений – это осознание необходимости и произвольное принятие на себя группой обязанности отвечать за свои действия, поступки, направленные на реализацию решения, обеспечение гарантированного достижения качественного результата за счет усердного и последовательного выполнения намеченного плана. Показателями ответственности являются: 1) умение группы сопоставлять и соизмерять свои потенциалы и способности с требованиями других людей, основной организации, общества в целом, а также с требованиями, которые она предъявляет сама к себе при выполнении решения; 2) ориентация на самоконтроль своих действий при исполнении решения; 3) принятие на себя обязательств за результаты и последствия предпринимаемых действий по реализации решения.

На основе выделенных для каждого субъектного свойства группы показателей мы сформулировали утверждения для опросника, включающего две части: часть 1 предназначена для диагностики свойств группового субъекта принятия решений, часть 2 – для диагностики свойств группового субъекта исполнения решений (44 и 41 утверждение соответственно). Каждая из частей опросника сбалансирована по числу прямых и обратных утверждений (это сделано в целях предотвращения действия фактора социальной желательности). И в части 1, и в части 2 опросника утверждения, относящиеся к разным свойствам группового субъекта, последовательно чередуются.

Далее текст первичной формы опросника был передан экспертам для оценки объективности его пунктов². Экспертная оценка позволила нам одновременно оценить надежность отдельных пунктов опросника и его содержательную валидность. По результатам экспертной оценки, из части 1 опросника были исключены как необъективные два пункта, из части 2 – семь пунктов. Таким образом, в итоговый вариант опросника были включены для части 1 и части 2 соответственно 42 и 34 утверждения.

В настоящее время на выборке стандартизации, сформированной из 50 производственных и педагогических коллективов (517 человек), разработаны статистические нормы опросника, позволяющие дифференцировать уровни развития свойств группового субъекта принятия решений и группового субъекта исполнения решений (низкий, ниже среднего, средний, выше среднего и высокий). Проводится психометрическая проверка надежности и валидности опросника.

¹ См. : Гайдар К. М. Социальная психология жизнедеятельности группового субъекта (на материале исследования молодежных учебных групп) : дис. ... д-ра психол. наук. – Воронеж, 2013. – 580 с. ; Журавлев А. Л. Психологические особенности коллективного субъекта // Проблема субъекта в психологической науке. – Москва : Акад. проект, 2000. – С. 133–151 ; Журавлев А. Л. Совместная деятельность как объект социально-психологического исследования // Совместная деятельность : методология, теория, практика. – Москва : Наука, 1988. – С. 19–36 и др.

² В качестве экспертов выступили 7 преподавателей кафедры общей и социальной психологии Воронежского госуниверситета (доценты И. В. Завгородняя, О. П. Макушина, Н. М. Пинегина, О. В. Тимофеева, преподаватели, кандидаты психологических наук О. М. Бабич, Е. Н. Лисова, А. А. Меланьина) и профессор кафедры психологии Курского госуниверситета С. В. Сарычев, которым мы выражаем искреннюю благодарность.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Авакян-Форер А. Г. – аспирант каф. онтологии и теории познания.
- Аль Лами Али Абдулкадер – магистрант 2 курса факультета философии и психологии.
- Арапов А. В. – доктор философских наук, доцент каф. онтологии и теории познания.
- Бабич О. М. – кандидат психологических наук, преподаватель каф. общей и социальной психологии.
- Баркалов В. А. – аспирант каф. истории философии и культуры.
- Белоусов А. Ю. – студент 3 курса факультета романо-германской филологии.
- Беляев М. А. – кандидат философских наук, доцент каф. онтологии и теории познания.
- Вахренева П. Е. – доктор философских наук, доцент каф. онтологии и теории познания.
- Гайдар К. М. – доктор психологических наук, доцент, зав. каф. общей и социальной психологии.
- Гончарова Ю. А. – кандидат педагогических наук, доцент каф. педагогики и педагогической психологии.
- Дьякова Т. А. – доктор культурологии, профессор каф. истории философии и культуры.
- Есманская Н. Е. – кандидат психологических наук, доцент каф. общей и социальной психологии.
- Журавлева И. А. – кандидат философских наук, доцент каф. истории философии и культуры.
- Завгородняя И. В. – кандидат психологических наук, доцент каф. общей и социальной психологии.
- Зубашенко Я. В. – аспирант каф. истории философии и культуры.
- Иванова О. И. – кандидат психологических наук, доцент каф. педагогики и педагогической психологии.
- Ищенко Е. Н. – доктор философских наук, профессор каф. онтологии и теории познания.
- Костюк А. А. – аспирант каф. истории философии и культуры.

- Кравец А. С. – доктор философских наук, профессор, зав. каф. онтологии и теории познания.
- Кукарников Д. Г. – кандидат философских наук, доцент, зав. каф. истории философии и культуры.
- Лисова Е. Н. – кандидат психологических наук, преподаватель каф. общей и социальной психологии.
- Литвинов М. Ф. – кандидат философских наук, доцент каф. истории философии и культуры.
- Макушина О. П. – кандидат психологических наук, доцент каф. общей и социальной психологии.
- Мальшева Н. Л. – аспирант каф. истории философии и культуры.
- Малютина О. П. – кандидат физико-математических наук, доцент каф. общей и социальной психологии.
- Меркулова И. Д. – студентка 3 курса факультета философии и психологии.
- Пинегина Н. М. – кандидат психологических наук, доцент каф. общей и социальной психологии.
- Погорельчик А. В. – кандидат философских наук, преподаватель каф. онтологии и теории познания.
- Саенко М. М. – аспирант каф. истории философии и культуры.
- Симонова Л. В. – преподаватель каф. общей и социальной психологии.
- Симонова С. А. – доктор философских наук, профессор каф. истории философии и культуры.
- Смирнова Э. В. – аспирант каф. общей и социальной психологии.
- Сулимов С. И. – кандидат философских наук, доцент каф. истории философии и культуры.
- Тимофеева О. В. – кандидат психологических наук, доцент каф. общей и социальной психологии.
- Тихонова И. Ю. – кандидат философских наук, доцент каф. онтологии и теории познания.
- Третьякова В. Э. – аспирант каф. общей и социальной психологии.
- Филипцев К. Н. – аспирант каф. истории философии и культуры.

Научное издание

ВЕСТНИК
научной сессии факультета
философии и психологии

В ы п у с к 18

Издано в авторской редакции

Подписано в печать 18.04.2018. Формат 60×84/16.
Усл. п. л. 11,4. Тираж 75 экз. Заказ 241

Издательский дом ВГУ
394018 Воронеж, пл. Ленина, 10
Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии Издательского дома ВГУ
394018 Воронеж, ул. Пушкинская, 3